

Э.Б. Вадецкая

ДРЕВНИЕ
МАСКИ
ЕНИСЕЯ

THE ANCIENT YENISEI
MASKS
FROM SIBERIA

*В память об Иване Антоновиче Ефремове, большом
учёном-палеонтологе, известном писателе-фантасте,
и в честь 75-летнего юбилея Красноярского края.*

Автор

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
THE INSTITUTE OF THE MATERIAL CULTURE HISTORY

Elga B. Vadetskaia

THE ANCIENT YENISEI MASKS FROM SIBERIA

Krasnoyarsk — St.-Peterburg
2009

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Э. Б. Вадецкая

ДРЕВНИЕ МАСКИ ЕНИСЕЯ

Красноярск — Санкт-Петербург
2009

УДК 902.2(571.51)
ББК 63.48(2Рос-4Крн)
В 12

Книга напечатана при поддержке:

*Некоммерческого партнёрства «Межрегиональная
ассоциация археологов» (Санкт-Петербург);*

*ГОУ ВПО Красноярского государственного педагогического
университета им. В. П. Астафьева (Красноярск)*

Вадецкая Э. Б.

В12 Древние маски Енисея : научно-популярное издание. — Санкт-Петербург ;
— Красноярск : Версо, 2009. — 248 с. : ил.
ISBN 978-5-89783-028-2

«Древние маски Енисея» — необычное издание. Оно сочетает в себе популярный очерк по истории археологии Сибири с конкретными исследованиями одного из самых интересных материалов отечественной археологии: погребальных масок древних енисейцев. На страницах настоящей книги эти маски впервые собраны вместе и описаны как целостное явление, стоящее в одном ряду с такими памятниками истории мировой культуры, как статуи острова Пасхи или пирамиды Центральной Америки. Уступая последним в монументальности, сибирские маски ничуть не уступают им в насыщенности тайнами древней истории, загадками мифологической семантики.

Книга содержит огромный иллюстративный материал из личного архива автора. Многие до сегодняшнего дня никогда не публиковались. Археолог Э. Б. Вадецкая — автор более ста пятидесяти научных статей и пяти монографий, ставших библиографической редкостью. Каждая её новая книга — событие. Своей «археологической лопатой» она как бы перелистывает извлечённые из пластов самого времени жизненные хроники поколений, обитавших когда-то по долинам Енисея и Чулыма.

Книга «Древние маски Енисея» адресована юношеству и взрослым, научным работникам и студентам, школьникам, всем, кому интересна история культуры Сибири, её народов.

УДК 902.2(571.51)
ББК 63.48(2Рос-4Крн)

© Вадецкая Э. Б., 2009

© Оформление: Гайшинец С. А., Нуждов А. В., 2009

© Проект, составление, издание: Смирнова Г. А., 2009

ISBN 978-5-89783-028-2

ОГЛАВЛЕНИЕ

Слово об авторе	6
Предисловие	8
Введение	10
 Глава первая О МАСКАХ ЖИВЫХ И МЁРТВЫХ	14
 Глава вторая ЛЕГЕНДЫ ХАКАСИИ	32
 Глава третья ОТКРЫТИЯ ПЕРВЫХ КОЛЛЕКТИВНЫХ МОГИЛ С МАСКАМИ	46
 Глава четвертая ПЕРВЫЕ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КУКЛЫ	62
 Глава пятая ЗАЧЕМ ГЛИНЯНЫЕ ГОЛОВЫ ЗАКРЫВАЛИ ГИПСОВЫМИ МАСКАМИ?	72
 Глава шестая НОВАЯ ГРОБНИЦА В ГОРАХ ОГЛАХТЫ	104
 Глава седьмая ЧТО ЗА МАСКИ БЫЛИ НА ТАГАРСКОМ ОСТРОВЕ?	124
 Глава восьмая ОТ МИФОВ К РЕАЛЬНОСТИ	154
Заключение автора.....	166
Альбом и Каталог масок в Приложении	167
Основная литература	175
Ancient Masks of the Yenisei	176
Funerals masks for album	181
References	183
Альбом. 48 масок, публикуемых впервые	185

Слово об авторе

Вадецкая Эльга
Борисовна, доктор
исторических наук,
ведущий сотрудник
Института истории
материальной культуры
Российской Академии
Наук, Санкт-Петербург

Эльга Вадецкая впервые познакомилась с древностями Красноярского края в 1958-1959 годы, когда, ещё будучи студенткой МГУ, участвовала в археологических экспедициях. С тех пор и связала с Красноярьем свою профессиональную и научную судьбу. Около 30-ти лет возглавляла археологические отряды и экспедиции в разных местах Красноярского края и Хакасии. Основные раскопки осуществляла в зонах водохранилища Красноярской ГЭС и Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса.

Эльга Борисовна — талантливая ученица двух крупнейших археологов по древней истории Южной Сибири: Сергея Владимировича Киселёва и Михаила Петровича Грязнова. Однако профессию ей, как ни странно, выбрал другой известнейший учёный — палеонтолог и писатель-фантаст Иван Антонович Ефремов. Иван Антонович был одновременно другом как С.В. Киселёва, так и отца автора, писателя Бориса Александровича Вадецкого. Со школьных лет юной Эльги Иван Ефремов стал её духовным наставником. Он увидел в ней прообраз археолога Веды Конг — героини своей книги «Туманность Андромеды», который и осуществил в этом фантастическом романе...

Но была ещё у Ивана Ефремова и надежда, что, став археологом, Эльга Борисовна будет писать не только научные, но и научно-популярные книги. Писатель придавал литературе этого направления очень важное для просвещения поколений значение. Сам он последние годы своей жизни всё собирался написать не фантастику, а научно-популярные работы о палеонтологии. От своей же ученицы требовал этого постоянно.

Как только Эльга Борисовна защитила кандидатскую диссертацию, он напомнил ей об этом в поздравительной телеграмме от своей семьи: *«Целуем свою Чайку на взлёте, теперь ждём литературных побед»*. Иван Ефремов близким людям давал прозвища, Эльга для него была Чайкой. А после первых научно-популярных очерков Э.Б. Вадецкой и её книги «Древние Идолы Енисея» писатель признался в одном из писем автору: *«Я ещё раз (в скольких) ставлю себе в заслугу Ваше со-
вращение в археологию. Насколько же это лучше той журналистико-писательской тропы, которая, при ближайшем рассмотрении, оказывается столь узкой!»*.

Перу археолога Эльги Вадецкой принадлежат около двухсот опубликованных научных работ и популярных очерков. Однако писать научно-популярные книги по археологии, с чем столкнулась Э.Б. Вадецкая, сложнее, чем научные. Она считает, что чем глубже погружаешься в науку, чем больше узнаёшь о жизни древних людей, тем труднее писать просто о сложном, мало понятном современному читателю. Да и длительные полевые сезоны обычно не содействуют этому: они же забирают у археологов всё время.

Тем не менее эта новая книга «Древние маски Енисея» уже третья, после книг «Древние Идолы Енисея» (Ленинград, 1967) и «Сказы о древних курганах» (Новосибирск, 1981), научно-популярная работа автора. О достоинствах, об особенностях книги «Древние маски Енисея» судить читателю.

Ефремов Иван Антонович (1907—1972), русский писатель-фантаст, палеонтолог. Заложил основы тафономии — раздела палеонтологии. В его фантастических романах отражены проблемы нравственности и социальной философии. И. А. Ефремов — автор знаменитых книг «Туманность Андромеды», «Лезвие бритвы», «Час Быка», «Таис Афинская» и многих других.

И. А. Ефремов,
Э. Б. Вадецкая.
1961 год

Раскопки кургана
у села Тесь на берегу
реки Туба.
Шарыповский район.
1980 год

Предисловие

ДРЕВНИЕ МАСКИ ЕНИСЕЙЦЕВ

Маска — зачем она и кому нужна в наши дни? Маска служит, в основном, затем, чтобы почему-либо прикрыть ею лицо, сделать его, по какой-либо причине, неузнаваемым. Но это лишь пережиток многовековой давности разнообразного и повсеместного использования масок практически всеми народами.

Когда-то по маске, прежде всего, распознавали определённое божество, мифическое предка: в образе ли почитаемого от века животного, или легендарного героя. Масками увенчивали лицо или голову участников различных ритуалов; именно поэтому их называют ритуальными. В отдалённых местах Сибири и Дальнего Востока подобные маски употреблялись ещё столетие назад...

От ритуальных масок отличаются погребальные. Как правило, их изготавливали (а где-то ещё и поныне изготавливают) исключительно для умерших людей, или для изображавших их кукол. Назначение погребальных масок, в отличие от ритуальных: сделать ушедшего в мир иной человека узнаваемым, по крайней мере, для его живых родственников и душ мёртвых.

Смысл изготовления этих масок у разных народов различается, в зависимости от правил похоронной практики. Но их употребление всегда тесно связано с загадочными для современных людей загробными верованиями. Поэтому и не гаснет с годами особенный интерес к маскам погребальным.

Было бы неверным судить, что речь идет о чём-то, интересном только учёным. Нет. Погребальные маски — это не просто память родственников, потомков об ушедших людях. Они рассматриваются, в первую очередь, как произведения искусства древних, как материальное воплощение их философии, их воззрений на окружающий мир и на собственные личности.

Всё сказанное касается не только давно известных египетских, греческих и римских масок, но также и мало ещё изученных гипсовых изображений головы и целых бюстов, найденных в курганах по долинам Енисея. Их загадочность волнует умы учёных и побуждает придумывать самые разные гипотезы, порой противоречащие друг другу.

Причина такого явления заключается в том, что данные изображения, гипсовые портреты не имеют ничего общего с погребальными масками других народов. Тем более, что к нашим дням они дошли преимущественно в многочисленных обломках. Их реставрация, последующие исследования требуют большой и очень кропотливой работы.

Автор данной книги на протяжении многих лет изучала найденные маски, хранящиеся в семи музеях страны. Привлекла к этой проблеме специалистов из Лаборатории археологической технологии Института материальной культуры Российской Академии Наук и Отдела научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа.

В результате здесь описаны не только истории нахождения масок и различные их толкования, но (впервые!) и способы, какими их наносили, на что наносили, какими красками. Удалось установить, например, такой важный факт. Оказывается, маски уже в древние времена подвергались неоднократной реставрации, начиная от момента их изготовления и до погребения вместе с теми, кому они предназначались.

Из скульптур, сохранившихся лучше всего, был составлен альбом с указанием, когда, кем и где они были найдены, где хранятся. Альбомом завершается эта книга.

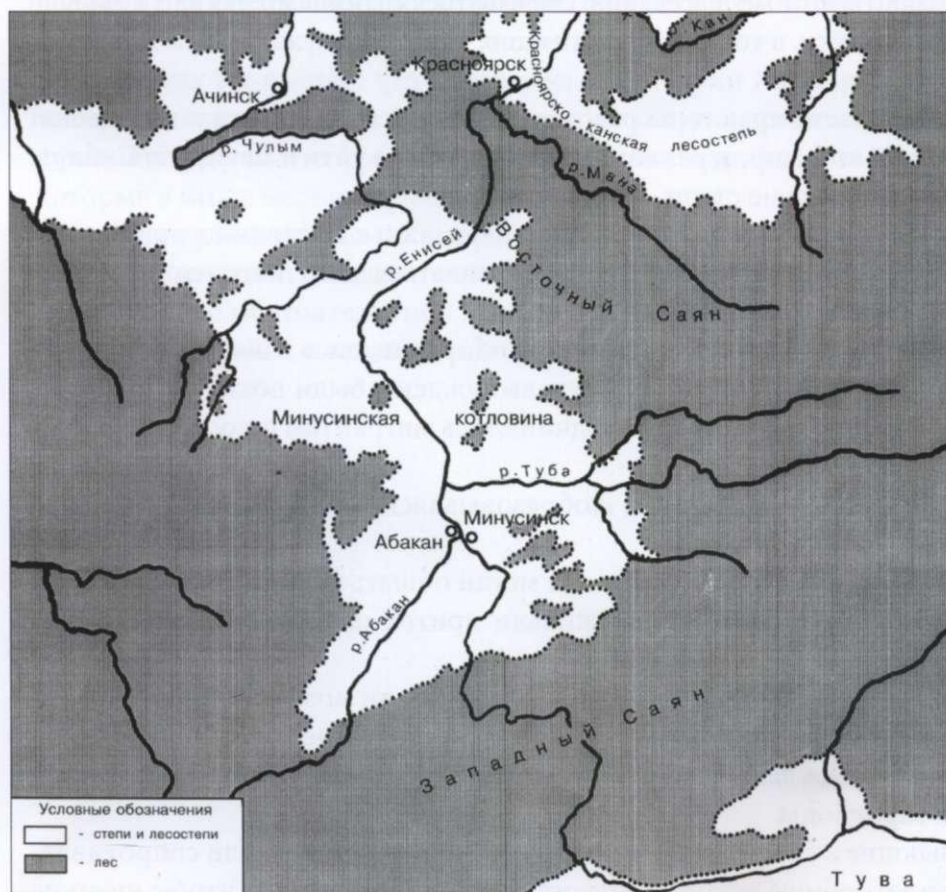

Рис. 1.
Карта Присаянья,
состоящего из
небольших котловин,
окружённых массивами
залесённых гор.
(Юг Красноярского края
с Хакасией)

Введение

*«... На небосклоне
Наш останавливают взор
Хребты Саянских диких гор
Средь лета в снеговой короне».*

(А.К. Кузьмин, 1827 год)

Сквозь Саянское ущелье бурным потоком прорывается в северном направлении Енисей, родившийся за Саянами. Раздвигая на своём пути могучие скалы и утесы, устремляется он к Северному Ледовитому океану.

Далее путь великой сибирской реки протекает в степной и лесостепной зонах, окружённых широкой полосой залесенных горных хребтов Западного и Восточного Саяна и Кузнецкого Алатау. Места здесь необычайно живописны и труднопреодолимы.

Вся обширная территория в кольце Саянских гор носит название Присянье. Все, кто там побывал хоть единожды, не может не согласиться с мнением поэта.

В течение тысячелетий Саяны своими труднопроходимыми горными тропами, отвесными скалами и вечными снегами защищали здешние народы от вражеских вторжений с юга. Енисей и его притоки позволяли местному населению связываться с соседями на севере, западе и востоке. Но это были жители тайги, в то время как в степях Присянья уже 5000 лет тому назад селились скотоводы...

Только в северо-западной части края горы расступаются. Здесь образовался небольшой Томско-Чулымский лесостепной коридор, через который можно было уйти в Западную Сибирь, а оттуда на Алтай и даже в казахстанские степи.

Но и сама богатая пастбищами холмистая степь в Присянье постоянно привлекала скотоводов с западных территорий. Они и стремились пользоваться этим лесостепным коридором, особенно в годы засухи или размножения саранчи.

Иногда миграции из Казахстана и Алтая на Енисей оборачивались завоеванием здешних земель. В таких случаях местные племена зачастую вынуждены были покидать обжитые места и уходить в лесные предгорья. Но чаще они подчинялись мигрантам и постепенно смешивались с ними.

Вот таким образом, спустя несколько веков, и образовывался новый народ...

С остальными соседями племена в долине Енисея могли общаться лишь по нескольким труднопроходимым горным тропам, которые сдерживали приток населения с юга. То был путь охотников и торговцев.

Когда же за Саянами (чуть более двух тысяч лет назад) стали возникать крупные государства, то с их территорий отправляли по тем же тропам небольшие отряды сборщиков пушнины для изымания этого вида дани у енисейских племён. Для чего на берегах Енисея сооружались иностранные гарнизоны.

В свою очередь, привыкшие к свободе местные племена обычно оказывали сопротивление. К тому же они верили в загробную жизнь. А значит, и стремились к тому, чтобы никакие

жизненные коллизии в дальнейшем не помешала представителям данного рода оказываться всем вместе в одном селении для мёртвых.

Вот одна из причин, по которым возник обычай хоронить в один приём в одной могиле соплеменников, почивших, может быть, в разные годы.

А для того, чтобы соблюдать такой порядок, потребовалось научиться предохранять тела умерших от преждевременного разложения и заменять их изображениями покойных. В том числе люди научились изготавливать гипсовые маски, которые до сих пор представляют одну из серьёзнейших научных загадок.

Но сначала немного географии.

В центре Присяянья расположены четыре котловины. В XIX веке им давались названия либо по рекам (Чулымо-Енисейская и Сыда-Ербинская), либо по имевшимся в тот период времени городам (Назаровская и Минусинская). В 1822—1925 годы эти котловины входили в состав южной части Енисейской губернии; в 1925—1934 годы они представляли Приенисейскую Сибирь. А уже с декабря 1934-го вошли в южную часть территорий Красноярского края, вместе с республикой Хакасия.

Столица Хакасии город Абакан разрослась ныне в пределах, превышающих границы Минусинска. Иногда по этой причине самую крупную котловину, Минусинскую, именуют также Абакано-Минусинской или Хакасско-Минусинской.

Для историков данное обстоятельство не имеет особого значения, поскольку здешние древние племена и народности имели схожие судьбы и проходили одинаковый путь своего возникновения, расцвета и исчезновения.

Но так уж вышло, что именно на территории Хакасии сохранилось наибольшее количество древних курганов с коллективными захоронениями. Степные земли в здешних местах суше, поэтому на них сохранились и издали виднеются самые старые могильные оградки, которые в иных местах теряются в траве.

К тому же именно в Хакасии крупные курганы реже бывают запаханы, ибо население в основном использовало степи под пастбища, а не сеяло здесь зерновых культур. Важным является и то обстоятельство, что сухие хакасские почвы лучше сохраняют не только деревянные постройки и человеческие останки, но и всякую другую органику.

И. В. Власов

Рис. 2

На следующих страницах представлена карта конца XIX века Енисейской губернии, в пределах которой производились первые археологические исследования на Енисее.

Карта была издана «Картографическим заведением А. Ильина по Екатерингофскому проспекту д. № 11-43», в масштабе 1/2,100 000 (50 вёрст в английском дюйме)

КАРТА ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНІИ

Масштабъ

1
2,100 000

50 верстъ въ Англійскіе мили.

Северная часть
ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНІИ
Масштабъ 1:2,100,000
50 верстъ въ Англійскіе мили.

Тура

Нижняя

Тура

Большая

Тура

Ленская

Тура

Татарская

Тура

Нижняя

Тура

Большая

Тура

Ленская

Тура

Татарская

Тура

Нижняя

Тура

Большая

Тура

Ленская

Тура

Татарская

Тура

Нижняя

Тура

Большая

Тура

Ленская

Тура

Татарская

Тура

Нижняя

Тура

Большая

Тура

Ленская

Тура

Татарская

Глава первая

О масках живых и мёртвых

- Добрые духи, оберегающие от злых сил
- Послания из давних времен
- О перевоплощении в «журавлей»
- Зачем добрым богам придавали женский облик...

Рис. 3.
Охотничий головной убор,
выполненный из шкурки с головы
нерпы

В далёкие от нас времена люди стремились уберечь себя от злых сил и найти защиту у добрых духов. Люди были убеждены в том, что только от добрых духов зависела их жизнь, со здоровьем, с болезнями и войнами, с уловом зверя и рыбы, с приплодом стада, многим другим. Божествам не показывались без маски. Маски были разнообразны, для различных событий в жизни человека. Свидетелями являются, во-первых, маски, сохранившиеся у некоторых народов Сибири ещё и в XIX–XX веках. Во-вторых, рисунки тысячелетней давности, высеченные на камнях, а также чудом дошедшие до нас гипсовые лицевые изображения мёртвых. Они — послания всем нам из давних веков...

В 1975 году крупнейший специалист по этнографии Сибири Сергей Васильевич Иванов выпустил альбом «Маски народов Сибири». В нём содержатся фотографии: одного головного убора, 26 масок-личин, надевавшихся на лицо человека, 12 масок, не предназначавшихся для ношения на лице, так называемых маскоидов, и восемь миниатюрных скульптур с масочками на лицах.

Все эти предметы хранятся ныне в Санкт-Петербурге в Музее антропологии и этнографии, а также в Российском этнографическом музее. Маски датируются XIX — первой четвертью XX вв., но традиция их использования восходит к глубокой древности.

Во все времена древние люди, идя на охоту, в бой, исполняя ритуальные танцы и театрализованные представления, надевали маску на лицо или на голову. Целью было перевоплотиться, с помощью маски и маскировочного костюма, в какое-либо иное существо: птицу, животное, легендарного героя или мифического предка. Маски носили колдуны при совершении обрядов, а также исполнители танцев, в которых рассказывалось о происхождении людей от какого-либо животного, или изображались жертвоприношения.

Сравним. В наши дни под маской, напротив, понимают какую-нибудь накладку с прорезями для глаз, которую надевают на лицо для того, чтобы не быть узнаваемыми. Таким образом понятие маски утратило со временем своё однозначное ритуальное назначение. В альбоме С.В. Иванова показана только одна охотничья маска: шкурка, снятая с головы нерпы. Её надевали на голову охотники чукчи (Чукотский округ Магаданской области) во время охоты на нерп (рис. 3). Но еще в XVIII веке эвенки (селились от Енисея до Охотского побережья), также и буряты (Бурятский нац. округ, Читинская и Иркутская области) надевали в пору охоты шапки, увенчанные рогами оленя...

Особое место среди масок занимают такие, которые связаны с культом медведя. Наиболее известны они у обских угров (манси и хантов), проживающих в низовьях рек Обь, Енисей. Употреблялись такие маски мужчинами во время «медвежьих» праздников, которые устраивались в честь хозяина тайги — медведя. На этих праздниках разыгрывались охотничьи сценки, при этом люди пели и плясали, совершали жертвоприношения медведю. Маски изготовлялись из бересты и имели отверстия для глаз и рта, обведённых чёрной краской. Нос пришивался, как правило, сухожильной ниткой (рис. 4, 5). Схожи по смыслу деревянные маски-личины коряков (Корякский округ Камчатской области): с открытыми глазами и от-

вертием рта. Надевались такие маски во время танцев, изображающих охоту на медведя, при гонке на нартах. Люди при этом разыгрывали целые пантомимы — представления без слов (рис. 6).

Маски жителей Северного Алтая, шорцев и кумандинцев изготавливались из бересты, имели прорезные глаза, рот и нос, иногда обведённые полоской красной краски. Изображали они, преимущественно, мифического Кочо, сына небесного божества (рис. 7). В отличие от масок хантов и манси, пришитые носы на масках шорцев и кумандинцев редки.

Более поздние маски и маскоиды использовались только шаманами у ненцев, эвенков, удэгейцев (Хабаровский и Приморский края), западных тувинцев, у бурят. В ненецких обычаях сохранились суконные маски шаманов, где контуры глаз, носа и рта обшиты жгутами из оленьего волоса. У эвенков маски — из кожи, дерева, иногда обшитые кожей, медью, железом.

У удэгейцев культивировалась своеобразная галерея шаманских предков. Это видно из того, что маски изображали духа покровителя шамана. Делали же их из дерева и бересты, раскрашивали чёрной и белой красками. Западные тувинцы лицевыми масками не пользовались, но прикрепляли одну или две маленькие маски (маскоиды) к головному убору. У бурят известны шаманские и ламаистские маски. Шаманские, изготавливаемые из кожи, дерева, меди и железа, исчезли из употребления в XIX в. Они изображали духа — покровителя шамана или его предка (рис. 8).

А вот у балаганских бурят деревянные маскоиды, олицетворяющие Великого Шамана или Родоначальника, хранились в жилищах, а также в отверстиях, которые выдалбливались в столбах неподалёку от селений.

Две ламаистские маски, опубликованные в альбоме С.В. Иванова, ранее не были известны в Сибири. Они изготовлены из папье-маше, пёстро раскрашены, с применением позолоты. Фантастический характер этим маскам придавали изображения третьего глаза и маленьких человеческих черепов вокруг головы.

Деревянные человеческие фигурки (высотой 21, 45 см) с металлическими масками изготавливались самодийскими народами (ненцами, нганасанами, энцами, эвенками, рис. 9). У манси на таких фигурках применялись берестяные маски. Они изображали покровительницу семьи, рода, духа охоты, хозяина диких зверей (рис. 10).

У хакасов к XIX веку погребальных масок не сохранилось. Но именно на хакасских территориях, как указал автор альбома С.В. Иванов, в древности изготавливались культовые и погребальные маски. К настоящему времени лишь в трёх могилах, где похоронены мужчины, найдены остатки самих культовых масок. Дважды это оказывались захоронения колдунов, которые при своей жизни исполняли, видимо, какие-то обряды, перевоплощаясь в журавлей.

Рис. 4.
Берестяная маска манси. Употреблялась на «медвежьем» празднике

Рис. 5.
Берестяная маска хантов. Употреблялась на «медвежьем» празднике

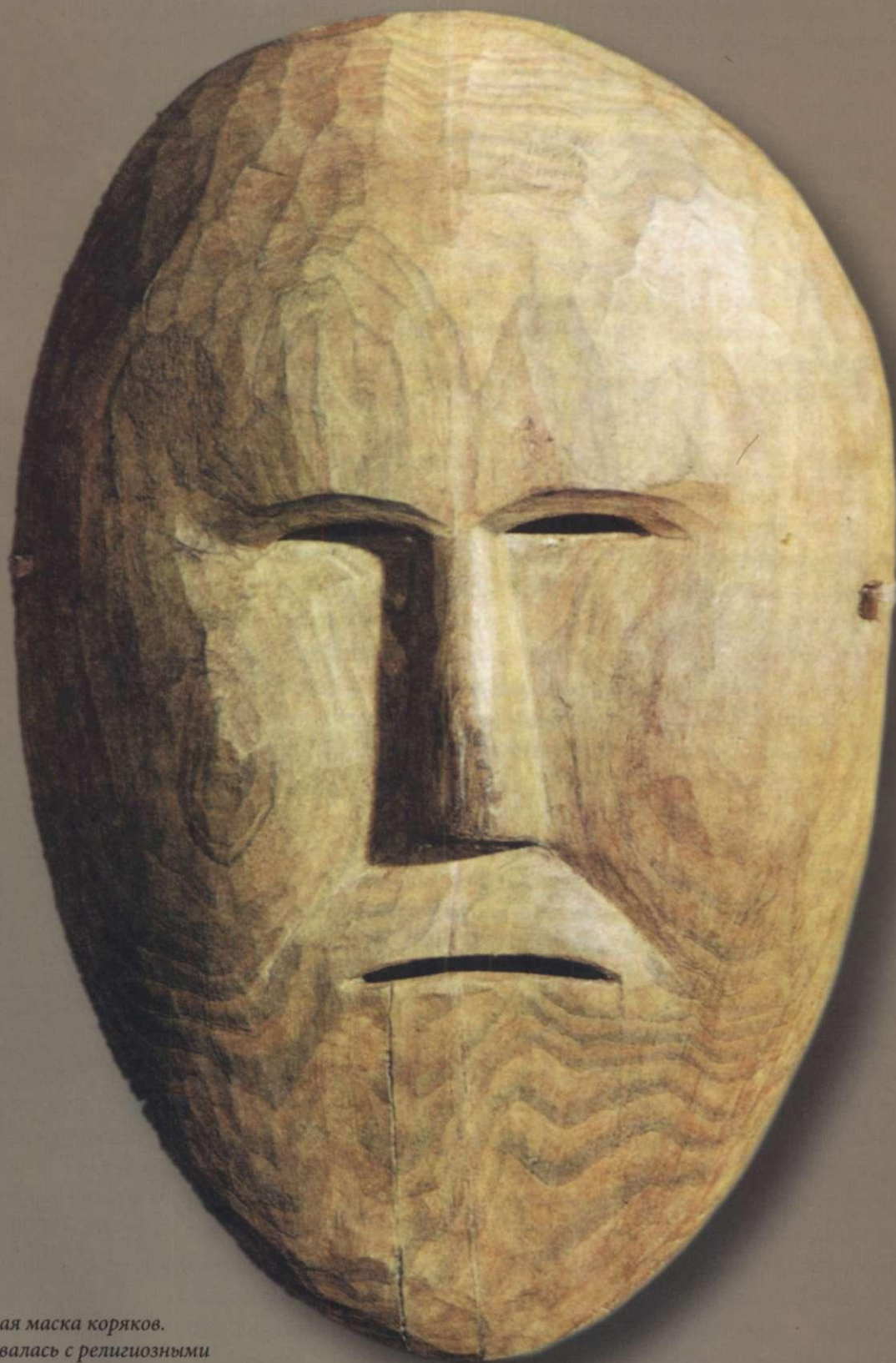
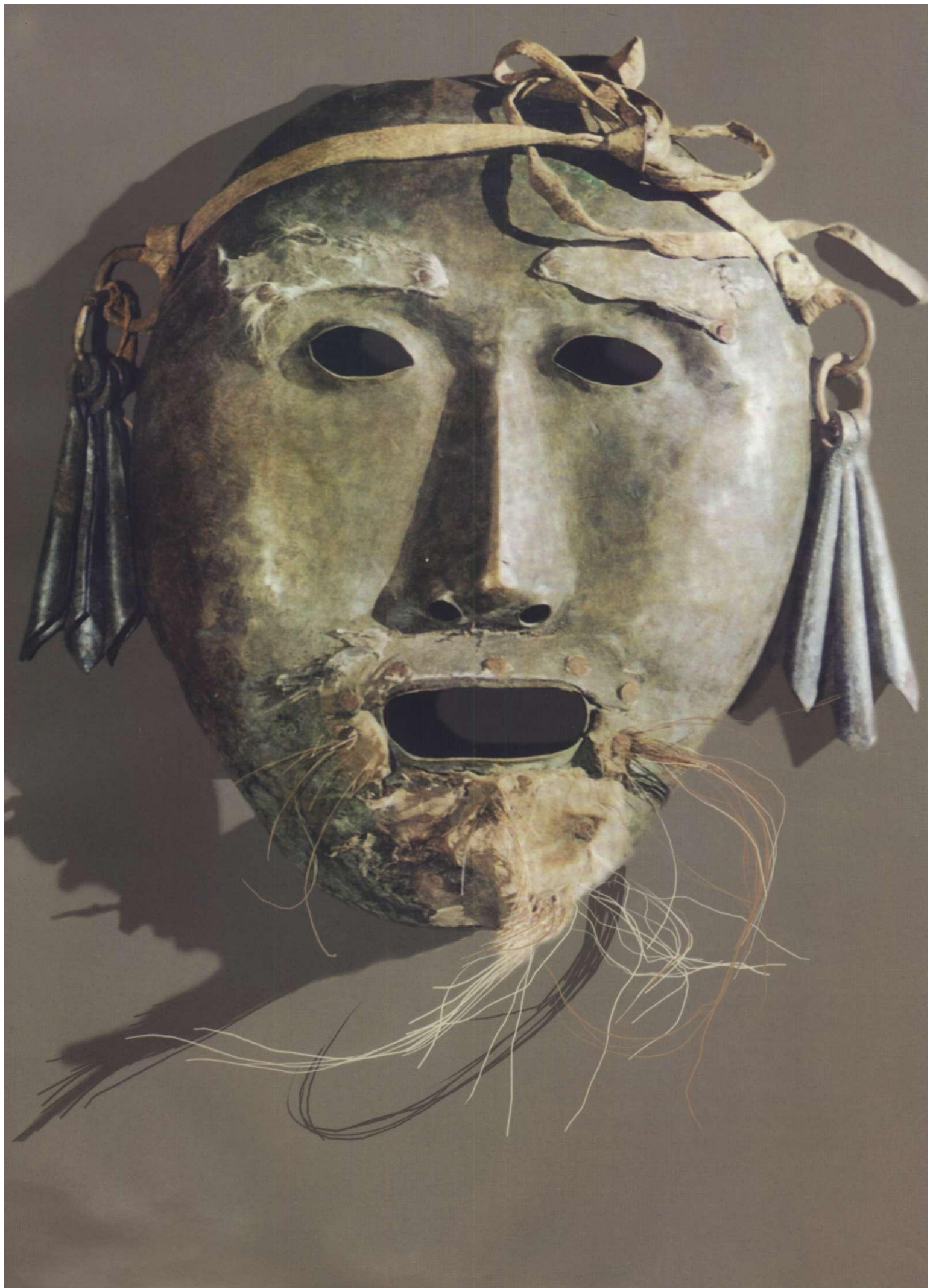

Рис. 6.
Деревянная маска коряков.
Использовалась с религиозными
целями на праздниках

Рис. 7.
Берестяная маска кумандинцев.
Изображала Кочо — сына небесного
божества

На это указывают подвешенные к их поясу кожаные или берестяные маски, от которых сохранились журавлиные клювы.

У третьего мужчины, 20-лет, имелся наголовник, сделанный из крышки черепа козла с рогами. Этим могилам 40 веков. Их раскопали ленинградские археологи в 60-х и 90-х годах двадцатого века. В основном же от той эпохи сохранились только рисунки людей в маскировочных костюмах, зато их много и они разнообразные.

Первые изображения были найдены в 1957 г. археологом Абаканского музея А.Н. Липским. На них представлены люди с птичьими головами и опереньем в виде лучей (рис. 11). Изображения вырезаны глубокими линиями на плите, закрывающей одну из могил кургана, известного у хакасов под названием Тас Хазаа, что по-русски означает «каменный двор». Такое название связано, по-видимому, с тем обстоятельством, что всё сооружение представляло собой невысокую (менее метра), но очень большую (40х40м) каменную ограду близ улуса Чаркова, что на правом берегу р. Абакан.

Именно в них С.В. Иванов видит маскировочные костюмы. Его мнение разделяет и другой знаток археологии и этнографии Западной Сибири, В.Н. Чернецов.

Дело в том, что изображённые на плите лучи-оперенья схожи с маскировочными костюмами птиц, которые до сих пор надевают ханты во время своих ритуальных плясок.

Однако к маскировкам относятся и другие рисунки на плитах описываемого кургана, не обозначенные автором альбома. Это прорисованные тонкими штрихами люди с конской и козлиной головой а также хвостатые человечки с луками, лица которых пересечены (рис. 12, 13) полосой. Хвосты изображённых штрихами человечков (рис. 13, 14) позволяют распознать в фигурках охотников, облачённых в одежду какого-то зверя, а в лицевой полосе — роспись маски. Рисунок сидячего человека в маскировочном костюме медведя был обнаружен на одной из скал горы Сулек на севере Хакасии. Маска медведя привязана крест-накрест к его туловищу (рис. 15 б). Таким же образом крепились антропоморфные маски людей, которые прорисованы на одной из плит того же времени (рис. 16).

А ещё на одной человеческой фигуре на горе Сулек изображена не только маска разъярённого медведя на голове, но и его маскоид на рукаве (рис. 15 а).

Итак, нет сомнения в том, что уже 40 веков назад жители в долине Енисея использовали в ряде случаев маски в качестве маскировки на охоте, при колдовстве и разыгрывании древних мистерий, повествовавших об их происхождении и приключениях.

Рис. 8.
Шаманская маска бурятов,
изготовленная из латуни

Рис. 9.
Деревянная фигурка
«хозяина» диких
зверей эвенков. На
ней медная масочка
и меховая одежда

Рис. 10.
Деревянная фигурка
покровителя рода манси.
На ней берестяная
масочка

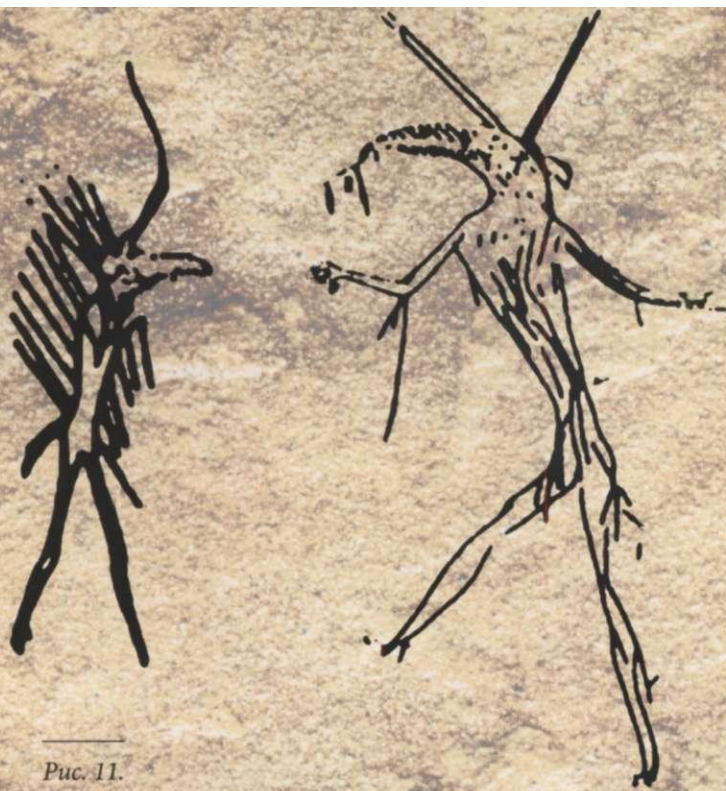

Рис. 11.
Рисунки людей в маскировочных
костюмах птиц. Могильник Тас
Хазаа. Хакасия. Конец III-го —
начало II-го тысячелетия до н.э.

Рис.12.
Рисунки людей
в наголовниках
коня и козла,
Могильник Тас
Хазаа

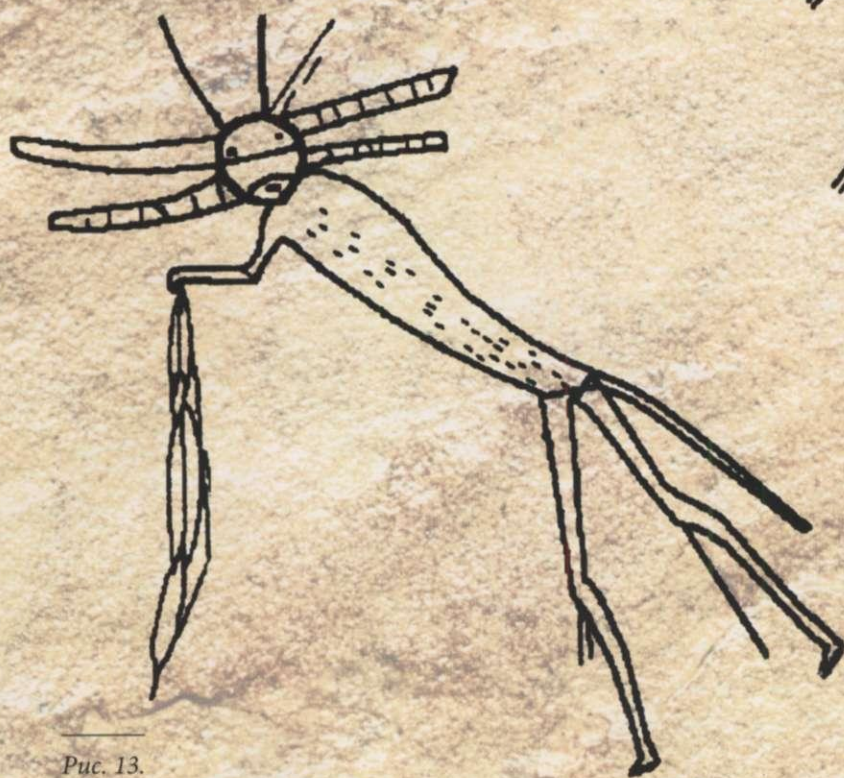

Рис. 13.
Рисунок охотника
в маскировочном костюме и маске.
Могильник Тас Хазаа

Рис. 14.
Рисунок охотника
в маскировочном
костюме и маске.
Моги́льник Тас Хазаа

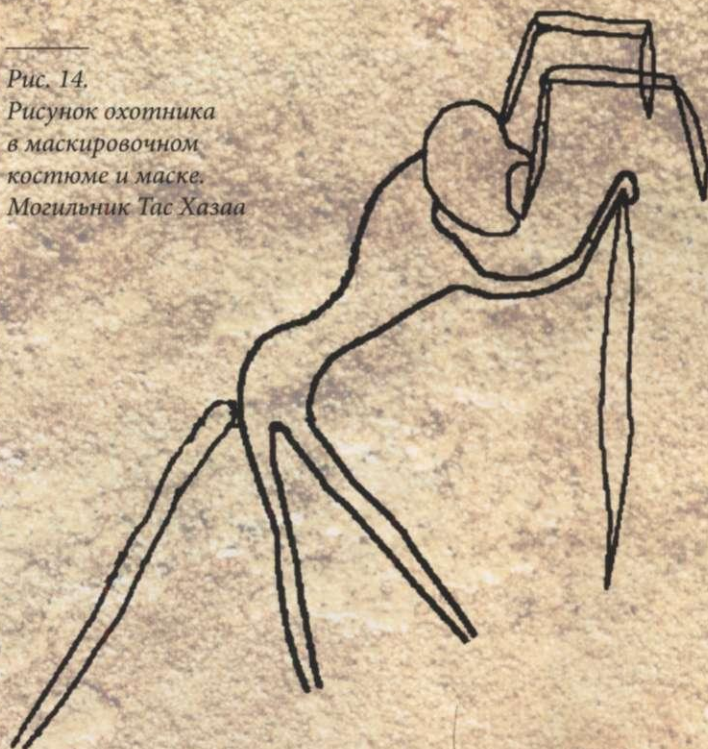

Рис. 15.
Рисунки людей
в наголовнике
медведя (а, б).
Наска́льные
изображения

Рис. 16.
Рисунки сидячих
людей в масках.
Моги́льник Черновая VIII

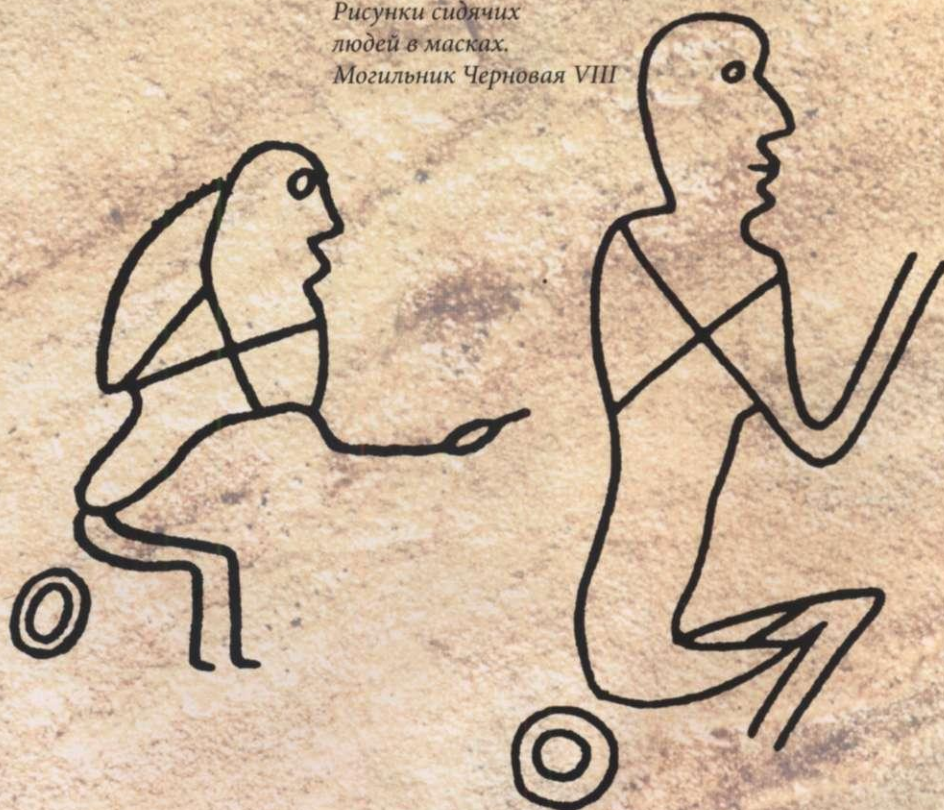

Рис. 17.
Каменные идолы
в палисаднике
перед новым
зданием Хакасского
республиканского
музея, г. Абакан.
Фото Э.Б. Вадецкой
в 1972 году

Эти же люди высекали из камня своих идолов — богов, у которых просили помощи в разных житейских делах, за что почитали, кормили, приносили жертвы. Добрым богам придавали женский облик, изображая длинные волосы на голове, грудь, выпуклый живот. Но часто высекали не фигуру или бюст, а одну голову — в короне или высокой шапке. Каменные истуканы стояли веками на возвышенностях и были видны издалека. Ныне они почти все свезены в музеи. В каждом музее есть свои, самые красивые изваяния.

На привокзальной площади в Абакане в палисаднике перед зданием Хакасского республиканского музея выставлены камни разных размеров и очертаний (рис. 17).

Мимо них, порой безучастно, идут прохожие, внимание которых мало привлекают стёршиеся на камнях изображения. А перед входом в музей высится серая гранитная стела высотой в 2,2 м. Посередине стелы грубо высечено крупное лицо с длинным носом, маленькими глазами и большим ртом с узкими губами. Глаза, может быть, благодаря глубоко посаженным зрачкам, кажутся очень добрыми (рис. 18). Такими же длинноголовыми и длинноносыми, с маленькими глазами, изображали древние мастера, в миниатюре, женских покровительниц. Они двух видов: каменные пестики и овальные костяные пластинки (рис. 19—20).

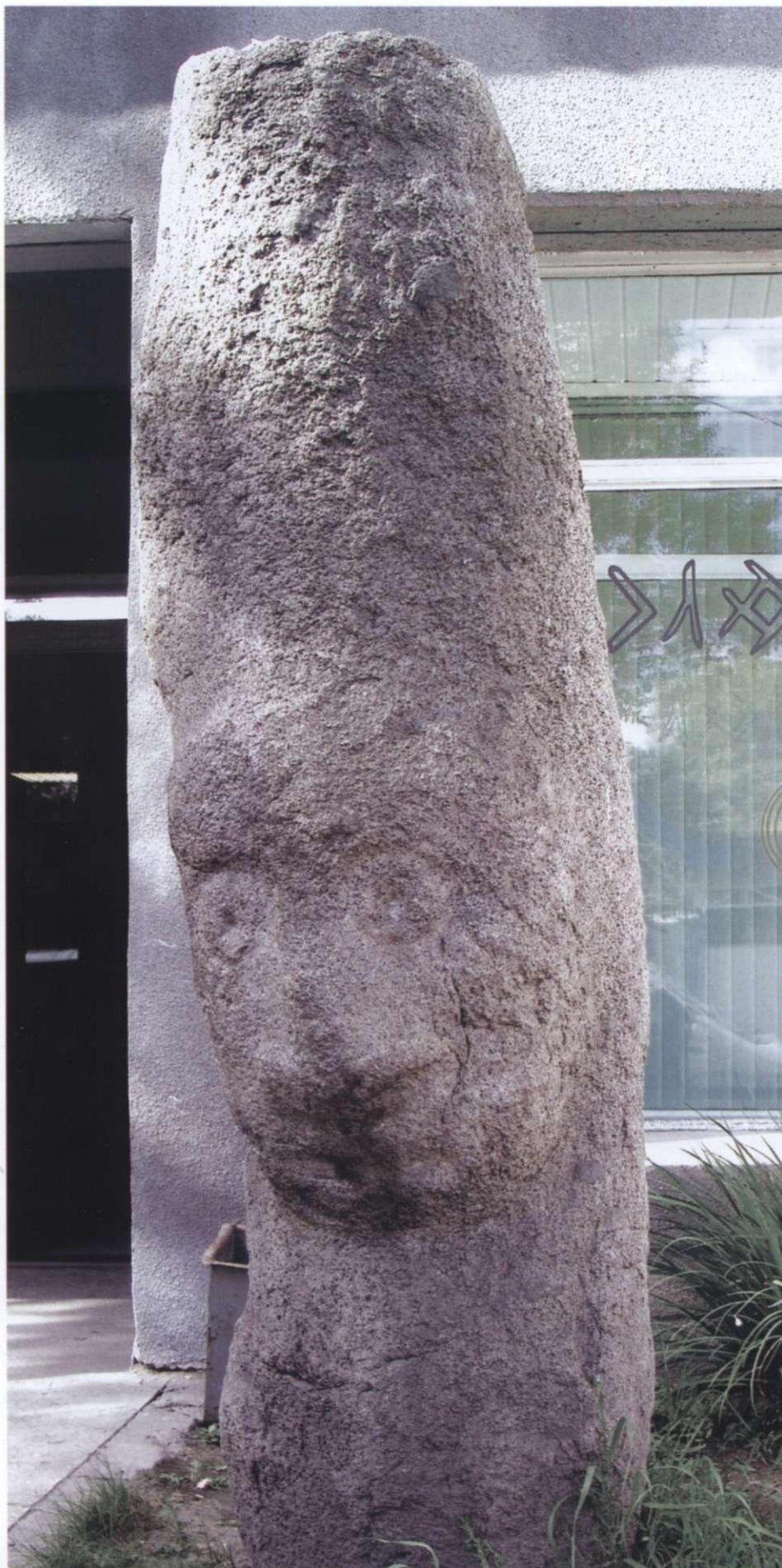

Рис. 18.
Каменный идол перед
входом в Хакасский
республиканский музей

Рис. 19.
Миниатюрные
каменные куколки-
божки.
Фото М.П. Грязнова

На их верхнем конце вырезана женская головка с чёткими чертами лица, причёской и серьгами в ушах. Десяток таких пестиков свободно размещается на ладони человека. Они похожи на верхние части мягких меховых или тряпичных куколок, которые пришивались к одежде или к сумочке посредством имевшихся в них сквозных отверстий.

У разных народов Сибири такие куколки служили вместилищами души умершего родственника, со временем переселяющейся в новорождённого. По своему смыслу куколки схожи с миниатюрными скульптурками самодийских народов.

Узкий овал лица, выступающий подбородок, прямой нос, видимо, считались эталоном женской красоты. На многих крупных идолах этого времени высечены детали ритуальной одежды, а лицо скрывается за обычной маской лица человека, которая выглядит фантастично из-за росписи. Её имитируют высеченный на лбу значок и пересекающие лицо в разных местах полосы (рис. 21).

На эти маски-личины также указывает С.В. Иванов. К настоящему времени изображения всех этих идолов неоднократно опубликованы, поэтому подробно остановлюсь лишь на двух из них.

Самый эффектный обелиск из коричневого песчаника украшает коллекцию Хакасского республиканского музея.

На нём высечена фигура женщины по пояс, с большой грудью и выпуклым животом. Руки, согнутые в локтях, подпирают бедра. Женщина изображена в маске, раскрашенной поперёк носа, под носом и поперёк подбородка полосами, а на лбу обозначен третий глаз: знак солнца. По обе стороны ушей высечены волнистые линии — завязки, которыми маска привязывалась к лицу. Высокая шапка расшита схематичными деталями лица и увенчана скульптурой головы человека. Внизу к шапке пришиты рога и длинные звериные уши. Те и другие, в силу их фантастичности, не ассоциируются с конкретным животным. На груди изображена распластанная голова медведя с оскаленной пастью (деталь нагрудника) и под ней ещё один солнечный знак (рис. 22).

В древности все желобки, оконтуривающие изображения, были окрашены яркокрасной охрой, и можно легко себе представить, как выглядел этот окрашенный идол при свете горевших вокруг него костров и льющейся крови жертвенных животных.

Рис. 20.
Миниатюрные костяные
куколки-божки

Рис. 21.
Каменный идол во дворе
старого музея в Абакане.
Фото Э.Б. Вадецкой
в 1963 году

Когда-то идол стоял в степи у станции Шира, поэтому его называют «Ширинской бабой». Некоторые божества выглядят воинственно, как, например, идол, изображённый на плите, хранящейся в Эрмитаже. Здесь на голове персонажа — корона, а в каждой поднятой руке по копьё. На лице круглая трёхглазая маска, с крупным ртом и носом, пересечённым тройной линией. Маска держится на лице завязками — волнистыми короткими линиями, высеченными по обе стороны ушей (рис. 23).

Значительно реже, чем ритуальные, распространены у разных народов погребальные маски. В отличие от первых, они должны были, как указывалось, делать умершего человека узнаваемым, по крайней мере, для живых родственников и душ мёртвых.

С.В. Иванов в предисловии к своему альбому упоминает одну тонкую гипсовую маску на женском черепе, покрытом глиной. Поверх гипса нанесены красные узоры. Череп извлечён Ленинградской экспедицией в 1967 г. из могилы I века в урочище Каменка на правом берегу Енисея (рис. 24).

Фотографии двух других полых гипсовых толстостенных масок он помещает первыми в своём альбоме «Маски народов Сибири». Они принадлежат к коллекции масок, которые были собраны в 1923 г. в кургане VI в, раскопанном в одном из логов горы Барсучиха, что на левом берегу Енисея. Ближайшим отсюда населённым пунктом была деревня Сарагаш. Ныне она скрыта под водой Красноярского водохранилища, но название коллекции по ней сохранилось.

Одна из этих масок — это женская, белая. Красной краской окрашены губы, а на лбу нарисована четырёхугольная спираль. Ресницы закрытых глаз обозначены тёмно-синими чёрточками (рис. 25).

Другая маска — мужская, зеленоватого цвета. Она закопчена, и чёрная краска видна только на прорезях глаз (рис. 26).

Эти погребальные маски не имеют ничего общего с этнографическими ритуальными масками Сибири, но в то же время являются, как указывалось, наиболее загадочными.

Целые галереи таких скульптурных «портретов мёртвых» хранятся в Историческом музее, Государственном музее Востока, Эрмитаже, в музеях гг. Минусинск, Абакан, а также университетов — Хакасского и Кемеровского.

Работая над альбомом этнографических масок, С.В. Иванов приглашал меня принять в нём участие, вероятно, потому, что знал о моих исследованиях культовых древнейших масок и идолов Хакасии и считал, что я справлюсь и с погребальными масками. Но я не была тогда готова, ибо нужно было изучить все коллекции масок столь же тщательно, как исследовал С.В. Иванов орнаменты, скульптуру и иное изобразительное искусство коренных народов Сибири.

Рис. 22.

Идол под названием «Ширинская баба». Хакасский республиканский музей

Рис. 23.
Божество с копьями.
Государственный
Эрмитаж

Рис. 24.
Гипсовая погребальная маска на
черепе, обмазанном глиной. I—II века.
Могильник Каменка.
Государственный Эрмитаж

Рис. 25.
Гипсовая погребальная
женская маска с росписью.
VI век. Курган под
горой Барсучиха.
Государственный Эрмитаж

Рис. 26.
Гипсовая
закопчённая мужская
погребальная маска.
VI век.
Курган под горой
Барсучиха.
Государственный
Эрмитаж

Теперь я их изучила и могла бы ограничиться выводами своего расследования.

Расследования о том, что это за маски, да и маски ли?..

Как и с какой целью сделаны скульптуры, в какие цвета они были раскрашены?..

Какому народу принадлежали?..

Но при этом возник бы неизбежный вопрос: почему потребовалось 200 лет с момента первых находок масок, чтобы это выяснить?

Поэтому я постараюсь провести читателя по лабиринту открытий, загадок, ответов на них, новых открытий и новых загадок.

Глава вторая

Легенды Хакасии

- На скалах — рисунки, на вершинах — крепости, на местах древних святилищ — каменные идолы
- Кого в старину и почему путешественники нарекли «Чудью»?..
- Здесь взору предстают курганы и «озер соленых синева...»

Рис. 27.

Самые крупные насыпи разбросаны по одиночке в степи. Под некоторыми из них могилы вождей. На верхние концы ножек их погребальных кроватей надевали колоколовидные навершия с фигурками горных козлов.

Барсучий лог.

Фото С.Г. Нарылкова. 2003 год

...Всё таинственное обростает легендами. В Хакасии, где особенно хочется прочесть «тайные сказанья скал седых» и «вырвать древние предания из уст курганов гробовых», их особенно много. Но две, казалось бы, невероятные легенды о заживо погребённых десятках людей с лицами, «как живыми», приобрели своё происхождение и понимание... Однако утекло много времени чтобы понять суть связи между этими легендами...

XVIII—XIX веков эта территория манит к себе путешественников, учёных и просто любителей старины. Особенно влечёт она следами жизни промелькнувших поколений различных народов. Прибрежные скалы Енисея заполнены их рисунками. Вершины гор охраняются крепостями, а места древних святилищ — каменными идолами...

Но всегда в крае главной достопримечательностью были и остаются курганы, как небольшие, почти стёршиеся уже с лица земли, так и до сих пор выглядящие холмами — с каменной оградой и монументальными стелами.

Самые крупные насыпи словно разбросаны по одиночке в степи. Под некоторыми находятся могилы вождей (рис. 27), но чаще — десятки и сотни захороненных родственников (рис. 28—29). Те, что поменьше, стоят близко друг к другу и образуют большие древние кладбища. Археологи их называют «могильниками» (рис. 30—31).

Скопление курганов всегда привлекало к себе внимание, но только с XVIII века о них сохранились записи иностранных учёных-путешественников, которые здесь составляли географические карты, собирали растения, изготавливали чучела птиц и мелких хищников. Из любопытства они описывали также быт местных жителей, которых тогда русские называли сначала «Чудью», а позже «татарами».

Путешественников поражало обилие курганов. Некоторые места, в частности, при впадении реки Абакан в Енисей, или вдоль берегов Аскиза, притока реки Абакан, они называли «могильной степью или долинами смерти».

С первой четверти XIX века к территориям, тогда входящим в состав Минусинского и Ачинского округов Енисейской губернии, пробудился и интерес соотечественников.

В столичных, а также сибирских сборниках стали регулярно печататься статьи, стихи, рассказы с описанием красот природы Минусинского края, особенностей обычаев его коренных жителей, состоящих из нескольких разных народностей.

Обязательно указывалось и на оригинальные остатки древней истории. Писали об этом публицисты, ссыльные, краеведы. Всё для них в хакасских приенисейских местах выглядело нераскрытой тайной. Исследователей, путешественников влекли бескрайние площади степей, «унизанные гробницами древних народов», когда особенно хотелось

*«... вырвать древние предания
из уст курганов гробовых» ,*

и

«тайные сказанья скал седых»,

когда хотелось также ещё и

«гранитну летопись прочесть»...

Да, всё в те времена представало в здешних местах под покровом таинственности. Всё в здешних местах усиливало эффектность повествования.

...1828 год. В Красноярске выходит в свет «Енисейский альманах». В нём авторы уже обстоятельнее рисуют природу минусинского края и жизнь одного из племён хакасов — качинцев.

Для нас самым примечательным сочинением является поэма «Минусинский край», поскольку её написал известный в Минусинске поэт А.К. Кузьмин, который был краеведом, знакомым не только с местными древностями, но и с ходящими о них легендами.

Рис. 28.

Большинство
одиночных насыпей
закрывают могилы
с десятками
и сотнями
родственников

Рис. 29.
Курган у ст. Дубинино.
Раскопки автора.
1979 год

Вот что он сообщает о загадках древних наскальных рисунков:

*«Я видел древни письма
На диких скалах Енисея.
Таинственная старина,
Потомков поздних не жалея,
Проводит хитрые черты
Для их гадательной мечты.
И ты не можешь быть нам вестник,
И ты сам, Енисей — река,
Давно минувшему ровесник,
Чья непонятная рука
Чертила нам сии загадки,
От ветхой древности остатки»...*

Описания древних могильников поражают своей точностью:

*«Я видел множество могил,
Которому мой взор конца не находил,
Сии старинные курганы,
Рассеянные по полям,
У коих камни по углам
Стоят как грозны великаны.
Невольно клонит пылкий ум
К принятию самых мрачных дум.*

*Для грусти там живая пища,
К мечтам в былое — тьма причин;
Идёшь в безмолвии один
Среди всемирного кладбища»...*

Рис. 30.
Курганы с небольшими
камнями по углам

Яркое впечатление добавляет описание природы:

*«Кругом высокая трава
От солнца блекнет и желтеет,
Всё пусто, степь; вдали едва
Приметить можно, как рябует
Озёр солёных синева,
За коими на небосклоне*

Рис. 31.
Могильники
из небольших курганов

*Наи останавливают взор
Хребты Саянских диких гор
Средь лета в снеговой короне»...*

Поклонение курганам со стороны коренного населения делает их ещё таинственнее:

*«Я видел как на джитогане (род гуслей — Э.В.)
Проворно бегала рука
Седого старца Башлыка (князец — Э.В.),
Когда в своём улусном стане
Из струн он звуки извлекал,
Склоняя взор к холмам могильным,
И гласом диким, заунывным
Седую древность воспевал»...*

Ходить по любому кладбищу всегда грустно, ибо ощущаешь, как коротка твоя собственная жизнь. Всё же поэт, бродя между курганами, испытывал не только грусть. Вспомним фразу:

«К мечтам в былое — тьма причин».

Вряд ли ему хотелось жить в те времена, о которых ничего не знал. Но курганы будоражили его художественное воображение, вызвали мечту узнать, что под ними скрывается. А что о них было известно при жизни поэта? Несколько курганов было раскопано иностранными учёными, о которых я упоминала выше. Но они о своих раскопках писали не по-русски и в редких изданиях. Русскими любителями древностей раскопки в тот период времени ещё не производились. Поэтому все сведения о курганах поступали, в основном, от казаков и русских переселенцев в эти края, кто разрывал древние могилы просто в поисках золотых или бронзовых изделий, которые можно было бы продать, а то и обменять в кабаке на водку. Этих грабителей курганов (бугров) население называло «бугровщиками». Бугровщиков, конечно, местные жители мало уважали, но и «питались» исходящими от них слухами. А в потоке слухов трудно было отличить правду от вымысла, что порождало множество местных легенд. Некоторые из них до сих пор используют хакасские сказители, воспевая курганы как памятники былой славы предков. Они обычно связывают их происхождение с подвигами тех или иных богатырей. Но для нашего сюжета интересны лишь два слуха, ставшие легендами.

Первый — о найденных в могилах «словно живых лицах» покойников. Второй — о том, что в некоторых могилах якобы целые семьи и посёлки себя заживо похоронили.

В нашем повествовании оба слуха нельзя разделить, поскольку тот и другой относятся к курганам, где в могилах обнаружены до десяти или несколько десятков людей. Слухи основаны на реальных

Рис. 32.
Бронзовые ножи
с фигурными
рукоятками
из ранних
коллективных могил

Рис. 33.
Бронзовые изделия
с изображением
головки лосей,
фигурки кабана,
рисунком птицы,
рыбы

находках, но последние обросли неудержимой человеческой фантазией. Да и сами находки создали для учёных головоломку, на решение которой потребовалось более ста лет. Решение всё-таки найдено, но лишь благодаря тому, что земля Хакасии обладает столь редкими природными качествами, благодаря которым она способна сохранять не только каменные, костяные, керамические, бронзовые и железные изделия (их в разные времена клали с покойниками), но и самих покойников. Причем не только их скелеты, а различные имитации людей в виде кукол, сделанных из травы, бересты, кожи. Возможно, знания о курганах наш поэт заимствовал из ходящих в народе слухов и рассказов профессиональных грабителей могил.

Легенда о «живых лицах»

В 70-е годы XVIII века Российская Академия Наук снарядила большую научную экспедицию, во главе которой был назначен крупнейший в то время профессор естественной истории, ботаник и этнограф, французский ученый Петр Симон Паллас. Экспедиция должна была посетить разные провинции России и сделать их подробное описание. За 1771—1772 годы П.С. Паллас обследовал все степи Енисейской губернии. Описал жилища, нравы и внешность жителей, даже раскопал несколько древних могил. Он вёл очень подробный дневник, опубликованный в 1786 г. на русском языке.

Из расследования П.С. Палласа стало известно, что в могилах на Енисее находят маски. О них сообщил ему житель села Ужур, профессиональный грабитель курганов. Он даже уверял, что ему самому дважды попадались *«человечьи головы в натуральную величину, внутри пустые, сделанные из «фарфорообразной» массы, раскрашенные красными и зелёными листьями»*. Учёному была известна легенда о «живых лицах», поэтому он записал сообщение «бугровщика».

Многие либо посчитали это выдумкой, либо предположили, что были найдены раскрашенные черепа. Лишь спустя 100 лет стало понятно, что же в действительности находили бугровщики. Однажды р. Абакан размыла около улуса Нурилкова древний бревенчатый сруб. Крестьянин Данишкин извлёк из него часть гипсового лица человека и принёс в Минусинский музей. А через два года подобные «лица» были обнаружены при раскопках у Минусинска. Одни гипсовые маски плотно закрывали лицевую часть черепа человека. Другие действительно напоминали полую человеческую голову, потому что были сделаны в 2/3 её размера (охватывали уши и лоб до макушки), и не только лежали, но и стояли в могиле.

Легенда о коллективных могилах

... Курганы всегда являлись жертвами и человеческого любопытства, и корысти. Могилы грабили и вскоре после похорон, и через

века. Их разоряли для того, чтобы взять себе вещи, которые для грабителей представляли ценность. Иногда же из-за мести или вражды их не столько грабили, сколько оскверняли, выбрасывая труп, черепа или кости.

Массовое разграбление курганов началось с переселением на эти земли русских крестьян. Их главным занятием были торговля мехами и земледелие. Но многие из переселенцев, в летнее время, стали разрыть курганы в поисках золотых и серебряных изделий, о наличии которых также ходили мифы.

Переселенцам не было известно, что древние племена умели прокатывать золото в очень тоненькие листы, что именно этими листочками обтягивали бронзовые, деревянные и даже глиняные изделия. Вещи становились парадными, приобретали сакральный (священный) смысл. Для современного же человека такое золото ценности не имело. Поэтому к середине XIX в. «мода» на ограбление могил резко пошла на убыль и, возможно, прекратилась бы вовсе, если бы коллекционеры, а затем возникшие музеи не стали скупать древние вещи. Охота за могильным золотом сменилась охотой за бронзой. Особенно хорошо скупались бронзовые изделия, украшенные литыми фигурками горных козлов и баранов, кабанов, птиц, а также отдельные фигурки оленей или лосей (рис. 32-37).

Все эти вещи копатели находили в могилах, на дне которых, как правило, стояли бревенчатые срубы, схожие с избами: с дощатым полом и потолком. А в срубах, чаще всего, обнаруживалось около десяти и более лежащих рядами человеческих скелетов.

Среди профессиональных грабителей, какими являлись «бугровщики», встречались люди как наблюдательные, так и наделённые фантазией. Первые по положению скелетов видели, что люди захоронены в один приём. От других же распространился слух, что покойники сами себя захоронили заживо. Противники русского самодержавия использовали этот слух и превратили его в политическую легенду, известную под названием «Легенда о белой берёзе». В ней коренное (чудское) население предпочло умереть, чем зависеть от Русского (Белого) царя.

В своей поэме «Минусинский край» упоминавшийся выше А.К. Кузьмин излагает эту легенду под названием «Песня татарского Баилыка о чудских могилах, находящихся в Минусинском округе». Передаю её в сокращённом изложении и с комментариями.

Сначала автор поясняет содержание песни:

*«Пою как чудные народы
Живые в землю погреблись
Не пережив своей свободы;
За что и Чудью назвались».*

Потом идеализирует их прежнюю жизнь:

«Они на нашем месте жили,
Где льётся светлый Абакан,
Стада огромные водили
И крепкий делали айран.
Как ясный день — всегда счастливы,
Согласны — как стремление волн,
Как ветер — веселы, игривы,
Покойны — как в заливе челн.
У них был лов обильный белки
И всяких множества зверей:
Лисиц руками брали девки
И били палкой соболей».

Затем поэт указывает на внезапно наступившие перемены.

Но время скользко: в крепком муже
Слабеют силы день от дня,
Уступит лето мрачной стуже,
Согнётся шея у коня.
Три года звери не ловились,
Три года не росла трава.
И вдруг среди степи явились
С корою белою древа.

Рис. 34.
Бронзовые чеканы с простым
и фигурным навершием

И вот как объяснили появление берёзы шаманы:

*Собрались веющие шаманы,
Чтоб тайну древ тех разгадать.
Гремят их звучные тимпаны
И старший начал прорицать.
О горе! Горе от берёзы!
Народ! Я в будущее зрю:
Оно предсказывает слёзы,
Подданство Белому Царю».*

Далее следует предложение шамана о том, что «лучше своей волей умереть, чем окончить жизнь невольной», и как именно следует умереть:

*«Друзья! Нам должно по-геройски
Живым себе могилы рыть.
И над могилами подмости
С землёй и камнем учредить.
Нам должно каждому с семьёю,
В могилу лечь и дружно в раз
Обрушить помост над собою —
И мать земля сокроет нас».*

И каков же результат их совета?

*«Умолк шаман, единогласно
Все приняли его совет.
Свершилось зрелище ужасно!
И лишь могилы — Чуди след».*

Нет сомнения в том, что никакие коренные народы Хакасии к рождению легенды о белой березе отношения не имеют. Они курганов не раскапывали, считая их могилами предков, и не могли знать, что в них содержится. Да и обычай хоронить сообща в одной могиле многих людей возник здесь на две тысячи лет раньше момента присоединения Сибири к России; он прекратился за тысячу лет до этого факта.

Берёзовые рощи в Хакасии росли всегда. Уже 40—50 веков берёза здесь используется для изготовления самой различной хозяйственной утвари. По-видимому, эту легенду сочинили русские казаки, а вероятнее всего, сами расхитители могил. Именно поэтому легенда, а не только её поэтическое изложение, интересна для археологов — как первое и самое неожиданное объяснение массового появления в древности коллективных могил. Прошло много лет, прежде чем

Рис. 35.
Бронзовое зеркало
с фигуркой козлика

Рис. 36.
Бронзовые
навершия жезлов
вождей с фигурками
горных козлов

удалось обобщить между собой обе легенды и понять связь масок — «живых лиц» с обычаем совместных погребений.

Тем временем публицисты продолжали снабжать читателей красочными описаниями здешних степей и версиями их загадочного прошлого. Вот что публикует в 1892 г. ссыльный С.А. Елпатьевский в очерке «Абаканская степь»:

«От Саянских гор до тёмных лесов на сотни вёрст нескончаемой вереницей тянутся тысячи могильников. Высокие, в человеческий рост, плоские камни, врытые в землю и поставленные стоймя, окружают каждую могилу, словно берегут её. Могильные камни, заросшие

травой, огромные оросительные каналы, засыпанные землёй шахты и подземные ходы для добывания меди, серебра и золота, да таинственные письмена, начертанные на высоких скалах, угрюмо нависших над Енисеем, где летают только орлы, — вот всё, что осталось от могучего народа, когда-то наполнявшего степь и жившего своей жизнью. Он унес всё с собой в могилу: унёс свои медные стрелы, свои чудные бронзовые ножи и странные золотые и серебряные украшения; он похоронил своё прошлое, свою историю, свой язык, даже самое имя своё. Не одну тысячу лет встаёт солнце над степью и кладбищем. Кто ты, безымянный, трижды мёртвый народ? Как ты жил, о чём думал, во что верил, где потомки твои?».

Описание загадочной степи впечатляет.

Но остаётся непонятным, что имел в виду его автор, говоря о трижды мёртвом народе? На какие огромные оросительные каналы он указывает?

Это и многое другое — есть не что иное, как лишь красивые обороты и фразы. Но именно так и создавались всё новые и новые легенды, пока не началось научное исследование истории приенисейского края.

Рис. 37.

Бронзовые бляхи в виде фигурок лосей и оленей

Глава третья

Открытия первых коллективных могил с масками

- Первые научные раскопки курганов
- Переплетенье судеб и призваний
- Венчание на прииске Барташева на речке Узунжул. Жизнь как сказка...
- Д.А. Клеменц и В.А. Адрианов: след в истории и археологии Енисея

Рис. 37 а.

Курган типа Назаровского
в одноимённой котловине

Многие знаменитые исследователи Сибири отдавали дань археологическим ценностям в долине Енисея. «Раскопка курганов (на Тагарском острове — Э.В.) увлекла меня до самозабвения», писал А.В. Адрианов географу-путешественнику Г.Н. Потанину. «Опыт нынешнего (1888 г. — Э. В.) года убедил меня, что в Енисейской губернии мы имеем ещё целый ряд типов курганов, к которым ещё не прикасалась рука исследователя (Д.А. Клеменц, из письма в Императорскую Археологическую Комиссию)...

Что значит начало? Это уже полдела. Поэтому археологи особое значение придают самым первым научным раскопкам курганов. Именно археологи совершили прорыв от легенд к реальному познанию. Но, прежде всего, нужно было отсюда, из сибирской глубинки, заинтересовать научные общества Санкт-Петербурга и Москвы, чтобы иметь возможность получать от них средства на раскопки, а также инструкции, как их проводить. Это было под силу только самым выдающимся людям того времени, заслуживающим рассказа не только о произведённых ими раскопках, но и о их собственных судьбах. ...Они встретились в 1883 году на Тагарском острове, что под г. Минусинск, Александр Васильевич Адрианов и Дмитрий Александрович Клеменц, чьи имена переплелись в истории изучения края, чьи биографии и деятельность так схожи, а личные судьбы столь резко отличаются. Оба родились в деревне: А.В. Адрианов в Тобольской, а Д.А. Клеменц — в Саратовской губернии, первый в семье священника, второй — в семье управляющего крупным имением. Оба после гимназий учились на одном и том же естественном отделении физико-математического факультета Петербургского университета.

Это и определило общность дальнейших интересов молодых учёных в географических путешествиях по истокам Енисея и Абакана. Тот и другой собирали гербарии, образцы геологических пород, записывали сказки и легенды местных жителей. Каждый ещё в студенческие годы подружился с яркими людьми, которые определили в дальнейшем их политические убеждения. Д.А. Клеменц, под влиянием революционной молодёжи, стал пропагандистом-народником, активным автором журналов в 1878 г. в Женеве «Община» и в 1879-м — в Санкт-Петербурге «Земля и Воля». За эту деятельность был арестован, заключён на два года в Петропавловскую крепость, а в 1881-м сослан на пять лет в Якутскую область. По его просьбе место жительства было изменено на г. Минусинск, что коренным образом изменило мировоззрение и судьбу ссыльного. Сибирская ссылка оказалась для Д.А. Клеменца не неволей, а трамплином для его разносторонней творческой деятельности как геолога, этнографа, археолога и организатора научных учреждений и экспедиций. По завершении срока ссылки он остался жить ещё на десять лет в Сибири, чтобы завершить начатые научные исследования. А.В. Адрианов в студенческие годы подружился с лидерами сибирского областнического движения Н.М. Ядринцевым и Г.Н. Потаниным. Оба они хотели, чтобы Сибирь не рассматривалась как колония и место ссылки, а как земля самостоятельная, имеющая свою интеллигенцию, университеты, суды присяжных и широкое самоуправление. Они отказывались от революционной борьбы и призывали к просветительной деятельности. Своим убеждениям

А.В. Адрианов не изменял, подчеркивал, что он *«всецело предан своей родине — Сибири, которую изучать и служить ей по мере собственных сил составляет цель и содержание его жизни»*.

По жизненным обстоятельствам Д.А. Клеменц и А.В. Адрианов проживали в Минусинске не одновременно, поэтому в разные годы проводили раскопки курганов. А.В. Адрианов начал свои раскопки в 1883 г. А продолжил в конце 90-х годов и начале XX века, причём в широких масштабах. Д.А. Клеменц раскопал меньше курганов и раньше, в конце 80-х годов XIX века. Однако ещё в 1886-м он опубликовал каталог «Древности Минусинского музея» и атлас к нему, принёсшие музею известность: то был первый научный каталог в России! Все музейные каталоги, публиковавшиеся до Д.А. Клеменца, представляли собой лишь перечень вещей с указанием дарителей — фамилий людей, представивших экспонаты в музей. Д.А. Клеменц же на научной основе распределил вещи по группам, дал им описание и проиллюстрировал фотогравюрами. В предисловии к каталогу указал на разнообразие остатков жизни древних обитателей Минусинского округа в виде могил, крепостей, остатков оросительных каналов, каменных изваяний и статуй, камней, покрытых надписями, скал с рисунками и многого другого. Он разделил курганы на плоские и с насыпью, а каменные антропоморфные изваяния — на две группы: древние, которые сейчас составляют основную массу известных идолов, и средневековые. Что же касается А.В. Адрианова, то он до сегодняшних дней остаётся археологом, раскопавшим самое большое количество древних могил в долинах Енисея. Именно им были обнаружены практически все известные на скальных изображения.

Проживая в Минусинске, оба, и А.В. Адрианов, и Д.А. Клеменц занимались, в сущности, одной и той же интереснейшей научной работой. Оба наносили на карту известные к тому времени курганы и на скальные рисунки, копировали и вывозили из степи каменные древние изваяния, боролись, как могли, с расхищением археологических древностей и с незаконными раскопками. И помогали созданию Минусинского музея и его знаменитой библиотеки.

Политическая ссылка не отразилась на дальнейшей судьбе и карьере Д.А. Клеменца (рис. 38). Он служил правителем дел Восточно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества в Иркутске, за пять лет исколесил в научных экспедициях Монголию. За свои открытия был удостоен серебряной медали от Географического Общества.

Уже в 1897 году Дмитрий Александрович, недавний политический ссыльный, был принят на государственную службу в Императорскую Академию Наук. Сначала вторым хранителем, а потом старшим этнографом Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) в Петербурге.

Рис. 38.
Портрет Дмитрия
Александровича
Клеменца

Рис. 39.
Сохранившаяся часть
памятника Дмитрию
Александровичу
Клеменцу и Елизавете
Николаевне Клеменц
в Москве на Ваганьковском
кладбище.
Фото А.Г. Максименкова,
2006 год

Для этого он сначала получает от Департамента Полиции разрешение проживать в Санкт-Петербурге. Затем подаёт прошение на имя императора Николая Александровича о желании «поступить на службу его Императорского Величества». Даёт подписку в том, что более не принадлежит и не будет принадлежать ни к какому тайному обществу. Подтверждает её клятвенным обещанием и присягой, данной в Благовещенской церкви на Васильевском острове. Его головокружительная карьера этим не заканчивается.

С 1902 по 1910 годы Д.А. Клеменц становится организатором и первым директором Этнографического отдела Русского музея (ныне Российского этнографического музея). Этот пост был ему предложен Управляющим Русским Музеем Великим князем Георгием Михайловичем, который согласовал его кандидатуру с императором. Выбор пал на Д.А. Клеменца: не только потому, что бывший ссыльный проявил себя как блестящий археолог, этнограф, геолог, географ и энциклопедически образованный человек. Такое назначение было обусловлено и его большим опытом музейной работы, которая началась в Сибири, когда он активно работал в музеях Минусинска, Томска, Иркутска, Кяхты.

В 1910 г. Д.А. Клеменц ушёл в отставку, получив от государства «усиленную пенсию» для безбедного существования. Были учтены при этом все заслуги, включая проведение археологических раскопок по поручению Императорской Комиссии в Енисейской губернии, а также приведение в порядок коллекций по археологии Минусинского музея. Бывшему политическому заключённому определили государственную пенсию в 2 тысячи рублей и чин действительного статского советника. Это был в России гражданский чин 4-го класса, которым обладали директора департамента и губернаторы. Пенсия, видимо, была солидная, так как первый оклад Д.А. Клеменца в Музее антропологии и этнографии составлял 750 рублей.

На Ваганьковском кладбище в Москве лежит овальный валун — нижняя часть памятника. На нём лаконичная надпись: «Д.А. и Е.Н. Клеменц — землеvolьцы» (рис.39).

Напомню, что именно за участие в издании газеты народоvolьцев «Земля и Воля» Д.А. Клеменц был сослан и позже прощён, получив высокую государственную должность. Когда же была высечена такая надпись и кто была Е.Н. Клеменц?

... Дочь золотопромышленника Елизавета Николаевна Зверева воспитывалась в Казанском институте, где получила диплом воспитательницы. После смерти отца давала частные уроки в Красноярске, была гувернанткой у детей томского губернатора, преподавала там же в женской гимназии. Скопив небольшие деньги, она уехала в Санкт-Петербург, где окончила естественно - историческое отделение знаменитых Бестужевских курсов, после чего была приглашена в г. Минусинск на место начальницы женской гимназии. Она пре-

подавала историю и естествознание, широко используя коллекции Минусинского музея, в который водила учениц каждое воскресенье. Елизавета Николаевна состояла членом Комитета по постройке здания для музея, принимала участие во многих видах работ, которые музей организовывал, заведовала его метеорологической станцией. Совместная работа сначала сблизила их с Д.А. Клеменцем как единомышленников, а потом и сдружила на почве общих интересов. Осенью 1886-го истёк срок ссылки Д.А. Клеменца в Минусинск. Перед отъездом его в г. Томск молодые люди помолвились. На другой год он забирает Е.Н. Звереву из Минусинска в экспедицию, и они по дороге (19 августа 1887-го) венчаются в церкви на прииске Барташева у реки Узунжул. С тех пор супруги стали неразлучны. Елизавета Николаевна являлась неизменной участницей всех экспедиций Д.А. Клеменца. Сопровождала его на повозке, верхом на коне и даже на верблюде. Она вела метеорологические наблюдения, собирала гербарии, шкурки животных.

Тесная дружба и любовь так сильно связали в течение 30-ти лет этих необыкновенных людей, что они, как в русских сказках, не пережили смерти друг друга. Произошло это так. После отставки Дмитрия Александровича супруги поселились в Москве, где он стал печатать в «Русских Ведомостях» свои воспоминания. Под Новый 1914 год Дмитрий Александрович заболел воспалением лёгких. Когда выяснилось, что он умирает, с Елизаветой Николаевной случился удар. Она скончалась 4 января. Дмитрий Александрович об этом не знал и призывал её в бреду. Она была похоронена друзьями Д.А. Клеменца 8 января, и в тот же вечер скончался он сам. Его гроб подхоронили к гробу жены, а над общим холмом вкопали один дубовый крест, на котором написали:

«Елизавета Николаевна Клеменц скончалась на 59-м году жизни 4 января 1914 г. Дмитрий Александрович Клеменц скончался на 66-м году жизни 8 января 1914 г.»

Одновременную кончину супругов отметили некрологами многие газеты того времени. В память супругов в музеях Петербурга, Минусинска, Томска, Иркутска, Кяхты прошли панихиды. В тот же год было напечатано много воспоминаний о Д.А. Клеменце. Не остался в стороне и А.В. Адрианов, опубликовавший собственные воспоминания в пяти январских номерах томской газеты «Сибирская жизнь».

Во время похорон на могиле Д.А. Клеменца произносились речи от Академии Наук, Сибирского Отдела Географического Общества, Этнографического музея, Общества изучения Сибири. Присутствовал и представитель полиции, не разрешивший речей от ссыльных товарищей или по революционной деятельности покойного. В 20-х годах Географическое общество поставило на могиле памятник. В середине сохранившегося от него камня имеется воронка от

Рис. 40.
Портрет Александра
Васильевича Адрианова

крепления, на котором держалась верхняя часть памятника. Тогда же в основании памятника не только учёному, но и высокому царскому государственному чиновнику и была, вероятно, высечена надпись, указывающая на его некогда революционную деятельность.

... Александр Васильевич Адрианов, в отличие от Д.А. Клеменца, никогда не являлся революционером. Однако на протяжении всей жизни он считался человеком политически неблагонадёжным (рис. 40). Дело в том, что А.В. Адрианов обличал хищническое отношение русской администрации, золотопромышленников и даже крестьян-переселенцев к местному коренному населению. При этом он явно идеализировал жизнь инородцев (как тогда называли местное население Сибири), присущую им до присоединения к России. А.В. Адрианов имел чин статского советника и периодически занимал ответственные чиновные должности, но всякий раз ему местная администрация стремилась препятствовать.

В 1913 году в Томске произошла забастовка служащих одной фирмы. Стоило А.В. Адрианову её поддержать на страницах газеты «Сибирская жизнь», как он был арестован и по суду выслан на три года из Томска: сначала на север в с. Нарым, затем на юг в Минусинск и оттуда — в с. Ермаковское. В апреле 1914-го Тува (называвшаяся тогда Урянхайским краем) была подчинена управлению енисейского губернатора. В связи с этим и по просьбе А.В. Адрианова оставшийся срок ссылки (15 месяцев) ему разрешили провести в Туве, где он самостоятельно, практически без рабочих, копал курганы, а также изучал наскальные рисунки.

Личная жизнь учёного оказалась трудной, а последние её годы и вовсе трагичными. А.В. Адрианов восторженно приветствовал февральскую революцию. Это понятно, ибо все его знакомства и работа были связаны преимущественно с людьми разных социалистических партий. Он был уверен, что именно за свои политические симпатии был изгнан из государственной службы, а в последние годы посажен в тюрьму и сослан. Тем горше оказалось его разочарование от второй революции. Так же прямолинейно, как он привык в своих публикациях обличать местную администрацию, теперь А.В. Адрианов пишет о том, что обрётённая свобода принесла лишь свободу убивать, совершать грабежи и лгать, кого вздумается арестовывать. Большевицкая авантюра, по его мнению, — это величайшее зло нашей жизни. Оставалась последняя надежда — выждать, «пока большевистский гнойник вскрыется и очистится». Но выждать ему не пришлось, не дали. Это при царском режиме за антиправительственные публикации лишь ссылали. При новой власти А.В. Адрианов был не только арестован, но 7 марта 1920 года расстрелян. И никто не посчитался ни с его преклонным возрастом, ни с большими научными заслугами перед Сибирью, перед страной.

А.В. Адрианова высоко ценили учёные, как археологи, так и этнографы. В Эрмитаже, Историческом, Минусинском, Красноярском и Томском музеях хранится много вещей из его раскопок. Ещё в мае 1913-го Географическое и Московское археологическое общества отметили 30-тие его первых раскопок под Минусинском. Это событие венчало огромную работу учёного. Состоялись его первые раскопки следующим образом.

1883 год. Западно-Сибирский отдел Русского Географического общества выделил А.В. Адрианову 500 рублей для научной экскурсии в юго-восточную часть Алтая, к месту истоков рек Томь и Абакан. В его задачу входило: собирать сказки и легенды, фотографировать шаманов, описывать быт населения, производить антропологические измерения коренного населения, а также обследовать фауну, озёра, измерять температуру.

Помимо этого, Александр Васильевич пытался «выхлопотать право разрывать могилы». Дело в том, что за два предыдущих года он много разъезжал по деревням, скупая для личной коллекции вещи из курганов, и даже наметил раскопку нескольких из них под Минусинском. Географическое общество таких прав не выдавало, но А.В. Адрианов от своей затеи не отказался. Свой путь на Алтай он наметил из Минусинска, куда должны были придти деньги, карты, антропологические и метеорологические инструменты. Приехал сюда Александр Васильевич в мае и сразу поселился на Тагарском острове, расположенном напротив г. Минусинск, через протоку, где жители города пасли скот и сажали огороды.

Через два дня приступил здесь к раскопкам могил внутри чётко видимых на поверхности земли каменных оградок. В дальнейшем свой незаконный поступок он оправдывал тем, что вовремя не пришли деньги и посылка с материалами для географической экспедиции:

«Не хотел в их ожидании терять даром время, в то время, как история края неизвестна, а курганы из года в год разрушаются и расхищаются...».

Всего за три недели он в трёх разных местах острова раскопал 19 могил в шести курганах. Они представляли собой разграбленные каменные ящики, с костями одиночных покойников и небольшим числом предметов. Исключение составила одна, содержавшая гипсовые маски.

А.В. Адрианов подробно описал в дневнике последовательность её раскопки, и всё-таки восстановить целостную картину можно было лишь приблизительно. Вероятно, сруб площадью в 25 кв. м, сложенный клетью в 2-3 венца брёвен, был плотно обставлен вертикальными бревёшками. В центре помещался столб, на который опиралась крыша с двойным перекрытием. Всё обуглено, под рухнувшей крышей среди углей и сожжённой хвои находились десятки кучек

кальцинированных человеческих косточек — пепел. У стенок лежали 13 скелетов и 7 черепов людей.

Люди принадлежали к двум физическим типам: длинноголовые, с низким и узким лбом, и один круглоголовый. Sensацией оказались найденные гипсовые маски, разнообразные как по внешнему виду, так и по месту положения. Несколько из них облегали черепа. Одну маску, изящную, с красным узором, удалось снять с черепа подростка. Но она настолько плотно прилегала к лицевой части черепа, что кусочки гипса остались в глазницах, на носу, лбу, около ушных отверстий. А.В. Адрианов положил её около себя, чтобы подсушить на солнышке. В это время прибежавшие на раскопку мальчуганы, стоя на противоположных сторонах могилы, затеяли перебрасываться камнями. Один камень угодил в маску и разбил её... Да, случается на раскопах древних курганов и такое.

Свыше 20-ти масок были полыми и находились у кучек человеческого пепла или поверх них. Одна расширялась в области шеи и переходила в горизонтальную подставку.

Удачей было то, что шесть масок оказались практически не разрушенными и вскоре привлекли внимание учёных за пределами Сибири. Интерес к ним превысил то обстоятельство, что раскопки проводились без разрешения. Более того, для дальнейших поисков масок Археологические учреждения в Петербурге и Москве стали выделять деньги и права на местные раскопки. Однако произошло это не сразу. Сначала, в 1886 году, две маски Д.А. Клеменц поместил в каталоге «Древности Минусинского музея» (рис.41—42).

Затем ими заинтересовалась председатель Московского Археологического Общества графиня Прасковья Сергеевна Уварова. Она уговорила А.В. Адрианова прислать ей маски в Москву, чтобы показать в 1887 году на Археологическом съезде в Ярославле. Все расходы по их транспортировке в оба конца, по Енисею и почтовым трактом, она взяла на себя. Учёный согласился, но перед тем, как отправить пять масок в Москву, весной 1887 года представил их на этнографической выставке в Томске. В результате первые сибирские маски и в Томске, и в Ярославле увидели многие люди. Что могли подумать, глядя на них, археологи, собравшиеся со всей России на свой съезд?

Среди представленных масок были скуластые и плоские лица как у монголов, а также длинноголовые с большими носами, в которых кто-то увидел кавказский, а кто-то римский профиль (рис.43—44).

Казалось, что это портреты, и сразу возник вопрос, как они могли возникнуть в глухом месте Сибири, о котором ранее практически ничего не было известно? Каким образом в этой древности оказалось европеоидное население?

Любопытство, недоумение, даже непонимание проявляли по этому поводу участники обеих выставок.

А.В. Адрианов после Томска, Москвы и Ярославля не стал подвергать хрупкие экспонаты дополнительному риску и оставил маски Императорской археологической Комиссии. Откуда они в 1891-1992 годах были переданы в Исторический музей.

Д.А. Клеменц, присутствовавший на раскопках кургана с масками, высказал мнение, что личная заслуга А.В. Адрианова в находках этих масок преувеличена: *«Честь будет не нашедшему маски, а тому, кто объяснит, что это за маски»*. Тем не менее, он тут же подал заявки на раскопки на следующий 1888 год в обе археологические организации, расположенные в Петербурге и Москве. И получил! Так силён был интерес к сибирским маскам.

...1886 год для Д.А. Клеменца был счастливым. Вышла книга по археологии Минусинского края, которая вскоре сделала имя его популярным. В конце года он, как указывалось, обручился и приобрёл на всю жизнь верного друга и соратника. Тогда же закончился срок его ссылки, и он смог дальше сам определять свою судьбу — возвращаться ли в столицу или оставаться в Сибири. Он предпочел последнее, поскольку очень увлёкся древней историей края и наметил программу её изучения: нанести на карту курганы; раскопать могилы разных эпох; узнать, чем отличаются могилы на р. Енисей от могил на р. Чулым. Свои цели Д.А. Клеменц изложил в письмах к археологическим правительственным учреждениям: Археологической Императорской Комиссии в Петербурге и Московскому Археологическому Обществу. В Комиссию он выслал для публикации составленную им карту Енисейской губернии, на которой были нанесены известные ему курганы, каменные изваяния, петроглифы, за что получил 120 рублей. Тогда же у него завязалась личная переписка с председателем Московского Общества графиней П.С. Уваровой. Оба учреждения сделали его своим членом-корреспондентом, в обязанности которого входило сообщать о неожиданных открытиях, копировать рисунки с курганных камней и вещей из частных коллекций.

Уместно тут повторить, что в 1888 году Д.А. Клеменцу выдали права на раскопки и денежные средства на их осуществление.

Принятых на себя обязательств оказалось для него слишком много, поэтому раскопку одного кургана на Тагарском острове Д.А. Клеменц поручил своей жене Е.Н. Зверевой. Дмитрий Александрович надеялся найти в нём маски, ибо курган располагался рядом с тем, где их нашел А.В. Адрианов. Маски в нём действительно оказались: обломки одной на скелете и обломки ещё пяти между костей скелетов. Д.А. Клеменц передал их в Исторический музей.

Эти маски оказались такими же, какие нашлись в первом кургане вместе с сожжёнными человеческими косточками. Видимо, его супруга либо вскрыла только часть могилы, либо не заметила, что кроме скелетов там имелся пепел (кальцинированные косточки) от других покойников.

Рис. 41.
Профиль маски
из кургана на Тагарском
острове, раскопанного
А.В. Адриановым

Рис. 42.
Мужская красная маска
из кургана на Тагарском
острове, раскопанного
А.В. Адриановым

Рис. 43.
Маска из кургана
на Тагарском
острове,
раскопанного
А.В. Адриановым

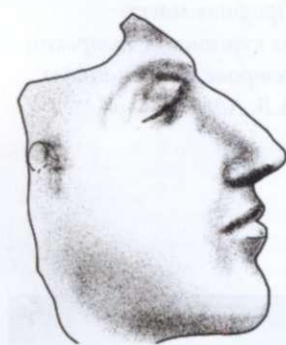
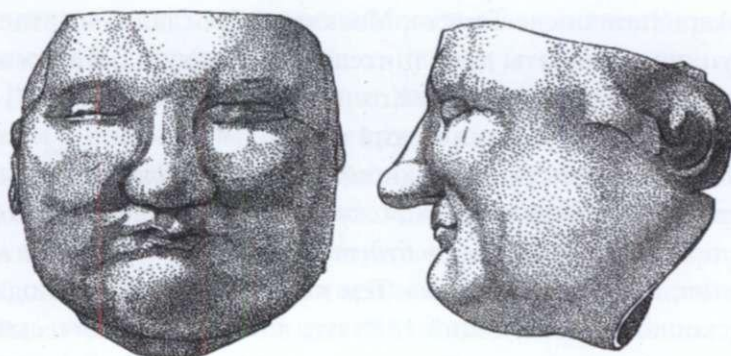

Рис. 44.
Профиль маски из
кургана на Тагарском
острове, раскопанного
А.В. Адриановым

С именем самого Дмитрия Александровича Клеменца с 1888 года связаны первые научные раскопки курганов, содержащих большие коллективные захоронения.

Стояло обманчивое сибирское «бабье» лето. Ночные холода напоминали о его кратковременности, но устойчивые тёплые дни вводили в заблуждение: казалось, лето затянулось. Д.А. Клеменц отправился в экспедицию ещё в мае. объехал всю систему рек Чёрный и Белый Июсы, проводил раскопки курганов у с. Чебаки. Позже работал на реке Туба, правом притоке Енисея. Затем ездил с золотопромышленниками в тайгу. И только 24 сентября вернулся на север и смог приступить к раскопке большого кургана у села Назарово, на левом берегу Чулыма.

По словам местных крестьян, этот курган был «необычным для Сибири». Он одиноко возвышался в степи и выглядел большим холмом высотой 2 м, диаметром 40 м. Д.А. Клеменц предположил, что курган не очень древний, а принадлежит аринцам: кетоязычному народу, ещё недавно проживавшему в окрестностях Ачинска. Это предположение не подтвердилось, ибо кургану оказалось более 20-ти веков! Тем не менее, случились другие неожиданные открытия.

Так, под насыпью на глубине трёх метров в камере площадью 42 кв. м, крытой брёвнами и берестой, обнаружилась сплошная масса человеческих костей от более, чем сотни людей. Положены были тела один на другой и, преимущественно, головой к северу. По древнему обычаю, умершие были снабжены самым необходимым для дороги в страну мёртвых. А именно: жидкой пищей в глиняных сосудах. К подпоясанным их шубам были подвешены бронзовые боевые топоры-чеканы (рис. 45), кинжалы (рис. 47), ножи с шильями и зеркала (рис. 48), два сосуда с горизонтальными ручками (рис. 46). Но изделия были крошечные, некоторые всего размером со спичечный коробок или чуть более. Удивляло и другое. Изделия клали не всем покойникам, а поскольку камера была сожжена, то скелеты, куски дерева и бересты оказались обожжёнными...

Назаровский курган с коллективной могилой и бронзовыми миниатюрами открыл ранее неизвестную страницу истории края.

Тем не менее, результаты раскопок не удовлетворили Д.А. Клеменца. Сбылись его опасения, что раскопки придётся вести до снега и морозов. Из-за начавшихся холодов они проводились в спешке. Поэтому ему хотелось, учтя приобретённый опыт, исследовать новый похожий курган. И Дмитрий Александрович сразу же начал хлопотать о раскопках на следующий год кургана в Уйбатской степи, на окраине могильника, известного в народе как чаа тас, что в буквальном переводе означает «камень в память войны». Строго говоря, здесь расположены курганы разных эпох, но самыми многочисленными являются каменные круглые или овальные невысокие насыпи, обставленные высокими узкими плитами (рис. 49). Д.А.Клеменц первым среди археологов выделил этот тип курганов и дал название могильнику: «Уйбатский чаа тас». Раскопки кургана, начатые в 1889-м, пришлось завершать в 1890 году: не было рабочих для продолжения раскопок. По соседству с курганом в Уйбатской степи действовали золотые прииски, но рабочих оттуда удалось нанять всего на неделю. Выписанные же для раскопок мужчины из Минусинска «оказались ленивы». Землекопы-хакасы бросали работу, когда начинались праздники. Как откровенно отмечал Д.А. Клеменц, *«Даже бедняка нельзя было соблазнить никакой платой, как только началось доение коров и перегонка молочного вина. Каждый знал, что в эти дни будет сыт, пьян и весел около богатых соплеменников»*.

В целом результаты раскопок впечатляли. Под насыпью высотой 4, 5 м и диаметром 60 м оказалась бревёнчатая камера площадью 50 кв. м с бревёнчатым потолком и полом. Поверх потолка уложен слой хвороста, а выше сооружён двойной берестяной купол, вроде юрты огромных размеров. Камера сожжена, и на дне — слой спрессованных скелетов толщиной 60 см. В отличие от Назаровского кургана, здесь не нашлось бронзовых миниатюр. Имелись лишь малочисленные железные кинжалы, ножи, глиняные бусы и бляхи, обтянутые листочками золота. Зато черепа скелетов были обмазаны глиной, что Д.А. Клеменц посчитал за остатки глиняных масок.

Тогда же, в 1889-м, аналогичный курган, но более богатый вещами, чем Уйбатский, был раскопан у с. Тесь на р. Туба финским учёным И.Р. Аспелиным. В кургане около ста скелетов и их частей располагались тремя ярусами. Черепа были не только обмазаны глиной, но и поверх неё — гипсом. К сожалению, ни Д.А. Клеменц, ни И.Р. Аспелин не расчищали останки погребённых, их число и положение в могилах определены ими условно.

Больше повезло кургану на берегу озера Кызыл Куль в той же Уйбатской степи. Его в 1897—1899 годах раскапывал А.В. Андрианов, приобретший к этому времени значительный опыт расчистки скелетов в исследовании коллективных захоронений.

Под насыпью высотой 2 м и диаметром 23 м была яма площадью 49 кв. м. В ней — сруб высотой 2 м, с дощатым полом и потолком, державшимся на опорных столбах. А.В. Адрианов определил, что здесь захо-

Рис. 45.

Бронзовые миниатюрные чеканы и другие изделия, аналогичные найденным Д.А. Клеменцем в Назаровском кургане

ронены около 150 человек, включая тех, от которых остались только части и даже одни черепа. Целые останки покойников первоначально были рассажены вдоль стен, а неполные помещены в центре. Черепа сложены по углам сруба аккуратными кучками. Именно с ними были связаны основные открытия. Дело в том, что половина из них имели с двух сторон висков отверстия размером 3 x 5 см., а сам череп был обмазан глиной. Глина находилась и в глазницах, и в носовом отверстии, и вокруг шейных позвонков (рис. 50). Многие глиняные лица обмазаны тонким слоем гипса, на котором виднелись следы красной краски. А.В. Адрианов назвал гипсовую обмазку «маской».

Чем отличаются маски, найденные на Тагарском острове, от масок из кургана у озера Кызыл Куль? Этим вопросом занялся молодой тогда антрополог, выпускник Казанского университета К.И. Горо-

Рис. 46.

Бронзовый миниатюрный сосудик с ручками как в Назаровском кургане

Рис. 47.
Миниатюрные
бронзовые кинжалы
и ножи как
в Назаровском
кургане

Рис. 48.
Типы бронзовых
миниатюрных зеркал
в Назаровском кургане

Рис. 50.
Череп с трепанацией
в височных
областях. Глазницы
заполнены глиной.
Из кургана Кызыл-
Куль, раскопанного
А.В. Адриановым.
Минусинский музей.
Фото М.Б. Медниковой,
1997 год

щенко. Прошло всего несколько лет после раскопок у оз. Кызыл Куль, но гипс с черепов уже осыпался. Пришлось ограничиться анализом только глины поверх черепов. Тем не менее, ему удалось установить многое, в том числе много неожиданного. Например, оказалось, что глиной реставрировали череп уже тогда, когда ткани головы истле-ли. Как это могло происходить? По мнению антрополога, к примеру, в том случае, если труп не погребали в земле, а оставляли в степи. Отверстие в голове, то есть, трепанацию, производили, безусловно, после смерти — возможно, для того, чтобы голову очистить от мозга и ускорить её превращение в череп. Чаше отверстие, по его мнению, вырезали на голове трупа, но иногда уже на скелете.

Антрополог предполагал, что найдёт очень мало сторонников подобного объяснения загадки восстановления головы по черепу с помощью глины. Он пытался укрепить свою версию, ссылаясь на обычай различных народностей реставрировать черепа людей после того, как они истлевали или их вываривали. При этом не учёл, либо не знал, что в кургане были не только отдельно реставрированные глиной черепа, но и целые скелеты с глиняными головами. Перенести скелет из временного места в могилу и сохранить все косточки, вклю-чая кисти рук и стоп, невозможно.

Требовались какие-то иные действия с мёртвым телом, или скрепление каким-то образом костей скелета. Поэтому, как позже выяснилось, в целом правильные наблюдения К.И. Горощенко тогда показались невероятными.

Что касается масок с Тагарского острова, лежащих рядом с пеплом людей, то К.И. Горощенко, прежде всего, заинтересовало их

внешнее разнообразие. Преимущественно на них изображены скуластые плоские лица с широкими носами, как у представителей населения монголоидного типа.

Однако попадались и маски узколикие, с длинными крупными носами, как у людей европеоидного типа. Поэтому антрополог посчитал, что они передают индивидуальные черты покойников и, значит, вылеплены непосредственно на их лицах. Но обратная сторона масок этому противоречила, так как здесь либо отсутствовало углубление носа, а имелся лишь отпечаток палочки, либо это углубление было не на месте. А главное, места рта и глаз были замазаны; на углублениях глазниц имелись гипсовые конические возвышения, а на месте рта — возвышения в виде плитки.

Значит, предположил К.И. Горощенко, маски не лепили на лице, а отливали по форме, снятой с лица. Такое упрощённое и не аргументированное объяснение, к сожалению, удовлетворило исследователей и на долгие годы замедлило изучение технологии изготовления полых масок.

Рис. 49.
Уйбатский чаа-тас.
Фото С.Г. Нарылкова,
2003 год

Рис. 51.
Горная группа Оглахты. Вид с Енисея.
Фото М.П. Грязнова.
1969 год

Глава четвертая

Первые погребальные куклы

■ Загадки первых погребальных кукол

■ На богатырских тропах богатырский конь...

■ О чём поведали мумии горы Оглахты?..

■ Первые доклады о раскопках А. В. Адрианова в Красноярске и в Московском археологическом обществе

Рис. 51 а.
Скальный массив Оглахты.
Левый берег Красноярского
водохранилища.
Фото А. Л. Заики.
2000 год

Найти непо потревоженную могилу — большая удача. А полностью сохранившуюся — лишь случай. К сожалению, в начале прошлого века консервировать извлечённые из могилы кожанотравяные куклы в рост человека и одежду ещё не умели. Тем не менее, все уникальные находки были распределены А.В. Адриановым по трём музеям — Государственному Историческому и музею Антропологии в Москве, а также Краеведческому в Красноярске.

В течение двух последующих лет после раскопок кургана у озера Кызыл Куль А.В. Адрианов раскопал девять курганов на окраине современного города Абакан, ранее называвшегося Абаканская Управа. В насыпях этих курганов были выкопаны ямы, где помещались небольшие прямоугольные срубы в один венец брёвен, закрытые брёвнами и берестой. В них похоронены либо по одной женщине, либо рядом с ней лежала кучка сожжённых косточек второго кремнированного человека, предположительно мужчины.

На лицевой части женских черепов вылеплены белые гипсовые маски со следами красной росписи; на одном мужском черепе была красная маска. Те и другие настолько тонкие, что снимались лишь по мелким невыразительным кусочкам.

Вскоре эти находки затмили более эффектные маски, обнаруженные в горах Оглахты, в 60-ти верстах ниже по Енисею от Минусинска и в 40 км севернее современного Абакана.

Горная группа Оглахты тянется вдоль Енисея на 15 километров. Она знаменита множеством древних рисунков, расположенных преимущественно на утёсах, обращённых к реке (рис. 51, 51a₁). Сверху и донизу самого крутого утеса неизвестно кем выбита каменная борозда, называемая «богатырской тропой». Существует легенда, что эту дорожку протоптал богатырский конь, который ходил изо дня в день к водопою. Горная местность пересечена узкими и глубокими логами. В одном из логов между горами Оглахты и Комсомольская, в шести км от фермы Оглахты, ранее называвшейся улусом Анкашева, расположен очень крупный и практически невидимый на поверхности могильник (рис. 52).

Сейчас этот могильник приметен по раскопанным А.В. Адриановым ямам и растущим из них березкам (рис. 53).

В I—II веках после Рождества Христова здесь могилы выкапывали обычно на дюне, между склонами гор, а позже, в III—IV веках, — на их склонах. Здесь грунт — щебёнка, поэтому могилы мельче. Зато местами геологические залегающие породы образуют пустоты, в которых бушует ветер. Он до сих пор несёт холодный воздух из углов лучше сохранившейся к 1902 году гробницы (рис. 54—55).

В ней обнаружены естественно высохшие человеческие мумии, кожаные, набитые травой человекоподобные чучела, а также разнообразная утварь из бересты и дерева, остатки одежд покойников, для которых, помимо кожи, шерсти и меха, использовали китайский шёлк. Произошло это случайное открытие поздней осенью 1902 года.

...Хакас (Егор Какашкин), проживавший в одноимённом улусе (позже — посёлок Советская Хакасия), скакал по горе Оглахты на коне, когда под задними копытами лошади что-

то рухнуло. Оказалось, что конь под всадником надавил копытом на подгнившую часть деревянной крыши гробницы, чуть прикрытую землёй, поэтому резко метнулся в сторону и остановился. В тот же момент половина крыши обрушилось, и в проеме пастух увидел «как живых двух мертвецов, один скалил зубы, а лицо другого сплошь закрыто расписной маской».

Первой осмотрела могилу тёща пастуха, казачка Домна Ивановна Хубекова. Она содрала маску с черепа, потянув за шёлковую зелёную ткань, которая виднелась под маской. Ткань сразу рассыпалась в её руках, а маска разломалась. Женщина сняла меховую куртку с валявшегося на полу травяного чучела. Подобрала с пола разбитый глиняный горшок и кожаную сумочку. Обломки маски и горшка продала соседям, куртку выбросила, а сумку попробовала переделать для себя...

В феврале 1903 года А.В. Адрианов прибыл из Красноярска для осмотра места данного происшествия. Подобрал на снегу выброшенную куртку и выкупил все находки. Обломки маски склеил и выслал в Петербург в Археологическую Комиссию — как свидетельство необходимости раскопок могильника. Средства получил и летом того же года раскопал эту могилу, а также еще 20 других на двух склонах.

Рис. 52.
Оглахтинский
могильник. Две
группы ямок по двум
сторонам узкого лога.
Фото М.П. Грязнова,
1969 год

Рис. 53.

Оглахтинский могильник. Группа Оглахты I. Раскопы А.В. Адрианова в 1903 году, из которых ныне растут берёзы. Фото М.П. Грязнова, 1969 год

Рис. 54.

Оглахтинский могильник. Группа Оглахты I могила I, обнаруженная случайно в 1902 году. ▼

Рис. 55.

Выход струи холодного воздуха из углов раскопа могилы I. Фото 1969 года ▶

В них были похоронены по два — четыре человека. Маски имелись на всех скелетах, а под масками — либо целые куски ткани, либо квадратные и прямоугольные кусочки шёлка поверх глаз и рта. На затылках — выдолбленные отверстия, кости от которых находились внутри черепов.

Маски эти очень тонкие; лишь одну из них, подростка 10—12 лет, удалось снять по крупным частям и частично склеить. Она сплошь выкрашена в красный цвет, но чёрной краской нарисованы широкие брови и веки закрытых глаз (рис. 56 а, б; в альбоме № 4).

Остатки чучел находились в 5-ти могилах, но в той, в которую чуть не провалился Егор, два чучела сохранились настолько хорошо, что их разглядела даже Домна Ивановна. Подобие человека, сделанное из любого материала, по-русски называется «куклой». Такое название закрепилось и за этими мягкими чучелами. Как выяснилось, для их изготовления брали обрезки овчины белого барана и сшивали их швом через край, шерстью внутрь. Из подобранных и сшитых лоскутков выкраивали узкие мешки длиной от 36 до 60 см и шириной 13—15 см, имитирующие руки и ноги. Для туловища шили мешок размером приблизительно 50х25 см. Мешки заполняли тугими комками сухой травы и сшивали жилами или тонкими ремешками. От голов кукол в основном остались комья травы, обшитые кожей. Но нашлась и целая голова, затылок которой был обшит толстым полихромным китайским шёлком с узором (рис. 57), а лицо закрыто тонким однотонным красным шёлком (рис. 58 а).

Обе ткани сшиты на лбу. Под красным шёлком скрывается лицо куклы. Скулы обозначены комками травы, а глаза и рот — впадинами. Трава обшита кожей, сшитой из отдельных кусочков мелкими аккуратными стежками. На лице пришиты кожаные брови и нос (рис. 58 б), что придавало голове объёмность.

На красной шёлковой маске, выше места глаз, нарисована широкая чёрная полоса с вертикальными линиями по контуру верхней части носа (рис. 59).

Первоначально были вышиты глаза в три шёлковые нити — две синие и одну жёлтую. Но следы вышивки можно разглядеть лишь с обратной стороны шёлка. На голову куклы при погребении надевалась меховая шапка. В данном случае от неё осталась лишь кромка на лбу. Она означала роспись лица куклы.

Все куклы, как и мумии, первоначально были облачены в зимние одежды, с головными берестяными уборами, или в меховых шапках, от которых преимущественно находили лишь обрывки меха и кожи. Лицо второго травяного чучела закрывала гипсовая, белая, со следами красной краски, маска. Она оказалась более плоской и толстой, чем маски на скелетах.

А.В. Андрианов маску с лица подростка и две головы кукол выслал в Археологическую Комиссию.

Рис. 56.а.
Оглахтинский
могильник. Группа
Оглахты I.
Могила 7.
Маска подростка.
Государственный
Исторический музей.
Рисунок

Рис. 56.б.
Оглахтинский
могильник. Группа
Оглахты I. Могила
7. Маска подростка.
Фото 1903 года
Императорской
Археологической
Комиссии

Чуть-чуть археологу не достало внимательности, чтобы понять: кого же изображали куклы? Дело в том, что внутри мешка-туловища, в особом мешочке, находились кальцинированные косточки кремнированного покойника — его пепел. Мешочек истлел, туловище порвалось, пепел рассыпался и оказался как внутри туловища, так и под ним. А.В. Андрианов отметил наличие пережжённых косточек среди травы внутри туловища, но не придавал им значения. Поэтому у него сложилось впечатление, что хоронили по отдельности трупы, пепел и кукол.

Примечательно, что всех мёртвых снабжали на тот свет не реальными, а бутафорскими изделиями, изготовленными преимущественно из дерева, в частности: моделями ножей и кинжалов в ножнах (рис. 60). Реальными вещами были глиняная и деревянная посуда, черпаки, ложки, а также берестяные колпачки, надевавшиеся на косичку, свёрнутую на макушке. Эти накосники обшивались китайским шёлком. Прикреплялись они к голове костяными и деревянными шпильками (рис. 61).

А.В. Адрианов опубликовал удивительные по своей сохранности материалы из могильника — в иллюстрированном приложении к газете «Сибирская жизнь». Осенью 1903-го он сделал два доклада в Красноярске о результатах раскопок.

Поэтому могильник вскоре получил широкую известность. 24 февраля 1904 года учёный выступил на заседании Московского Археологического Общества с докладом «О древних погребениях с гипсовыми масками и трепанированными черепами в Минусинском уезде». Краткое содержание доклада было напечатано не только в материалах Общества, но и для рядовых читателей в московских газетах.

Свой доклад А.В. Адрианов сопровождал показом переданных в Исторический музей экспонатов из собственных раскопок. В качестве экспонатов были пять масок из кургана на Тагарском острове, а также маска подростка и голова куклы из могильника Оглахты.

Наблюдения А.В. Андрианова сводились к двум основным выводам. Во-первых, маски использовались только в похоронной практике, то есть, являлись исключительно погребальными. Во-вторых, обычай этот долго существовал у двух народностей, проживавших в разное время на юге Енисейской губернии: как у тех, которые хоронили трупы и мумии, так и у тех, кто сжигал трупы или кости скелетов. Но для чего же конкретно эти народности использовали маски? Именно данный вопрос интересовал присутствующих.

Предположение А.В. Адрианова одновременно и удивило, и разочаровало. Дело в том, что после раскопок кургана у озера Кызыл Куль он исследовал десятки коллективных могил по Енисею, где, по его наблюдениям, были одновременно захоронены люди, умершие в разные сроки. Значит, от момента смерти и до погребения протека-

Рис. 57.

Затылок погребальной куклы, обтянутый китайской полихромной тканью с узором. Фото 1903 года

Императорской Археологической комиссии

Рис. 58 а (левый)

Лицо погребальной куклы, закрытое красным тонким шёлком, на лбу шитым с полихромным.

Фото 1903 года

Императорской Археологической комиссии

ло много времени. Тела покойников надо было как-то сохранять и подготавливать к окончательному захоронению. Вот тогда-то и возникло правило извлекать мозг из головы и лепить на лице маску, чтобы как можно дольше сохранить черты умершего.

Подобные обычаи не были известны у других народов, поэтому сообщение учёного не нашло отклика у слушателей. Да и речь шла, в основном, о могилах с большим числом скелетов, а самые интригующие маски с Тагарского острова, как известно, лежали с пеплом человека. В результате те специалисты, кто заинтересовался древними масками Енисея, попытались найти им собственное объяснение. Таким оказался присутствующий на докладе Степан Кирович Кузнецов — член-корреспондент Московского Археологического Общества и член-сотрудник Общества Археологии, Истории и Этнографии при Казанском Университете. Маски и голова куклы произвели на него столь сильное впечатление, что он решил выяснить их смысл, сравнив с масками и манекенами из других стран: египетскими, римскими, финикийскими, этрусскими, греческими, микенскими, мексиканскими. А также с золотыми масками из курганов на юге России у гг. Керчь и Ольвия (бывших античных городов Пантикапей и Борисфен). Сведения о них были опубликованы на разных языках и переведены С.К. Кузнецовым для его статьи «Погребальные маски, их употребление и значение».

Учёный выяснил, что цели изготовления маски различались не только по временам и странам, но и в зависимости от того, использовалась ли она до погребения, в могиле или после похорон. Когда труп выставлялся перед погребением, маска скрывала следы разложения, «облагораживала черты лица», либо производила впечатление, что человек ещё жив. В другом случае, находясь в могиле, маска помогала душе отыскать тело и соединиться с ним для новой жизни. После похорон маска долго служила объектом поклонения, заменяя собой статую или куклу... С.К. Кузнецов пришёл к выводу, что сибирские маски и погребальные куклы не имеют ничего общего с известными

Рис. 58 б (правый)

Лицо погребальной куклы под шёлком. Сделано из комков травы и обито кожей. Пришиты кожаные нос и брови.

Фото реставрационной мастерской

Государственного Исторического музея

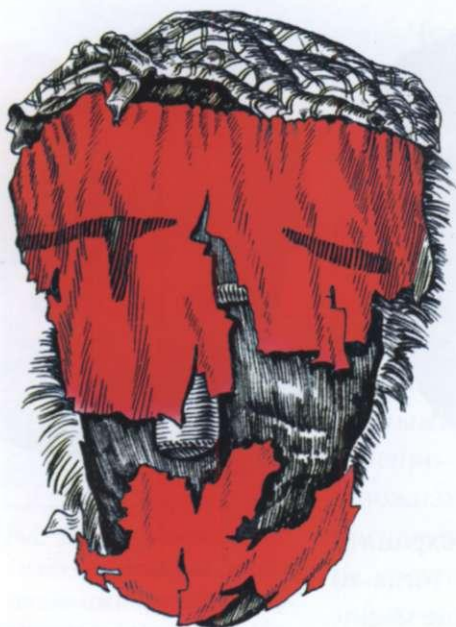

Рис. 59.
Роспись на шёлке
головы куклы.
Рисунок

Рис. 60.

Деревянные модели кинжалов и ножей
в ножнах. Оглахтинский могильник.
Фото 1903 года Императорской Археологической
Комиссии

на европейском и азиатском материках — ни по внешнему виду, ни по назначению. Вообще большая загадка, как они появились столь далеко на севере Азии? Какому народу и эпохе принадлежат? Дело в том, что, по заключению ученого:

«...нужна известная не только материальная, а духовная культура, нужны определённые воззрения на загробную жизнь и воскрешение тела для новой жизни, словом, нечто такое, что чуждо монголо-тюркским племенам, населявшим теперь долину среднего и верхнего Енисея. Другое дело, если допустить, что здесь существовал некогда оазис с высококультурным населением, ядро которого состояло из племени, передвинутого силой исторических обстоятельств в эту окраину из стран далёкого юго-запада».

С.К. Кузнецов предположил, что этот обычай распространился вглубь Сибири из стран древнейшей мировой культуры. Учёный, по всей видимости, подразумевал Грецию, ибо в облике двух (из шести сохранившихся целыми) масок кургана на Тагарском острове увидел «чисто арийские и, скорее всего, греческие черты». Но на этом своём предположении не настаивал: «пока не будут сделаны новые находки в Сибири, которые описаны должны быть несколько «более научно», чем это сделал Адрианов».

В годы открытия масок среди сибирских народов лучше всего были изучены обычаи обских угров, ныне разделённых на хантов и манси. Угры, как только человек умирал, закрывали ему голову шкуркой и обвязывали, чтобы из отверстий ушей, носа и рта не

могла выйти душа мёртвого и причинить зла окружающим. Поэтому этнографы высказали идею, что гипсовая маска могла иметь тот же смысл — изолировать мёртвого от живых. Ведь она же столь плотно закрывала уши, нос и рот покойника!

Но если можно понять, зачем закрывали масками лица трупов, то для чего их лепили на глиняных головах и на погребальных куклах? Это оставалось до недавнего времени неясным.

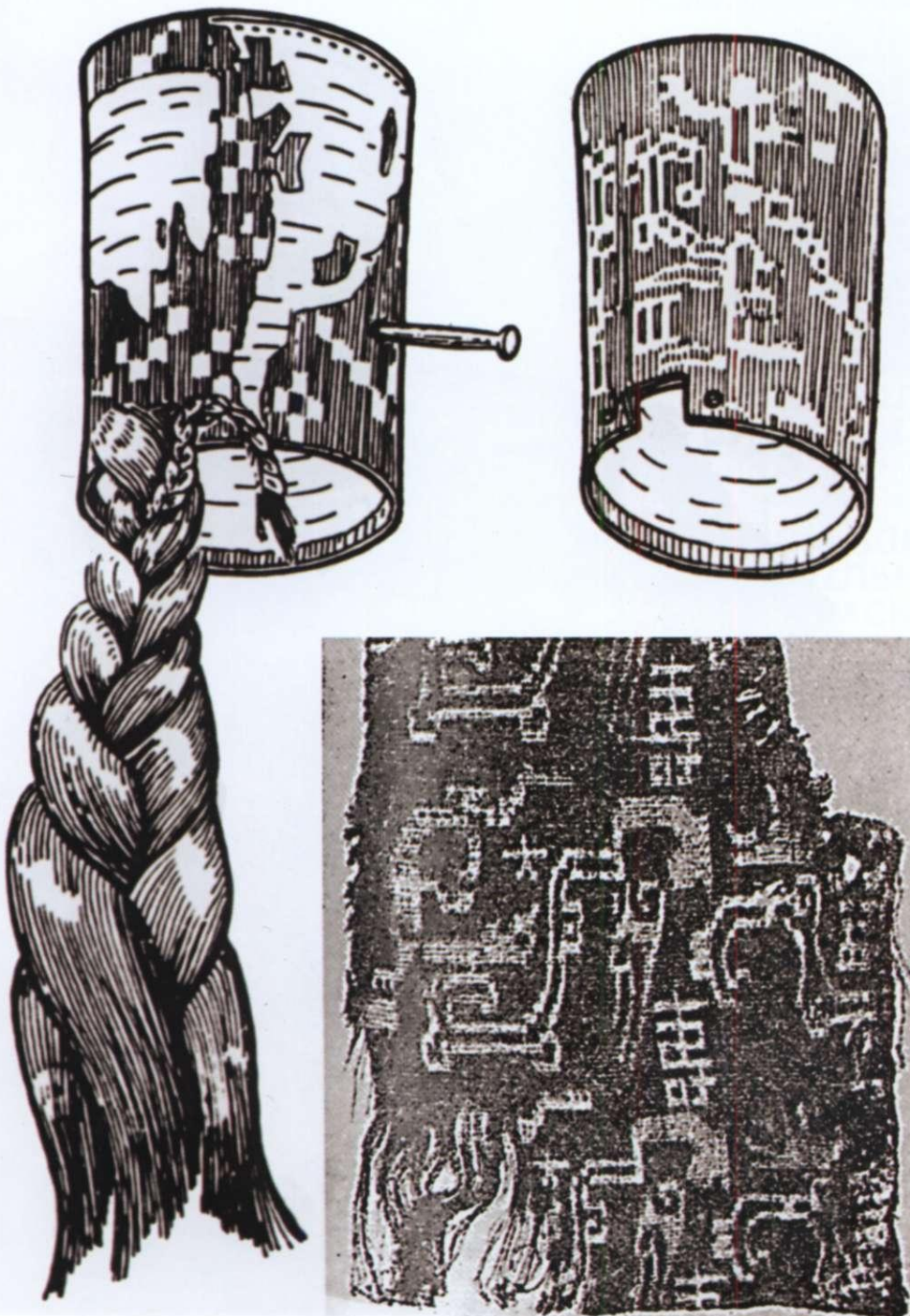

Рис. 61.
Берестяные колпачки,
обшитые китайской
тканью. Надевались на
свёрнутую на макушке
косичку. Иногда в конец
косички вплетались
искусственные пряди
других волос

Рис. 62.

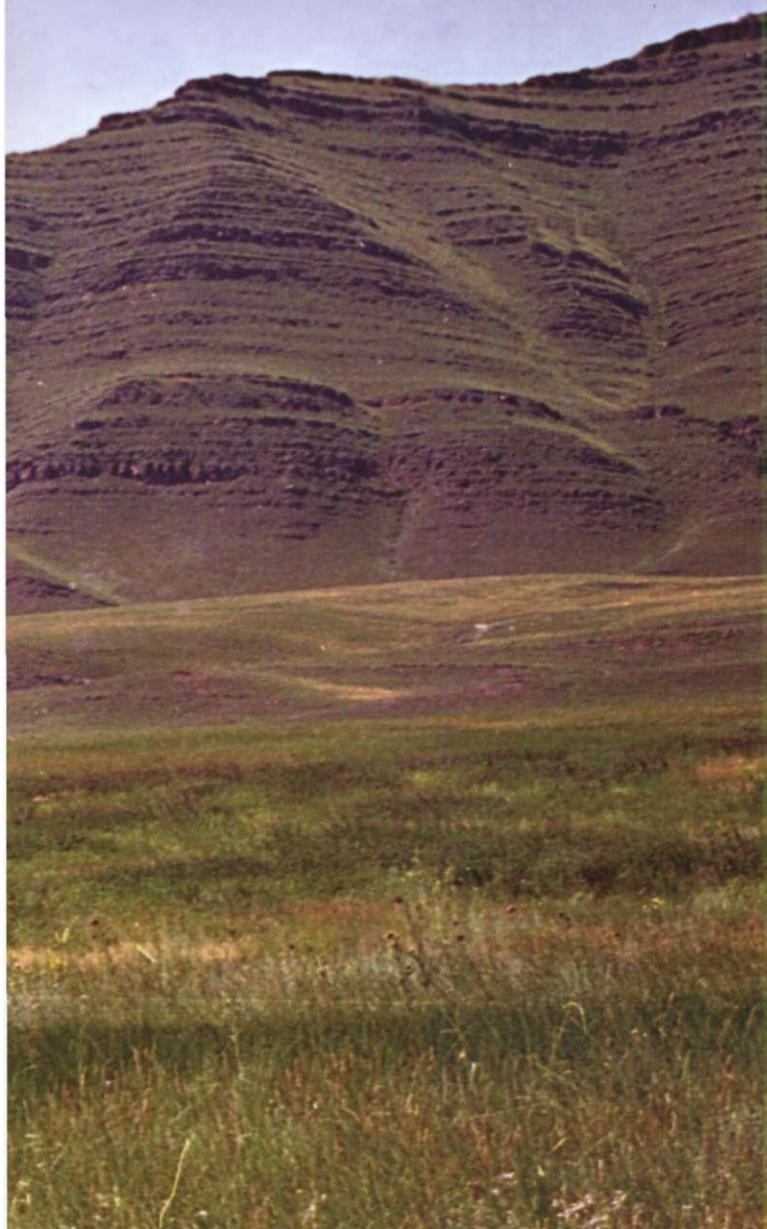
Курган у с. Тесь после снятия насыпи и расчистки
всей территории внутри камней ограды.

Раскопки автора у села Тесь (р. Туба), 1971 год

Глава пятая

Зачем глиняные головы закрывали гипсовыми масками?

- О различиях взглядов Д.А. Клеменца и В.А. Адрианова на древние погребальные ритуалы...
- В чём заключается уникальность чулымских раскопов?
- Экономические и политические мотивы массовых захоронений у древних
- Что откопали ленинградские археологи в зоне затопления Красноярской ГЭС

... И в таких местах на территории Красноярского края работали археологи ленинградской экспедиции

Строительство Красноярского водохранилища разрушило много древних курганов. Но оно же впервые (благодаря хорошему финансированию археологических работ) позволило исследовать их полностью, а не только вскрывать могилы под насыпями. Это послужило толчком к тщательному исследованию конструкций погребальных камер, расположению в них десятков и сотен покойников, связать их с остатками глины на черепаках, с травой внутри и под скелетами. В результате выяснилось, казалось бы, невероятное. В могилы клали не трупы людей, а чучела, сделанные по скелету человека. А их черепа моделировали глиной, обшивали кожей, поверх которой обмазывали гипсом и раскрашивали...

Чтобы ответить на вопрос о гипсовых масках, надо сначала выяснить, что это были за глиняные головы и для чего они изготавливались?.. Глина с черепов из кургана Кызыл Куль давно осыпалась, и известно лишь то, что они находились в могиле с большим количеством покойников. Прежде всего, уточним, что это за могилы. С древнейших времён могилы старейшин и вождей отличались от могил обычных людей не только тем, что в них клали самые дорогие для того времени вещи. Они ещё были особо крупного размера и сложной конструкции. Над их сооружением трудились сотни человек около года и дольше. Однако, как показали уже первые раскопки, большие насыпи хранят могилы не только вождей, но и рядовых пастухов, воинов и их жён. К настоящему времени по долинам Енисея и Чулыма раскопаны десятки таких же могил, которые находились в курганах Назаровском, Уйбатском и Кызыл Куль.

Ни Д.А. Клеменц, ни А.В. Адрианов не сомневались в том, что в этих могилах люди были похоронены одновременно. Правда, причину этому видели по-разному. В 1883 году учёные, совместно путешествуя в верховьях Томи и Абакана, посещали «мёртвые поселки», в которых оспа в своё время уничтожила всё население. Как писал А.В. Адрианов:

«И оставшиеся в живых инородцы соседних улусов со страхом объезжали это место смерти, инстинктивно предугадывая свою судьбу».

Д.А. Клеменц, обратив своё воображение на прошлое, полагал, что с возникновением эпидемия все соседние племена откочёвывали, оставляя на произвол судьбы как больных, так и мёртвых. Когда эпидемия заканчивалась, уносили все жертвы и совместно их захоранивали. В Назаровском кургане, по его мнению, могли быть люди, умершие от подобных эпидемий. Впрочем, он не исключал и жертв разграбленного вражескими набегами поселения...

Конечно, эпидемии в разные времена периодически уносили много жизней. Логично полагать, что поэтому, поместив в могилу покойников, их сжигали. А к телам чем-либо заражённых людей вообще боялись прикасаться. По прошествии времени могли хоронить только их кости. Но в коллективных могилах много и целых скелетов. А главное заключалось

в том, что, что ни в период эпидемии, ни во время военного или иного бедствия некому было сооружать гробницы, которые требовали длительных затрат времени, требовали также изготовления специальных бутафорских изделий для покойников. Могила, в которой были захоронены жертвы эпидемий и военных побоищ, встречаются, но для них не сооружали сложных погребальных конструкций. Следовательно, они не относятся к таким гробницам, которые описаны в курганах Назаровском, Уйбатском и Кызыл Кульском.

А.В. Адрианов, в отличие от своего напарника, полагал, что существовали два акта похорон. Сначала — временно — умерших хоронили по одиночке или небольшими группами, затем собирали всех вместе и помещали в одну могилу. Стремилась по возможности как можно дольше сохранить покойников для окончательного погребения. Для чего в черепе некоторых трупов, как уже отмечалось, делали отверстие, чтобы извлечь быстро портящийся мозг, а глиной и гипсом моделировали голову, чтобы сохранить черты лица покойника. Так что к моменту похорон степень сохранности людей оказывалась разной, поэтому одних хоронили целыми телами, от других — кости и даже только одни черепа.

Заключение антрополога К.И. Горощенко казалось ещё невероятнее. Напомню: он считал, что хоронили уже скелеты людей, но с искусственно восстановленными по черепу головами. Такие скелеты могли класть в могилы как в один приём, так и подхоранивать.

К концу XIX века было раскопано свыше десяти курганов, схожих с Назаровским, преимущественно на реке Чулым и под Красноярском. Отчёты об этих раскопках поступали в Императорскую Археологическую Комиссию и вызвали большой интерес учёных и за пределами Сибири. Это побудило члена Археологической Комиссии А.А. Спицына опубликовать в 1899 году свою статью «Коллективные могилы в верховьях Енисея и Чулыма». В ней А.А. Спицын обобщил все известные о них сведения. Главное, отметил необходимость значительно более тщательных и продолжительных исследований, чем до этого проводились, чтобы найти ответ на ряд наиболее волнующих исследователей вопросов.

К подобным вопросам относятся следующие. Хоронили покойников сразу или разновременно? Помещали их в ямах с самого начала, или временно погребали в других местах, а уж потом переносили? Проводилось сожжение могилы в один приём, или в несколько? Имелся свободный проход через насыпь к погребальной камере или не имелся?

Чтобы приступить к решению этих задач, требовалось, прежде всего, найти рабочих особой подготовки, определить лучшие методы раскопки. Нужны были не мужики, получавшие плату в зависимости от глубины и размеров шурфа, которым прорезали насыпь кургана, а специалисты, кто бы умел кисточками бережно расчищать дерево,

бересту и спрессованные слои человеческих костяков. Но такие люди появились только в 20—30-е годы XX века, когда археология из науки любителей стала наукой профессионалов.

...Поначалу успехи были скромные. Выяснилось, что полые маски, первыми обнаруженные А.В. Адриановым на Тагарском острове, на самом деле наиболее поздние. Самые же ранние, глиняные или гипсовые маски на глиняных черепаках, нашлись в курганах Уйбатском и Кызыл Куль. А эти курганы, в свою очередь, моложе Назаровского. Бронзовые крошечные изделия, которые так удивили Д.А. Клеменца, обнаружены были во всех курганах, но в неодинаковом количестве, иногда вместе с железными предметами. Чем моложе курган, тем меньше в нём бронзовых миниатюр и больше железных изделий. Справедливость же утверждения, что всех покойников хоронили одновременно, некоторые учёные восприняли с сомнением.

Дело в том, что многие могилы были ограблены, и часть покойников смещена со своего первоначального места. Возникла версия, что их сдвигали не только в период ограбления, но и тогда, когда подкладывали одних покойников к другим, уже находящимся в могиле. Такие представления требовали иного объяснения коллективных захоронений. В них стали видеть родовые склепы, функционирующие в течение ста и более лет. Предполагалось, что, лишь захоронив последнего представителя рода, потомки в третьем — четвертом поколениях сжигали могилу и возводили над ней массивное сооружение.

Подтвердить или опровергнуть новую версию могли только раскопки курганов полностью, то есть вместе с их насыпями и оградами, а не только с находящимися в них могилами. Такая методика раскопок возникла только в 60-х годах XX века. Что, как ни странно, было вызвано очередным массовым разрушением самих курганов. Это утверждение требует и пояснения, и отступления, в котором я предстаю как очевидец рождения нынешнего Красноярского моря.

Напомню, первое массовое разрушение курганов началось с переселения в долины Енисея русских, которые распахивали степи, строили дома и дороги. Затем могильные поля скрылись под городами Минусинск и Абакан, а также под многими новыми посёлками. Но на памяти моего поколения самый огромный ущерб был нанесён строительством Красноярского водохранилища, часто называемого морем, из-за которого в 1967—1970 годах ушли под воду тысячи курганов, а в 80-ые годы его волнами разрушены были и те, которые оставались по берегам. Уж не говорю о судьбе посёлков на бывших енисейских берегах.

Для археологов, пытавшихся в те годы раскопать как можно больше древних могил, чтобы спасти их для науки, впечатления о рождении нового рукотворного моря отнюдь не были радостными. Конечно, мы знали, что в долине на Енисее, с рождением Крас-

ноярского моря, настанут большие перемены. Скроются берега, где стояли наши палатки, исчезнут живописные, пахнущие черёмухой и свежескошенной травой острова, затопятся долины, унося с собой тысячи не раскопанных ещё курганов. Не могли не знать, ибо, работая в зоне затопления, выбирали для раскопок объекты, постоянно сверяясь с отметками будущего моря. Но, приезжая в течение первых семи лет на Енисей, находили его прежним. Где-то строилась плотина, а здесь изменялись лишь сёла. Одни селения разбирались обстоятельно и загодя: заборы, избы, фундаменты домов. Торчали лишь погребов и остатки печей. Другие деревни, просто покинутые жителями, мёртвыми островками стояли в степи...

Настало лето 1967-го. И тут-то выяснилось, что знать-то мы знали, но в реалии затопления себе не представляли. Вода ещё и наполовину не поднялась, а уже не стало величавого внешне спокойного Енисея. Перед нами расстилалось стальное холодное море. Рокотали настоящие морские волны...

Впрочем, море поглощало берега по-разному. Волны, врезаясь в крутые песчаные и лёссовые берега, подтачивали их снизу. В результате огромные глыбы песка падали сверху, окрашивая, замутняя воду, а неутомимые волны водохранилища не прекращали биться о берег, разрушая его.

На низинах же енисейская вода подтекала, подкрадывалась к верхним отметкам робко, словно бы ласкаясь. Постепенно она об-

Рис. 63.
Расчистка земляных бугров, выброшенной земли из ямы и брёвен покрытия, закрытых плитами. Курган у ст. Дубинино. Раскопки автора, 1979 год

волакивала траву, курганы, высящиеся у курганов плиты. И незаметно, на первый взгляд, но неуклонно скрывались под водой трава и основания камней. Затем — насыпь. И только верхушки высоких стел потом ещё долго торчали из воды, пока и над ними не смыкались волны.

Исчезли последние приенисейские деревни. Лишь лодки продолжали покачиваться у опустившегося берегового уреза. Впрочем, они также, словно невзначай, вскоре переместились на чердаки покинутих домов.

А ещё через два года берега, испещрённые, из-за наших раскопок, шурфами и траншеями, оказались почти на середине моря! Работы мы продолжали на склонах и вершинах бывших сопок, возле которых теперь плескалась вода. Только старожилы помнили, что это были раньше горы, что очень трудно на них было взбираться. И уже через один — два года исчезли и эти бывшие горы...

Казалось, археологам здесь больше делать нечего. Но Красноярское море необычное. В нём вода ежегодно зимой спускается до мая, оголяя вновь образовавшиеся пляжи и дно заливов, где ещё десять лет находились постепенно разрушавшиеся курганы. И всё же сначала вода слизала земляные насыпи с курганов, обнажая надмогильные каменные сооружения и ограды. Вот бы их сейчас раскапывать! Но через год — другой вода, как оказалось, крошит даже крупные песчаниковые плиты. И вот уже нет ни оград, ни надмогильных куполов; уцелели одни каменные ящики-гробы. Пройдет ещё сезон, и они также разрушатся. Тогда прямо на песке останутся валяться кости древних людей и древние сосуды, которые, естественно, станут собирать школьники. Так будет продолжаться до тех пор, пока всё либо не смоют очередные волны, либо не засыплет песок...

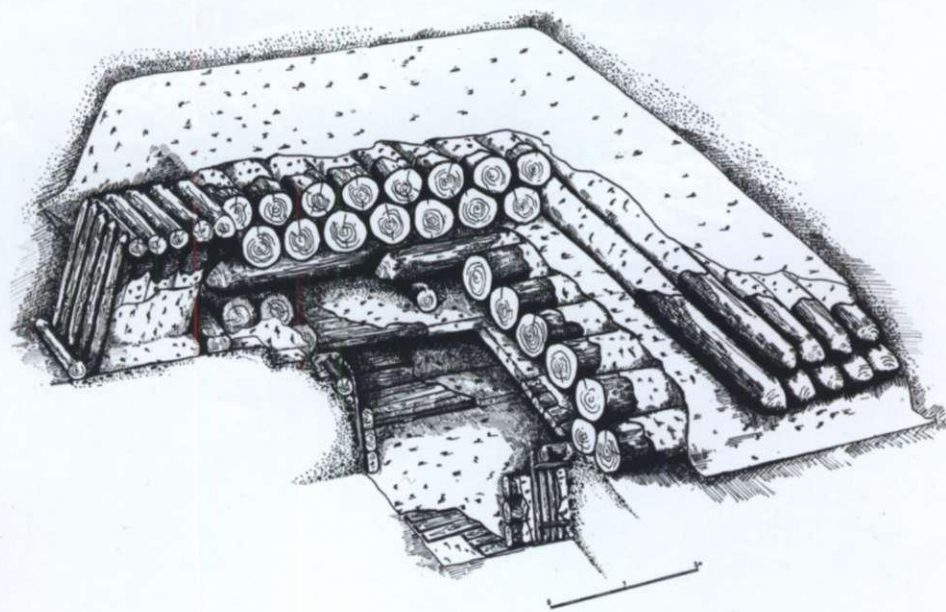

Рис. 64.
Погребальная камера
с бревенчатыми стенами
и полатями. Поверх
потолка три наката
брёвен, закрытых
берестой. Могильник
Разлив I курган 11.
Раскопки
М.Н. Пшеницыной
в 1974 году.
Реконструкция

Рис. 65.
Ограда кургана под
горой Барсучиха.
Раскопки
М.Н. Пишеницыной
в 1967 году.
Фото М.П. Грязнова

Мы работали и думали, что очень жаль утопленных, разрушенных водой древних кладбищ — самой истории, которой были буквально «нашпигованы» берега Енисея. Тем не менее, будем справедливы. Как знать, когда начали бы изучать береговые курганы Енисея, коснулась ли бы их вообще лопата археолога, не будь рождения моря? Ведь именно Красноярская ГЭС впервые выделила значительные суммы денег на археологические раскопки, что послужило стимулом всем другим организациям, работавшим на многочисленных новостройках края.

Благодаря этому, стало возможным проводить массовые раскопки в 1960—1970 годах, когда одновременно пять — шесть отрядов ленинградской экспедиции работали на енисейских берегах. Успехи были огромные. За этот период времени было раскопано курганов в несколько раз больше, чем за всю историю их изучения.

Это позволило умножить наши сведения о бывших племенах и обеспечило будущие поколения учёных научным материалом для исследования. Открыты были ранние, неизвестные прежде исторические эпохи, создана методика сплошных раскопок курганов. А именно: начали раскапывать ограды и их остатки, обнажать пространства между оградами и могилами, исследовать все этапы сооружения могил и их конструкций (рис. 62—63). Сказанное касается курганов всех времён, но особенно важным оказалось для курганов с коллективными могилами, в назначении которых прежде вообще было трудно разобраться.

...Теперь известно, что обычай хоронить покойников сообща зародился в долине Енисея приблизительно 2300 лет тому назад и просуществовал почти тысячелетие. Одновременно тогда же у местного населения возникла традиция заменять реальные вещи

для покойников их уменьшенными копиями, не имеющими практического применения в жизни. И всё же загадок ещё много.

Так, мотивы, побудившие людей совместно хоронить своих близких, по-прежнему не совсем ясны. Напомню, что в покойниках видели либо жертв эпидемий и военных грабежей, либо членов одного рода, которых захоранивали в течение ста и более лет. Многочисленность коллективных могил не позволяла согласиться только с первой версией. Для второй же должны были быть обнаружены конкретные причины.

Первая причина, выражаясь современным языком, являлась экономической. Дело в том, что между местными племенами участились войны за пастбища. Пастбищ стало не хватать из-за увеличивающейся численности стад. Люди погибали и умирали чаще, чем раньше. При этом каждому, по существовавшему тогда обычаю, сооружали не только отдельную могилу, но и окружали её оградой площадью от 20—40 до 150—250 кв. м. В результате каждое кладбище стало теперь занимать несколько гектаров земли, подходящей для пастбища. Значит, дополнительно сокращались территории для выпаса скота. Поэтому переход местных жителей от единичных к коллективным захоронениям мог быть экономически вынужденным и обоснованным. Начав хоронить в одной могиле нескольких одновременно умерших людей, они обнаружили в этом явную целесообразность. Возможно, поэтому и приступили к одноактному погребению рядовых членов племени, умерших в разное время. Только вождей — как рода, так и племени — ещё какое-то время погребали по-старому: индивидуально, или вместе с женой.

Вторая возможная причина коллективных захоронений, напротив, политическая. За разъяснением заглянем к соседям, с южной стороны Саян. Что там видим, происходившее за три века до начала новой эры, т. е. до Рождества Христова?

Воинственные племена хуннов в те времена захватывали одну территорию за другой. Это продолжалось до тех пор, пока их государство (во II веке до н. э.) не простёрлось от современного китайского Синьцзяна на западе до Кореи на востоке. Государству, состоящему из кочевников разного происхождения, требовались поставки продовольствия, прежде всего зерна. Особенно актуальной эта проблема стала к середине I в. до н. э. Тогда китайцы вытеснили хуннов из восточного Туркестана, где создали собственные военно-земледельческие поселения. Тем самым они отрезали хуннов от земледельческих районов и основных торговых дорог.

Но под контролем хуннов оставались дополнительные тропы, ведущие от основного Шёлкового пути в сибирские глубинки, где зерновых культур ещё не сеяли, зато в большом количестве добывали шкурки соболей и песцов, на которые можно было приобрести зерно в Средней Азии или Китае. Таким образом, у хуннов имелись при-

чины проникнуть на северные территории. И им удалось не только взять под контроль Туву и Забайкалье, но даже там расселиться...

Та же участь постигла бы и приенисейские степи, если бы труднопроходимые горные перевалы Саян не сдерживали миграцию. Некоторые перемены всё же произошли. Небольшие отряды воинов проникали в Присаянье, совершали грабительские набеги на посёлки, отбирали у жителей скот и меха.

При этом, естественно, контакты с хуннами значительно отразились в экономике, культуре и мировоззрении местных племён. С одной стороны, они оказались вовлечёнными в торговый обмен с хуннами, китайцами, с торговцами из городов Восточного Туркестана, где находились перевалочные пункты караванов Великого Шёлкового пути. Приобретали навыки лепить из глины не только посуду, но и разные украшения, приобщались к производству железных изделий.

С другой же стороны, в результате столкновений (что грозило потерей независимости для местного населения) изменилось мировоззрение аборигенного населения. В том числе укрепилось стремление переходить в загробный мир как можно более крупным родственным коллективом. Соответственно изменился облик родовых кладбищ. Эти кладбища уже в течение нескольких веков состояли из курганов с коллективными могилами. Теперь же целым кладбищем становился один крупный курган с очень большой могилой. С такими курганами мы уже были знакомы по раскопкам А.В. Адрианова и Д.А. Клеменца.

По мёртвым остаткам, что характерно для курганов, трудно возродить, «оживить» для истории давно угасшую жизнь. Тем более, что она протекала согласно тем верованиям, какие нам, из нашего времени, трудно понять. Но кое-что всё-таки можно объяснить, исходя из соображений общего характера. Нашим современникам, например, тоже трудно примиряться со смертью близких людей. Мы ходим к ним на могилу, иногда что-то им мысленно рассказываем, о чём-то просим. Хотим верить, что они нас там где-то в своем новом мире услышат... А раньше люди вообще не сомневались в подобном порядке вещей и свою смерть рассматривали как длительный переход к другой, иной, но все-таки жизни. И, разумеется, обставляли свой переход к ней большим количеством ритуалов, которые производили с покойником от смерти до его захоронения. Ритуалами сопровождалось сооружение могилы и кургана, где хоронили умершего; изготовление вещей, которые ему передавались навечно; похоронные, поминальные тризны и многое, многое другое.

Но нельзя поддаваться фантазии. К сожалению, изучение всего похоронного процесса минувших времён зависит не только от числа и тщательности работы на раскопанных курганах. Требуется ещё удача. Когда-то удачей считалось лишь одно: раскопать не ограбленную

могилу, чтобы в ней нашлось много вещей. В наши дни важнее то, что поможет реконструировать курган и процедуру похорон. Где-то это деревянные конструкции гробницы, где-то — сохранившиеся камни ограды. Но, прежде всего, остатки органики — костей скелетов, травы, кожи, меха. По тому, что удаётся восстановить, складывается, словно мозаика из кусочков, общая картина похоронной практики. Прежде всего, обращает на себя внимание монументальность архитектуры курганов, в которых не оставляли входа для подхоранивания покойников. Курганы состояли из погребальной камеры, массивного сооружения поверх неё и ограды вокруг. В степи сооружать всё это было проще, чем в лесу, где для этого приходилось рубить деревья и выкорчёвывать пни. Вот почему в степи курганы крупнее тех, что сооружались в лесу. В них площадь камер достигает 40—50 кв. м, а размеры оград до 28x26 м. В лесостепи площадь камер до 30—36 кв. м, размеры оград от 19x18 до 22x21 м. Гробницы сделаны по типу тогдашних жилых зимних домов. Это были полуземлянки, стенки которых укреплены тонкими бревёшками, поставленными вертикально вплотную друг к другу, что напоминает сплошной забор из вкопанных кольев; он назывался в конце XIX века тыном или частоколом. Рядом ставили сруб, наподобие избы, с дощатым полом и потолком. С двух или трёх сторон сруба сооружали полаты — лежаки. Их сколачивали из досок или брёвен и вставляли в щели между венцами сруба. На полатах размещали покойников, в зависимости от числа которых полаты делали в один или более ярусов. Яму закрывали несколькими накатами брёвен, а поверх них клали бересту, иногда плитки и всегда — брикеты дёрна (рис. 64).

Лишь одна камера из обнаруженных была устроена не в глубокой яме, а сложена из дерева и дёрна на поверхности земли. Исключение сделано, несомненно, из-за близко подступавших грунтовых вод. Но, возможно, благодаря именно этому, в данной камере лучше всего сохранились скелеты, также и маски на черепках. Ограды вокруг могил тоже мало отличаются друг от друга. Для их сооружения вкапывали по периметру могилы 16—20, реже до 30 стел. Участки между стелами закладывали плитами, глыбами или дёрном. Дёрн укрепляли брёвнами и плитами (рис. 65).

В каждой камере существовал свой порядок размещения покойников как на дне её, так и на полатах. С полатах они падали сразу (при сожжении могилы), или постепенно — вниз, в разные стороны и перемешиваясь. Их первоначальные места не устанавливаются (рис. 66 а). Другое дело, когда мёртвых укладывали плотными рядами на дне камеры. Между ними нет ни каких-либо земляных или иных прослоек. Полное впечатление, что группу людей здесь положили одновременно. Но могли ли они все тут поместиться, одетые по традиции в меховые одежды? Или одних укладывали уже на скелеты других? Чтобы закрыть этот вопрос, я решила провести необыч-

ный эксперимент во время раскопок коллективных могил в Шарыповском районе. В яму на места 30-ти извлеченных нами скелетов охотно разместились молодые сотрудники экспедиции. Естественно, не в шубах, а в привычной для них на работе форме, в основном, в купальниках. Что не помешало установить искомое, ибо все они заняли собою лишь нижнюю часть камеры (рис. 66 б).

Теперь можно перейти к очередной загадке: откуда могло брать-ся одновременно так много умерших людей? И каким образом их сохраняли до погребения?

Восстановить первоначальный облик курганов значительно легче, чем представить себе, как выглядели мёртвые к моменту погребения. Лишь в 60-х годах прошлого века обнаружено, что обычно внутри всех черепов, покрытых глиной или глиной и гипсом, находятся остатки травы, а рот заполнен глиной. Затем были найдены остатки прутиков, скрепляющих кости и черепа с позвоночником, и даже остатки травы на костях. Следовательно, в могилы были положены не трупы и не скелеты, а особым образом восстановленные из травы, бересты и кожи мумии-куклы. Постепенно, шаг за шагом, удалось восстановить внешний вид этих искусственных мумий и даже частично их причёску, одежду и, если имелась, маску. Оказалось, что способы изготовления мумий у разных групп населения были разными и постепенно совершенствовались.

Около горы Изых, считавшейся в недалёком прошлом священной, расположено угольное месторождение. Его исследовал как геолог ещё Д.А. Клеменц. Ныне угольный разрез всё ближе подходит к разным могильникам. За этим следит Хакасский Государственный университет, который на деньги, выделенные Изыхским угольным разрезом, с 1989 года производит около с. Белый Яр археологические раскопки. По материалам одного из курганов, раскопанного в 2004 году А.И. Поселяным, удалось выяснить, как выглядели наиболее ранние искусственно сделанные мумии, относящиеся условно к II—I вв. до н. э. Могила, по времени и количеству захороненных в ней людей, схожа с Назаровским курганом. В ней захоронено чуть более 200 человек, причём около 20 детей и подростков. Часть покойников уложена на дне камеры, остальные на полатах, сооружённых в три яруса вдоль трёх стен сруба. Когда камеру подожгли, полаты обрушились, и покойники с них свалились, поэтому образуют массу скелетов, лежащих по направлениям в разные стороны, иногда даже ничком (рис. 66 а). При этом скелеты не рассыпались, ибо это не обычные скелеты, а от специально изготовленных мумий, кости которых были скреплены между собой. Их хорошая сохранность позволила выяснить, как именно подобные мумии изготавливались. У всех мужчин, женщин и некоторых подростков позвоночник прутком скреплён с черепом и тазом. Сначала сквозь позвоночник, ещё заполненный мозгом, пропускали прут. Затем верхний и нижний края прута разрезали на две по-

Рис. 66 а.
Останки двухсот
искусственных мумий —
кукол в сожжённой
могиле кургана
у с. Белый Яр.
Раскопки А.И. Поселянина.
2004 год

ловинки. Верхние пропускали через боковые впадины черепа (яремные отверстия), а нижние — в отверстия крестца. Область груди и живота заполняли смесью трав, а всё туловище обматывали травой (рис. 67). Кости рук и ног скрепляли тонкими палочками, затем также обматывали жгутами из трав. Далее всё туловище обшивали берестой. На левом и на правом висках, либо на затылке черепа, вырезали круглое отверстие, через которое весь череп заполняли смесью измельчённых трав и веточек. Такой же смесью затыкали отверстия носа, глазницы, обкладывали все впадины черепа. В травяные глазницы вставляли, словно зрачки, камушки (рис. 68). Отверстие черепа затыкали кусочком дерева, как крышкой. Затем его обтягивали травой, наконец, обшивали берестой. На лице вырезали глаза, чтобы были видны зрачки-камушки и также, по-видимому, рот. Нос обтягивали берестой, которую пришивали у его основания.

В целом, по вырезанным глазам, рту и пришитым носам, лица мумий, очевидно, весьма напоминали ритуальные маски хантов и манси (рис. 4, 5).

Предположительно, лица умерших закрывали при захоронении погребальными масками, тоже берестяными или шерстяными. Для

изготовления мумий использовали злаковые травы, множество видов которых растёт в хакасских степях, в частности, на месте данного кургана. Некоторые мумии привозили даже издалека. Так, для изготовления одной мумии траву заменили белым мхом, который произрастает в одной из подтаёжных зон. Две другие мумии, по-видимому, из лесостепи, поскольку у них в грудь и череп помещён можжевельник. Но где бы не изготавливали мумию, и откуда бы ни привозили, для неё собирали сильно пахнущую эфедру. В Красноярском крае этот ветвистый кустарник, обладающий прутьевидными безлистными побегами, называется «хвойник сибирский». Растёт он на сухих каменистых склонах в горной степи. Так вот именно веточки хвойника протыкали сквозь позвоночник, затем его добавляли, в измельчённом виде, в смесь других трав, а также жгли, чтобы устранить запах от давно высохших фрагментов ранее захороненных тел.

Способ изготовления мумии по скелету практически не изменялся веками. Была заменена лишь берестяная обшивка травяных чучел на более удобную — кожаную. И иногда прутыки, скрепляющие скелет с черепом, прокладывали не внутри позвоночника, а по обе его стороны. Исключение составляет курган, раскопанный на

Рис. 66 б.
Эксперимент
в археологии.
В яму, на места
30-ти извлечённых
нами скелетов,
охотно и весело
разместились
молодые сотрудники
нашей экспедиции.
Естественно,
не в шубах,
а в привычной для
них на работе
форме. Что
не помешало
установить
искомый результат,
ибо все они заняли
собою лишь нижнюю
часть камеры...

Рис. 67.
Остатки травы в груди
и животе мумии

Рис. 68.
Остатки мумии
у с. Белый Яр. Смесью
трав заполнены нос,
рот, впадины черепа,
глазницы. Вставленные
в них чёрные камушки
имитируют зрачки

окраине г. Черногорск. Он был исследован в 2001 году Хакасским музеем в лице его археолога Э.Н. Киргинекова. В могиле обнаружилось около 50 мумий, у многих из которых глиной обмазаны не только черепа, но и скелеты по грудь, по пояс, либо полностью. Поверх глины кости обшиты, видимо, войлоком. Попытка использовать глину для всей мумии, наверное, оказалась малоудачной. Во всех других случаях глина употреблялась лишь для реконструкции её головы по черепу. Навыки подобного восстановления головы мумии накапливались медленно. Они передавались из поколения в поколение только определённым людям. А технология выглядела примерно такой. Сначала глиной заполняли только отверстие в черепе. Так, однажды (в кургане Белый Яр III) траву в черепе уплотнили несколькими гальками, поверх которых нанесли глиняную массу и сравняли с поверхностью черепа. Впервые глиняные обмазки всего черепа встречены в раскопанном Д.А. Клеменцем кургане около Уйбатского чаа таса. И обнаружены вторично, спустя почти 90 лет, в большом кургане первых веков под горой Тепсей.

Западные и южные склоны горы Тепсей (на правом берегу Енисея) издавна использовались населением для того, чтобы выбить или вырезать на них рисунки. Попадаются здесь и короткие древнетюркские надписи. Те и другие впервые было исследованы А.В. Адриановым. У подножия горы на надпойменной террасе Енисея имеются следы пребывания людей на протяжении более четырех тысяч лет. Люди здесь редко селились, но именно в этом месте, как правило, устраивали кладбища. Курган, о котором пойдёт речь (Тепсей XVI), раскопан ленинградской экспедицией в 1977 году.

Здесь в одной большой камере захоронены 25 целых мумий и 15 голов мумий. Практически все черепа имеют отверстия, через которые они заполнены какой-то растительной массой. Но не полностью, как в кургане у села Белый Яр, а в верхней своей части, поскольку для скрепления челюстей рот заполняли куском глины, суглинка, даже просто комком древесной золы с мелким песком. Отверстие в черепе затыкали куском глины и обмазывали ею же. В пустые глазницы черепа вдавливали куски глины. Если при изготовлении мумии у скелета ещё сохранялся высохший мешочек глазного яблока, то в него осторожно вставляли кусочек глины, протыкая палочкой. Сверху череп обматывали пучками травы, обвязывали ремнями и обшивали кожей. Так же, очевидно, поступали со всем туловищем. А уж затем поверх головы и груди чучела наносили глину. В одних случаях одним толстым слоем, толщиной в 1—2,5 см. В других случаях — в два слоя. Первый слой глины толщиной до 2 см разглаживали ножом, затем наносили второй, более тонкий толщиной 0,5—1,5 см. Иногда верхнюю часть глиняной обмазки покрывали тончайшим отделочным слоем и окрашивали охрой. В целом создавали грубое подобие головы с условным лицом (рис. 69).

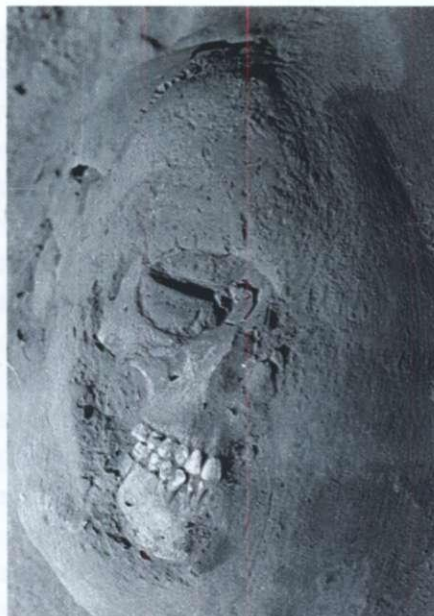

Рис. 69.
Голова мумии из
кургана Тенсей XVI
под горой Тенсей.
Раскопки
М.Н. Пишеницыной,
1977 год

Такие головы практически не сохраняются. Причина этого в том, что в горячей камере слой травы между костями черепа и глиной выгорал, и глиняная облицовка отваливалась. В таком случае обмазывали глиной не только голову, а также и шею с верхней частью груди. Получалось подобие «нагрудников» толщиной до 4 см и длиной до 13 см. На тыльной их стороне особенно много отпечатков стеблей травы и ремней.

Глина держится лучше непосредственно на черепе, чем поверх травы. Тем не менее, не только обмазывать глиной череп, но и лепить скульптурное лицо древние люди научились постепенно. Уже хорошо моделированные глиной черепа облицовывали гипсом, сначала целиком, затем только лицо — как маской. Первые гипсовые маски полагались только мумиям наиболее знатных покойников. Потом этот обычай стал общим для взрослого населения.

Об этом рассказывают два кургана. Один, раскопанный на окраине Черногорска, мной уже упоминался в связи с тем, что там найдены не только черепа, но и кости 50-ти мумий, обмазанные глиной. Найдены там же и четыре черепа, отделённые от мумии. У них глазницы и рот заполнены глиной, которая частично осталась поверх черепа. Один череп имел белую гипсовую маску, от которой остались кусочки только поверх глазниц (рис. 70). На трёх других глиняных черепах сохранились ярко окрашенные красной краской маски поверх глаз и щёк (рис. 71—72).

Другой курган раскопан в 1984 году петербургским археологом П.Г. Павловым у д. Сабинка в Койбальской степи. Курган интересен тем, что могила в нём использовалась не менее двух раз, причём с большими перерывами. Это позволило проследить, каким образом изменялся способ изготовления мумий. Сначала в камеру уложили

188 мумий, таких, как в кургане Белый Яр VI. В берестяных обшивках, с травой в черепаках, но не обмазанных глиной. Спустя приблизительно сто лет яму вскрыли. Останки застелили досками, полностью перестроили крышу и уложили 195 новых мумий. На этот раз их черепа поверх травы были обмазаны глиной, как в кургане Тепсей XVI. И только у пяти мумий черепа моделированы глиной, поверх которой вылеплены гипсовые красные маски.

Гипсовые маски для всех или почти всех мумий, имеющих глиняные головы, впервые при раскопке обнаружил А.В. Адрианов в кургане Кызыл Куль. И лишь спустя 70 лет были также обнаружены в кургане под горой Барсучиха (рис. 53).

Теперь гипсовых масок больше, но они плохо сохраняются, поскольку очень тонкие. Да и глиняная обмазка под гипсом давит на черепа и постепенно их разрушает. Найти курган, где одновременно хорошо сохранились и черепа скелетов, и глиняные облицовки, и гипсовые маски — это редкая удача. После кургана Кызыл Куль такой курган пока только один. Он раскопан ленинградской экспедицией в 1983-м году около д. Калы, под Саяногорском. Руководитель раскопки Н.Ю. Кузьмин дал название кургану «Новые Мочаги». Погребальная камера, как указывалось, была необычной, ибо сложена на поверхности земли. Она дерновая, со срубом в центре, площадью около 50 кв. м. В ней похоронено 60 целых и 20 разрушенных мумий, а также 30 отдельных голов мумий.

К их исследованию мною были привлечены методы точных наук, медицинские и химические. Выводы ошеломляют своей неожиданностью. Как выяснилось, глиняные обмазки дают сведения о физическом состоянии останков человека, когда его превращали в искусственную мумию, и о том, как она выглядела без маски. Отпечатки на внутренней стороне гипсовых масок отражают как процесс, так и смысл их лепки. А их внешняя поверхность передаёт контраст внешности мумии без маски и с маской. Но всё по порядку.

20 черепов, моделированных глиной, включая шейные позвонки, были осмотрены патологоанатомом. Он подтвердил вывод антрополога XIX века К.И. Горощенко, изучавшего такие же черепа из кургана Кызыл Куль, о том, что глиной обделывали череп в случае, когда ткани головы уже истлели. Но уточнил, что в каналах в глубине черепа ещё сохранились остатки высохших тканей. Именно поэтому глина, когда ею обмазывали череп, внутрь него не проникала, в частности, через ушные отверстия. Шейные позвонки при этом были ещё заполнены костным мозгом, а некоторые нижние и верхние челюсти находились в соединении. Значит, скелет человека находился в сочленении с сохранившимися связками и костным мозгом.

Этот вывод касается всех скелетов, по которым делали мумии. В частности, описанных в курганах у с. Белый Яр и под горой Тепсей. Вот почему полные скелеты с глиняными головами лежат в коллек-

тивных могилах в полном анатомическом порядке, включая мелкие косточки стоп и кистей рук. Только в таком ещё не разрушенном состоянии скелеты (в медицине их называют скелетированными трупами) могли быть пригодны для изготовления по ним мумий в качестве кукол. Для этого трупы людей должны были быть где-то временно похоронены или спрятаны под камни, а те, кто, изготавливал эти мумии, знали, через какой период и где труп должен превратиться в скелет, который можно вытащить, как говорится, «за руки и за ноги».

Наблюдением патологоанатома установлена процедура реставрации головы по черепу. Сначала через рот заполняли глиной полость носа, глазницы и рот. После чего вырезали отверстие в черепе, куда вкладывали смесь трав и веточек, а дырку закрывали куском глины. Глиной вылепливали лицо (нос, скулы, рот, лоб), а затылок и позвонки просто обмазывали толстым слоем глины (рис. 73). Затем в глазницы вставляли бусинки (рис. 74—75) и обшивали всю глиняную голову кожей, которую окрашивали. Исключение составляли открытые глаза и рот. Их закрывали кусочком тряпочки и обмазывали гипсом перед тем, как лепить на кожаном лице гипсовую маску.

Откуда стали известны такие подробности?

Дело в том, что практически на всех черепах поверх глины сохранились гипсовые маски, толщиной всего в 4—7 мм. На их внутренней стороне (даже невооружённым глазом, но под микроскопом чётче), видны разные отпечатки. Прежде всего, отпечатки кожи, которой обшивали глиняное лицо, даже швов, которыми сшита из лоскутков эта обшивка (рис. 76). Затем чёткие отпечатки прямоугольных и овальных кусочков ткани, поверх глаз и рта, сверху замазанных порцией гипса (рис. 77).

Практически лишь эти отпечатки рассказывают о тех ритуалах, по которым древние совершали обряд с покойником от возрождения его в виде мумии и до признания его физической смерти. Помогает понять этот ритуал и тот факт, что все маски изображают лицо мёртвого человека с закрытыми глазами и сомкнутыми губами. На белых женских масках окрашены губы и нарисованы узоры из трилистников: на переносице, подбородке, щеках (рис. 78—80; в альбоме №№ 2, 3). Мужские маски снаружи сплошь выкрашивали в красный цвет (рис. 81—82).

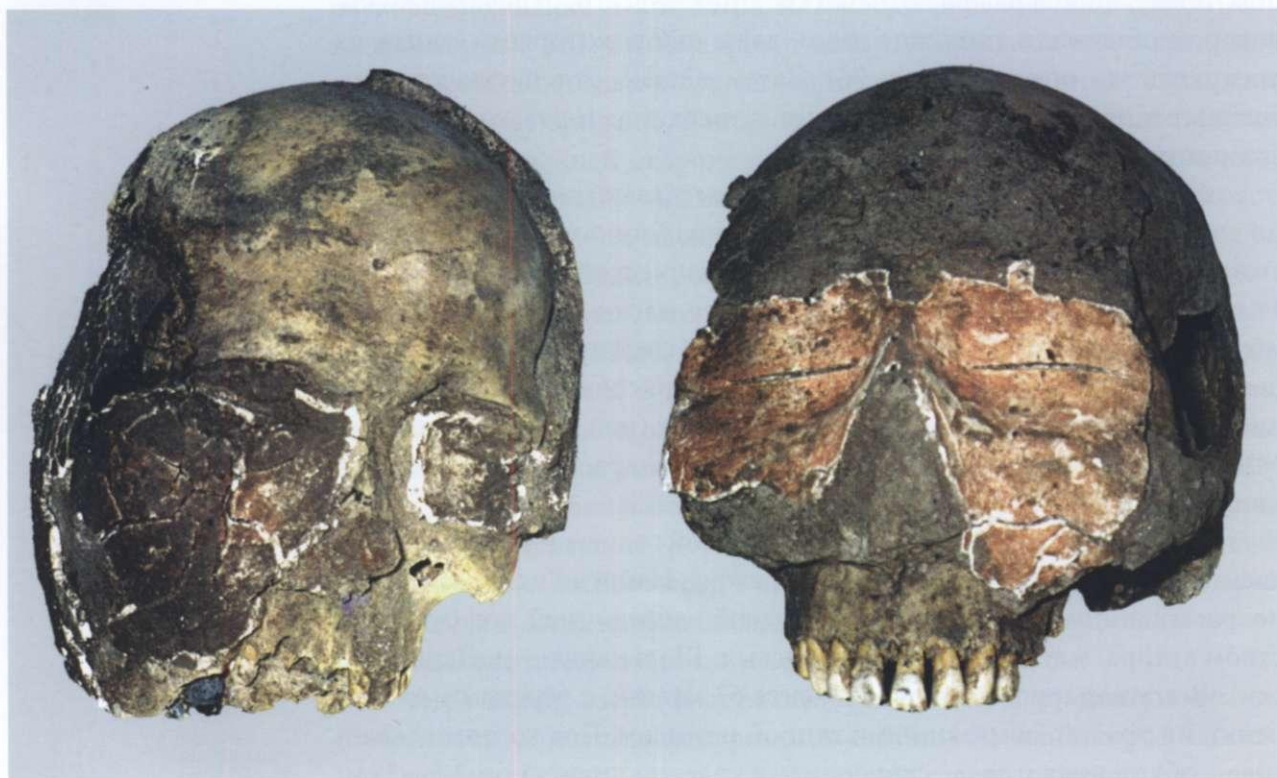
Подлинная кожаная обшивка глиняной головы мумии сохранилась однажды и вместе с остатками одежды. Найдено всё это в кургане, раскопанном в 1982-м ленинградской экспедицией под руководством автора, у д. Береш, вблизи трассы г. Шарыпово — д. Парная.

В эту камеру помещено не менее 63 мумий, с черепами, заполненными травой, обмазанными глиной и гипсом. Под костями скелетов — обугленная трава, скрученная в колечки диаметром 2,5—3 см,

Рис. 70.
Череп мумии,
обмазанный глиной.
Рот заполнен глиной.
Поверх глиняных глазниц
остатки гипсовой маски.
Фото и раскопки
кургана
Э.Н. Киргинекова,
г. Черногорск, 2001 год

Рис. 71, 72.
Красные гипсовые
маски на обмазанных
глиной черепах.
Курган в г. Черногорск.
Фото Э.Н. Киргинекова

и фрагменты выделанной кожи какого-то животного. У позвоночников и ног лежат прутики. Шеи обернуты берестой.

В данном случае археологам повезло! Как только камера загорелась, на одну из мумий упала доска с крыши, плотно прикрыв её и не давая воздуху проникнуть в эту камеру. Поэтому под доской всё сохранилось, хотя и в обугленном виде. Позвоночник мумии мужчины скреплён с черепом неочищенными от коры толстыми прутьями диаметром 1—1,5 см, проложенными с двух сторон позвоночника. В нескольких местах прутья просверлены, через эти отверстия (диаметром 1—2 мм), продеты более тонкие прутки или верёвочки, которые прикреплялись к рёбрам. Верхние концы прутков на длину 5—6 см вставлялись в нижнюю часть черепа, заполненную глиной. Под костями скелета и поверх них сохранились слой травы толщиной до 3 см и фрагменты кожаной обшивки. Травой же заполнена грудная клетка, а внутри черепа она смешана с мелкими угольками (рис. 83).

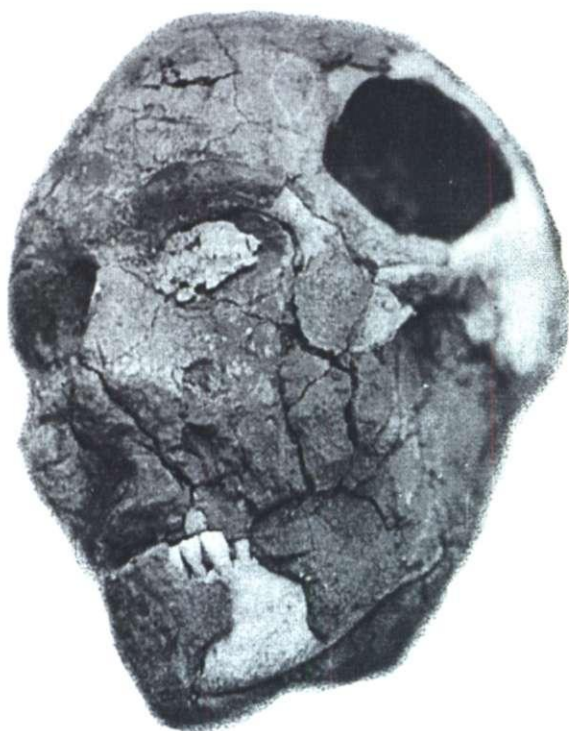
Рот и глазницы забиты глиной. Шея мумии обмазана глиной, обмотана травой и обвязана кожаными ремешками. На лицевой части черепа вылеплены глиняные лоб, виски, нос. Прилеплены также брови (рис. 84).

Вся мумия, включая голову, обшита грубой кожей. Для обшивки использованы кусочки кожи, сшитые швом через край. На кожаном лице, на месте глаз, сделаны аккуратные прорезы таким образом, что края кожи загнуты внутрь. Отдельно к лицу пришит кожаный нос.

При жизни, очевидно, волосы у мужчины были подстрижены до ушей, а на темени заплетены в тоненькую косичку, свёрнутую в колечко. На его мумии эта косичка была спрятана в кожаный мешочек, а подстриженные волосы изображали две пластины, прикреплённые с двух сторон к мешочку. Они вырезаны из ребра животного и обмазаны глиной, а поверх неё облицованы слюдой. На уровне ушей пластины привязаны к голове ремешками, продетыми сквозь просверленное отверстие (рис. 85).

На мумии первоначально были надеты: шерстяная рубаха, кожаная куртка, две шубы и меховой нагрудник. Рубаха и куртка с глубоким треугольным вырезом. Края куртки обработаны подогнутой полоской кожи. Вдоль выреза и поперёк плеча видны швы, стежками «через край» (рис. тот же, 85).

Поверх куртки надета шуба, скроенная мехом внутрь, затем меховой нагрудник, сшитый мехом наружу, и верхняя вторая шуба мехом внутрь. Верхняя шуба подпоясана. С одной стороны пояса подвешен деревянный футляр, в котором лежали железный нож и шило, а с другой — мешочек с бронзовым миниатюрным зеркалом. По стеклянным бусинам и серебряной серьге этот курган датируется III веком. Бронзовые миниатюрные вещи в могиле единичны, а преобладают железные.

а

Рис. 73.

Череп, моделированный глиной и обмазанный гипсом. Часть гипсовой обмазки сохранилась на глазницах. Вырезанное в области виска отверстие закрывалось куском глины (рис. а). Фото и раскопки Н.Ю. Кузьмина. Курган Новые Мочаги, 1983 год

Рис. 74.

Череп и шейные позвонки скелета, обмазанные глиной. В глиняные глазницы вставлены зеленоватые стеклянные бусинки. Курган Новые Мочаги. Фото и рисунок

Рис. 75.
Глиняная обмазка черепа
под снятой гипсовой облицовкой.
Курган Новые Мочаги

Рис. 76.
Отпечатки на внутренней стороне гипсовых
масок кожаной обшивки глиняных голов мумий.
Курган Новые Мочаги

Рис. 77.
Отпечатки на внутренней стороне гипсовых масок кусочков ткани
поверх глаз мумий. Курган Новые Мочаги

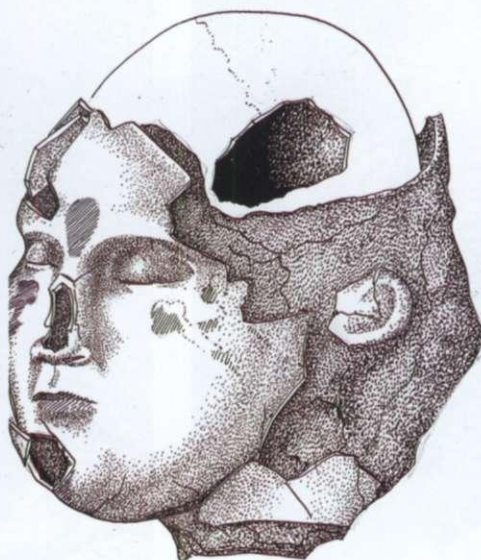

Рис. 78.
Череп женщины,
обмазанный глиной
и первоначально
обшитый кожей.
Поверх кожи нанесена
гипсовая белая маска
с красной росписью.
Курган Новые Мочаги.
Фото и рисунок

Рис. 79.
Женская белая маска
с красными узорами
в виде трилистников. Узор
прочерчен жёсткой кистью
и раскрашен киноварью.
Курган Новые Мочаги

Рис. 80.
Женская белая маска со
следами красных узоров.
Прорези глаз чёрные.
Курган Новые Мочаги

Рис. 81.
Лоб и глаза с частью
щёк мужской маски.
Сплошь окрашены
в кирпично-
красный цвет.
Курган Новые Мочаги

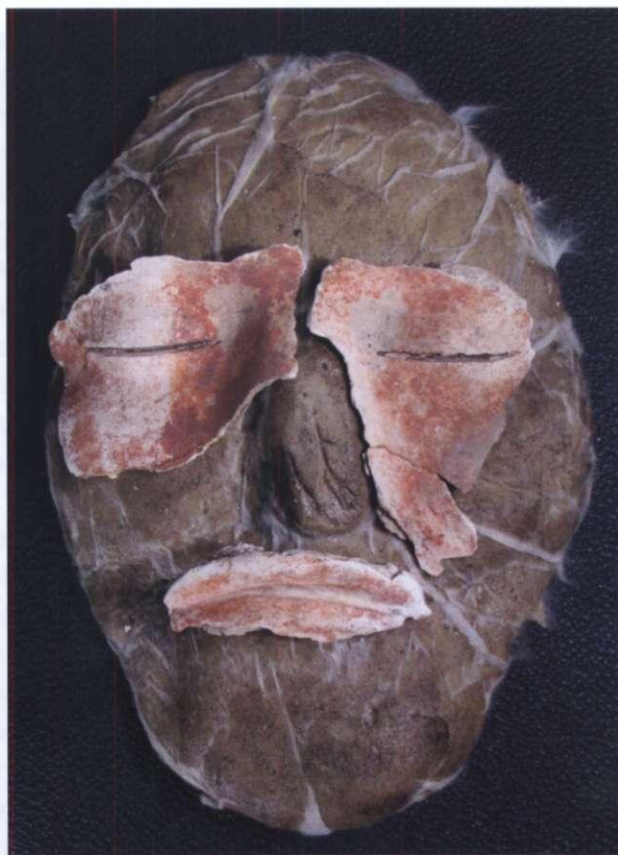

Рис. 82.
Глаза с щеками
и губы мужской маски.
Сплошь выкрашены
в малиновый цвет.
Курган Новые Мочаги

Рис. 83.
Кожано-травяная мумия-кукла. Курган у д. Береш.
Раскопки автора в 1982 году.
Реконструкция

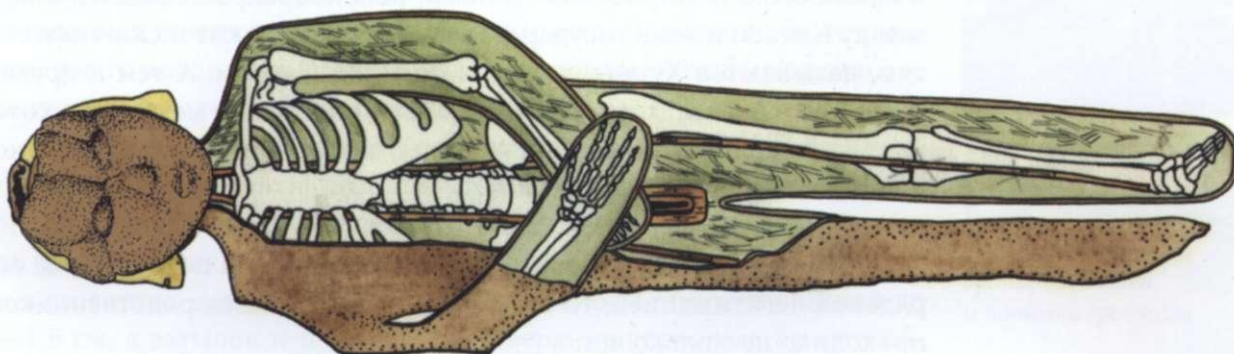

Рис. 84.

Глиняная голова мумии, вылепленная по черепу, заполненному травой. Курган у д. Береш.

На мумию упала, полностью закрыв ее, драпировка с потолка — полотняное покрывало, на которое густо наклеплены глиняные бляшки. Они прямоугольные, квадратные и круглые. На них либо нарезаны, либо оттиснуты разные узоры, обтянутые сверху для красоты ещё тонкими листочками слюды (рис. 86).

Таковыми же драпировками застилали, очевидно, и внутренние стены камеры. Мелкие и аккуратные бляшки украшали женский головной убор и одежду. Самые изящные вырезаны из коры и бересты, облицованы они тонким золотом. Теперь нет сомнения, что в каждой могиле, где находятся останки десятков и более людей, они первоначально были положены в виде мумий-кукол. Зачем же, в таком случае, наносили поверх глиняного, обшитого кожей лица, гипсовую маску? В своё время А.В. Адрианов предполагал, что маска сохраняет на какое-то время лицо и скрывает происходящие в нём после смерти изменения. Но он имел в виду мумифицированный труп, а не куклу, сделанную уже по скелету человека. Ответ на этот вопрос дают отпечатки на внутренней стороне масок, являющиеся для нас летописью. Они раскрывают процедуру превращения как бы живой куклы-мумии в мёртвую. А то обстоятельство, что в дальнейшем маски на мумиях до погребения реставрировали, означает их длительное ожидание своего окончательного захоронения.

Чтобы легче было понять сложные древние ритуалы, в качестве иллюстраций к сказанному предлагаю мысленно оказаться среди тех, кто проживал в степях Енисея восемнадцать веков назад. Вообразить себя тем, кто с детства соблюдал определённые правила, которые полагались, когда умирали его родственники и соплеменники, тем, кто являлся свидетелем похоронной церемонии, совершающейся в курганах типа Кызыл Куль, Новые Мочаги, Береш. Окунуться же в седую древность помогает реконструкции не только мумий с глиняными головами, но также могил, тризн, жертвоприношений, вещей и некоторых бытовых подробностей жизни. Всё то, о чем рассказывают раскопки курганов.

Средняя продолжительность жизни составляла менее 40 лет. Но многие (не считая детей) не доживали и до 30-ти лет. Умирали от болезней, по весне — от голода, особенно в случаях падежа скота. Да и время было немирное. За Саянами шла непрекращающаяся война между Китаем и теми государствами, которые, по китайским летописям, называются Хунны, которых сменили Сяньби. А тем и другим были необходимы, как уже указывалось, сибирские меха, ради которых проторялись тропы через Саяны, а вдоль Енисея сооружались посты иностранных гарнизонов.

Когда человек умирал, между его физической смертью и её обрядовой легитимацией, то есть признанием в глазах родственников, проходило несколько лет.

Первым этапом захоронения я называю «Малые похороны».

Мёртвого клали в неглубокую яму, каменный ящик или просто под камни или навес на период, пока тело не превратится в скелет, но ещё не разрушатся сухожилия, связки, спинной мозг. То есть, пока умерший не дойдёт до такой кондиции, чтобы скелет можно было целиком эксгумировать. В глазах родственников член их семейства (рода) просто временно отсутствовал, поэтому некоторый запас пищи и самые необходимые вещи клали с ним во временную могилу.

Сроки временного захоронения зависели от глубины ямы и почвы. Старики, а может быть, шаманы следили за тем, чтобы сроки не нарушались. Могло проходить до пяти лет, но не меньше года. Выкопав скелет, по нему восстанавливали тело и голову покойника. Это искусственное тело мы и называем мумией. Его, во-первых, можно было долго хранить для совместного окончательного захоронения. Во-вторых, помещая душу в мумию, «оживляли» его и тем самым продлевали на какое-то время его «жизнь».

Практиковалось несколько способов «оживления». Однако пока лучше всего понятен тот, который сопровождался реконструкцией глиняной головы по черепу. Обряд совершался в тайне, лишь несколькими посвящёнными в него людьми, и только в летний период. Предварительно собирали разные травы и веточки, а также шили из бересты или кожи куски для обшивки мумий. Использовали лоскутки, которые сшивали швом через край. Главным действующим лицом выступал шаман. Он знал, когда нужно выкапывать тело. Он зажигал пахучие травы и веточки эфедры для устранения исходящего от тела запаха. Он произносил заклинания и перемещал душу из останков человека в его подобие. Шаман, либо специальный хирург, скреплял позвоночник с черепом, ножом вырезал в нём отверстие диаметром от 7 до 10 см, заполнял мозговую полость смесью разных растений. А они всегда у него имелись под рукой: из злаковых трав, тростника, веточек (ивы, эфедры, берёзы, жимолости).

В каждом посёлке имелся свой специалист, со своей манерой вырезать отверстие либо в левой стороне черепа, захватывая часть виска, темени и лба, либо на правой стороне, либо на затылке. Иногда хирург не был опытен и прорезал оба виска. Он один знал кости черепа и, видимо, реконструировал его глиной. Но ему требовался помощник для изготовления глиняного теста. Чтобы оно было рыхлым, в него добавляли немного травы и шерсти, а чтобы хорошо всё «связывалось», добавляли известь, реже гипс.

Череп реконструировали следующим способом. Изнутри глиной заполняли носовую полость, чтобы в дальнейшем не повредить тонкие косточки носа, а также рот, чтобы скрепить челюсти. Снаружи глиной затыкали отверстие, вырезанное в черепе, и вдавливали в глазницы. Затем лицо моделировали слоем глины толщиной до 1—1,5 см, а затылок и шею, включая верхние позвонки, просто об-

Рис. 85.

Поверх глины голова обшита кожей с прорезями на месте глаз и пришитым носом. На голове убор из двух глиняных пластинок и мешочка с косичкой человека. На груди мумии-куклы остатки одежды.

Рис. 86.

Глиняные облицованные слюдой бляшки от драпировок стен и потолка гробницы

мазывали глиной. Превращать скелет в чучело мог любой помощник шамана. Под рёбра скелета набивали траву, ею обматывали отдельно руки, ноги и туловище. Обтягивали в нескольких местах прутьями или верёвками, затем всё травяное чучело обшивали кусками заготовленной кожи, включая голову. Кожаное лицо мумии раскрашивалось. Не обшитыми кожей оставались лишь открытые глиняные глаза и полуоткрытый рот с чуть видными зубами, чем предназначалось подчеркнуть, что изображён живой или оживший человек. С той же целью в середину глиняных глазниц иногда вставляли голубовато-зеленоватые бусины, имитирующие зрачок.

Готовую мумию тайно привозили в посёлок, обряжали в одежды и помещали на особое место в жилище, где её «кормили» и изготавливали для неё игрушечные предметы. Так продлевали жизнь тому, с чьей смертью не хотели смириться...

Но через какой-то срок всё равно наступало время её признания. Открытые глаза и рот мумии тогда закрывали прямоугольным или овальным кусочком ткани, обмётанным по краям ниткой. Их замазывали порцией гипса. Затем вылепливали гипсовое лицо, с закрытыми глазами и сомкнутыми губами, как у мёртвого человека. Лица мужчин сплошь окрашивали киноварью или охрой в красный и оранжевый цвета; лишь прорези глаз наносили чёрной угольной краской, возможно, так обозначались ресницы. Лица женщин оставляли белыми, с красными губами. Чёрной краской обозначали прорези глаз — ресницы и иногда полосу на шее — ожерелье.

Более загадочными оказались узоры, которые сначала острым предметом процарапывались, а затем раскрашивались красной краской. Густо расположенные узоры на щеках в виде длинных черенков с трилистниками или кружками могли имитировать китайскую ткань с изображением лотосов, которой закрывали кожаное лицо мумии ещё без маски. Их рисовали, возможно, ради красоты. Но отдельные фигуры (трилистник, треугольник, кружок), нарисованные между глаз и на подбородке, явно имели какое-то символическое значение.

...В отличие от временной смерти окончательное её признание не было тайным и сопровождалось какими-то обрядами. После чего мумии в масках помещали в святилища, где они дожидались времени коллективных похорон.

Некоторым за это время обновляли роспись масок, даже реставрировали. Для других ожидание погребения оказывалось столь долгим, что мумии разрушались, и хоронили уже их остатки, преимущественно головы. Случалось, что и головы истлевали. Тогда приходилось заново изготавливать образ покойника. Так, в кургане у села Шестаково, на речке Кия (притоке р. Чулым), раскопанном кемеровской экспедицией в 1968 году, одна из мумий-кукол имела глиняную голову, вылепленную по черепу барана, а не человека. Лицо

этой скульптуры со следами росписи передавало, как и гипсовые маски, мёртвого человека с закрытыми глазами и сомкнутыми губами (рис. 87).

Коллективные захоронения производили очень редко. Для каждого человека с момента его физической смерти и до её признания, через промежуточную стадию «оживления», проходило не менее пяти лет. Дальше, по мере накопления таких мумий, похороны могли происходить через десять — пятнадцать (40—60 мумий) и более (свыше ста мумий) лет.

Эти окончательные (вторичные) захоронения я условно называю «Большие похороны».

Большинство жителей того или иного посёлка оказывались участниками больших похорон всего два или три раза в жизни. А вот свидетелями ритуалов общения с мёртвыми они бывали постоянно. У кого-то в доме сидела «живая» мумия, для которой шили одежду и периодически меняли поставленный перед ней горшок с напитком. Группа мумий, но уже в масках, постоянно пополнялась в специальном «доме мёртвого». Такой дом, как правило, находился на окраине посёлка или за околлицей. Возможно, он был схож с наземной камерой, сложенной из дёрна, в центре кургана Новые Мочаги. Внутренние стенки той камеры длиной 12 м шириной 11 м были обложены берестой и плахами, укреплёнными частоколом. Камера, перекрытая 3-мя накатами брёвен и берестой, имела вход. Мумиям поклонялись, у них просили удачи в разных делах, приносили для них мешочки с припасами, амулетами. Чтобы мумия была узнаваема, обновляли роспись её гипсового лица.

Но на этом загадки не кончаются.

Учёные, например, гадают: почему в то время, когда в быту уже научились использовать железные кинжалы и ножи, для мумий их по-прежнему специально отливали из бронзы, хотя и крошечного размера? Да, железо было дорого. Но ещё дороже — стеклянные бусины, бисер, золотые и серебряные серьги, которые сложными путями доставляли на Енисей купцы, перекупая на рынках Туркестана или прямо с верблюжьих караванов. Такие караваны в те времена бесконечным потоком, хотя и медленно, передвигались из городов Ближнего Востока и самой Римской Империи до Китая. Тем не менее, мумиям дарили и эти драгоценные предметы. Очевидно, причина изготовления бронзовых миниатюр заключается в том, что они являлись символами вещей, как сами мумии считались символами умерших. В загробной жизни те и другие вновь становились реальностью. А там их ожидали предки, привыкшие к старому укладу жизни и вещам...

Порой возникала ситуация, когда мёртвых для коллективного захоронения было собрано достаточно, но осуществить похороны не

было возможности. Только на заготовку материала для сооружения кургана требовался труд десятков человек в течение года. Одна группа людей заготавливала древесину. Основными деревьями для строительства камер были сосна, лиственница и реже кедр. Нижние части их стволов длиной 5—7 м, диаметром 60—70 см шли на брёвна для сруба погребальной камеры. Средние части деревьев длиной 6—8 м и диаметром 40—50 см использовались для двух — четырех накатов над ямами, а верхушки длиной 1,5—3 м, диаметром 20—35 см — для устройства вертикальных столбиков, вкопанных вдоль стен ямы. Для могилы среднего размера площадью 30—36 кв. м вырубали не менее ста деревьев высотой более 20 м. Нужного размера брёвна заготавливали в лесу и вывозили, чаще издалека. В лесу же в конце мая — начале июня снимали кору с тысяч берёз. Кору держали под прессом, а потом вывозили кусками.

Другая группа строителей отправлялась на карьер или разрушенный утёс, чтобы для ограды выломать 18—30 толстых плит высотой в 2—3 м и собрать со скальных осыпей тонны небольших плит. Тем временем в домашних условиях вываривали спрессованные в 6—8 слоёв куски бересты, размерами от 30х30 см до 60х70 см. Их сшивали верёвками из конского волоса, чтобы получились крупные полотнища для покрытия пола и потолка сруба, бревёчатых накатов над ямой.

Конкретное время совершения больших похорон определяли после того, как материал для сооружения кургана доставляли на выбранное для него место. К этому сроку уже были отправлены гонцы в другие посёлки, откуда надо было свозить мумии родственников.

...К данному событию люди везде относились как к большому празднику мёртвых. Ведь все переживания и слезы остались позади, в момент признания человека умершим, когда ему сделали гипсовое мёртвое лицо. Впереди — отправка ушедших в загробное селение, где их давно ждут близкие, ждут для новой жизни после смерти. Теперь главное — соблюсти все ритуалы, чтобы мёртвые могли соединиться... На следующее лето съезжались представители всего рода. Они привозили на телегах мумии для захоронения, драпировки для погребальной камеры, юрты и утварь для собственного временного проживания. Для устройства многочисленных тризн пригоняли козлов, баранов и козлов.

Курганы строились по определённому стандарту, поэтому этапы строительства прослеживаются отчетливо. За основу беру наиболее общие детали — как для степных, так и для лесостепных районов.

...Вот уже наметили размеры могилы и выкопали яму размером 30—36 кв. м, глубиной 2—3 м. Землю из ямы выбросили на три стороны, на расстоянии 1—1,5 м от борта ямы. Земляные кучи не вынесли, а лишь утрамбовали до высоты 1 м. Берестой застлали стен-

Рис. 87.
Глиняная голова
человека, вылепленная
по черепу барана.
Курган у с. Шестаково.
Раскопки
А.И. Мартынова
в 1968 году.
Фото Г.В. Кубарева

ки и дно ямы. Вот уже поверх бересты на дно положили доски, либо горбыли. Вдоль стенок сплошь вкапывали бревёшки диаметром от 20—25 до 30—40 см, они доходят до верхнего края ямы, или чуть ниже. Вплотную к ним поставили сруб в пять — шесть венцов. С двух или трёх сторон стен сруба сделали полати: лежаки шириной до 1,5 м. Для них между венцами сруба подсунули поперечные жерди, на которые положили узкие продольные доски. Как правило, полати вставляли между вторым и третьим от пола венцами сруба. Когда одноярусных полатей не хватило для мумий, их сделали в два яруса. (Иногда в подобных случаях клали и в три яруса)... Вот полати покрыли берестяным полотнищем. Стены задрапировали войлоком или грубой материей, украшенной глиняными бляхами (иногда — расшитой деревянными и золотыми тонкими фигурками). Последнее прощание с мумиями сопровождалось, как обычно, жертвоприношениями, в том числе человеческими. Затем в камеру сначала внесли в упаковках частично сохранившиеся мумии, а потом целые. Пол закрыли горючим материалом: хворостом, опилками, стружками. Всё, что осталось от похоронного пиршества, в сосудах и на блюдах поместили в углу камеры (иногда кладут эти предметы на потолок сруба, сколоченный из

Рис. 88.

Погребальная камера кургана у д. Береш. Вид на сруб и его потолок. Реконструкция

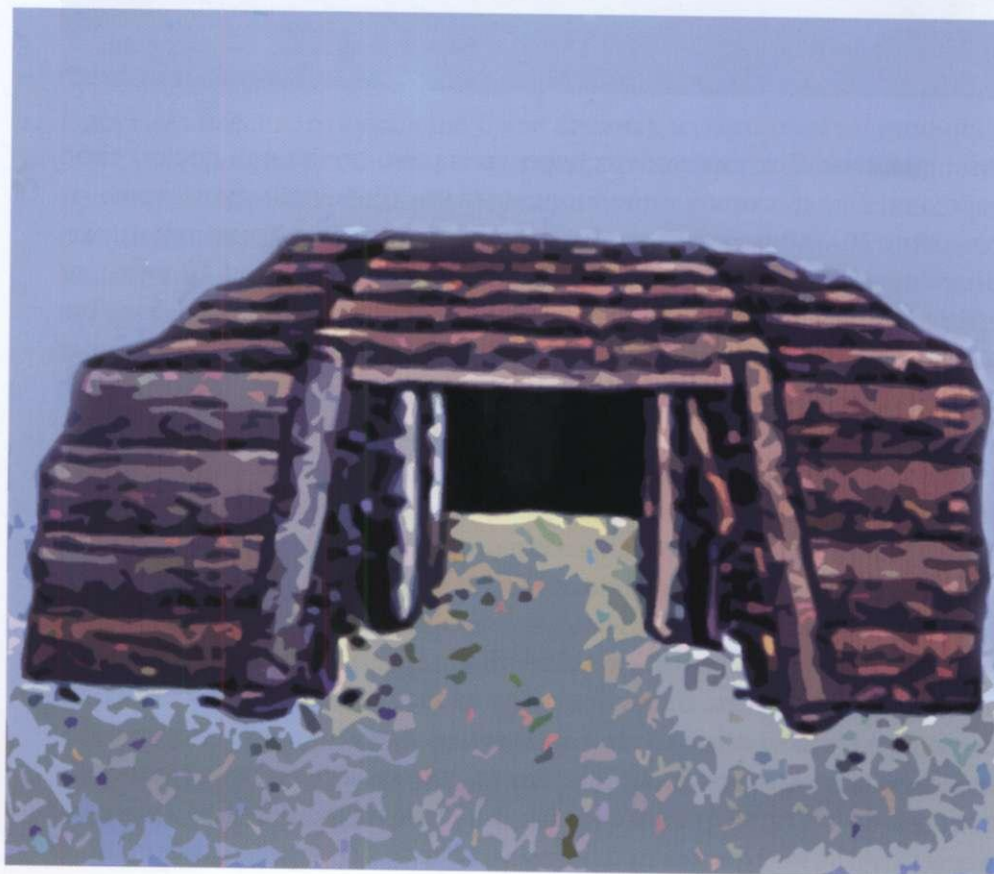

Рис. 89.

Наземный вход
к потолку сруба.
Курган у д. Береш.
Реконструкция

поперечных плах толщиной до 10 см). Для того, чтобы закрыть яму, на её борта кладут (как правило) пять — шесть брёвен и поверх них, на высоту в 2 м, ещё три — пять накатов брёвен.

Точно таким же образом поступили, под присмотром шамана, и в данном случае. Каждый верхний накат на одно бревно короче нижнего, поэтому сооружение постепенно приобрело форму усечённой пирамиды. Её закрыли берестяным полотнищем площадью не менее 120 кв. м (рис. 88). Могилу окружили оградой (от 19х18 до 28х26 м). Сначала по диагонали от каждого угла ямы вкопали стелу высотой примерно 2 или 3 метра. Между ними, через одинаковые промежутки, поставили несколько дополнительных стел меньшего размера, а на свободных участках по-разному стали складывать стенки, все по-разному! При строительстве ограды совершили человеческие жертвоприношения в неглубокой ямке. Под стелами или под кладкой ограды, в неглубоких ямках или прямо на поверхности земли, клали остатки расчленённых или скорченных трупов, а также одни их головы. И, по обыкновению, посредине западной стороны ограды оставили вход шириной 1,5—2 м. Для него вкопали, параллельно и широкими сторонами, две большие плиты...

В заключение похорон сожгли мумии-куклы, чтобы находящимся в них душам мёртвых облегчить или ускорить переход в загробный мир. На дно сруба, где было уже сложено топливо, бросили сверху, через специальное отверстие в бревенчатом накате, горящий факел. В других случаях использовали отверстие наземного входа, ведущего на потолок сруба (рис. 89). меховые одежды мумий, трава и кожаная их обшивка, должно быть, быстро сгорели. Но бревна камеры и людские кости обычно лишь обжигались или обугливались. Огонь доходил только до края нижнего бревна покрытия, поэтому монументальная надмогильная конструкция из бревенчатых накатов, крытых берестой, осталась не потревоженной. Её обложили плитами и брикетами дёрна (иногда — только дёрном толщиной не менее 1 м). С учётом деревянных накатов поверх ямы весь курган приобрёл высоту до 3 м. На этом похоронная процедура считалась завершённой. Чтобы никто в ограду не входил, вход закрыли одной большой плитой (иногда замуровывали мелкими плитами). Охрану мёртвым все-таки оставили — из числа принесённых в жертву людей, уложенных рядом с оградой.

...Присутствующие при сооружении этого кургана будут рассказывать о нём молодым. Постепенно реальность столкнётся с мифами о тех, кто в нём похоронен. И мифы победят, ибо слишком сложно в них объяснить, как зародился обычай изготовления первых гипсовых погребальных масок.

Глава шестая

Новая гробница в горах Оглахты

- Интриги не только «гипсовые», но и «травяные»...
- Как открывались тайны дворцовых развдлин и тайны древних обрядов?..
- Какие из древних масок сохранились до наших дней

Рис. 96.

Оглахтинский могильник со следами раскопок (на переднем плане) А.В. Адрианова в 1903 году. На заднем плане виден Енисей с уходящими под воду лесистыми островами. Уже торчат из воды только верхушки деревьев. Вскоре и над ними сомкнутся воды Красноярского водохранилища...

Как ни интересны бытовая утварь (подушки, одежда, деревянная посуда и прочее) и сохранившиеся кожано-травяные куклы в ещё одной могиле в горах Оглахты, а самым примечательным является перенос узоров с китайских тканей на некоторые татуировки покойников и роспись женской маски. По-прежнему остаётся загадкой: какие люди, откуда принесли сюда, в степи Енисея, обычай кремировать мужчин, пепел от которых клали внутрь погребальных кукол, сшитых местными женщинами? Между тем установлено (по маскам), что для трупов и кукол соблюдались одинаковые похоронные правила...

глахты — хакасские горы, ставшие знаменитыми после раскопок А.В. Адриановым древних могил. Они заинтриговали учёных не только тем, что там на скелетах нашлись гипсовые маски. Сенсацию вызвали травяные человекоподобные чучелакуклы, хорошая сохранность деревянных изделий и берестяные миниатюрные туески, обшитые китайской тканью. Позже маски неоднократно встречались в таких же могилах в других местах, но вместо кукол в них находили лишь кучки сожжённых косточек от трупов. Поэтому интерес исследователей, с 30-х годов XX века и по сегодняшний день, переместился на историческую проблему. А именно: почему указанные могилы так сильно отличаются от местных могил с коллективными захоронениями? В самом деле! Почему вместо одного кургана здесь устраивали большое кладбище на склонах сопок?

... Откуда-то взялся обычай вместо огромной могилы выкапывать до ста небольших ямок, на дне которых ставили срубы, закрытые одним накатом бревён (рис. 90) и рассчитанные по размеру всего на одного-двух, либо на трёх-четырёх человек. В них хоронили как трупы, так и пепел внутри чучел-кукол. При этом трупы были в масках (рис. 91), а их головы после смерти трепанировали (рис. 92).

Почему, зачем всё это?

Нет сомнения, что родственники покойных и коренные жители находились в тесных контактах, ибо использовали одинаковые способы при изготовлении заменителей мёртвого и гипсовых масок. Ибо, как для мумий, изготавливавшихся по скелету человека, так и для чучел, которые шились для пепла покойника, использовалась трава, а для обшивки — кожа. Более того, то и другое выполняли, вероятно, женщины, принадлежавшие к одной этнической группе населения. Об этом говорит тот факт, что форму сшивали из мелких кусочков кожи характерным для коренных народов Сибири (самодийских и угро-финских) швом: иглой через край.

Что же касается масок мумий и трупов, то они практически не отличаются ни по качеству, ни по способу лепки. У них одинаков состав гипсового теста, в которое подмешивали немного шерсти либо измельчённую траву. Они одинаково тонкие, толщиной в 2-3 мм по краям и до 6-8 мм на щеках, губах, носу. При изготовлении тех и других наносили слои гипса в три-четыре приёма. Сначала — нижний, основной и самый толстый слой, который, чуть

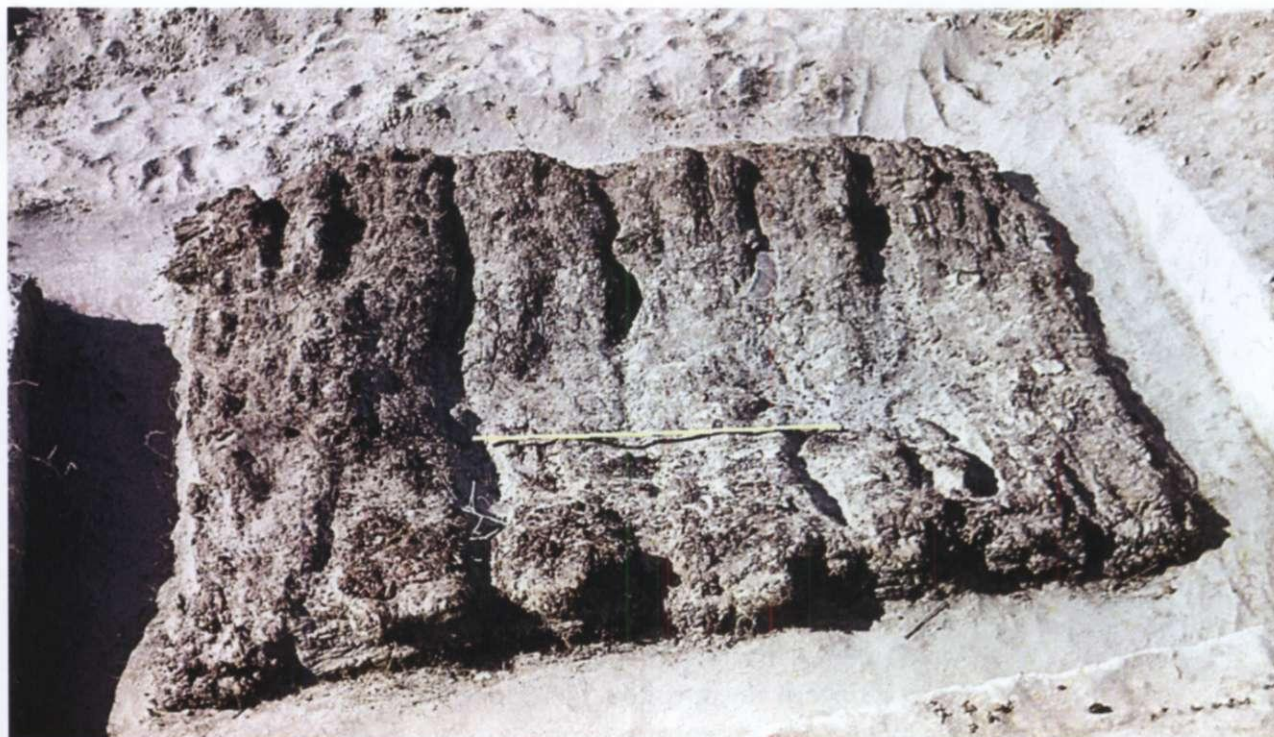

Рис. 90.

Могила-небольшая сруба, покрытые одним настилом брёвен.
Могили у д. Комарковой. Раскопки автора в 1975 году

Рис. 91.

Сруб с двумя женщинами (одна в маске) и куклой, от которой
осталась кучка сожженных косточек. Одна женщина в маске.
Могили у д. Комарковой. Раскопки автора в 1975 году

подсушив, выравнивали новым тонким слоем и заглаживали. Затем покрывали отделочным слоем из чистого гипса толщиной менее 1 мм, который раскрашивали.

Для мужчин маски сплошь окрашивали охрой или киноварью, для женщин разрисовывали красными узорами. Затем, что не менее важно, перед началом лепки маски на глаза и рот как искусственной мумии, так и труп, клали кусочки ткани. В них вдавливали гипс и закрывали всё лицо лоскутом ткани или кожи.

Да и физический облик людей, похороненных на этих кладбищах, был схож с местными жителями. Однако касается это лишь тех умерших, кого не кремировали.

Как выглядели умершие, которых сжигали и хоронили в образе травяной куклы, мы не знаем. Загадку происхождения этих людей скрыли под собой развалины древнего дворца, расположенного почти на окраине Абакана, что в междуречье р. Абакан и его притока реки Ташеба. Поэтому дворец называют абаканским или ташебинским, а чаще всего по предполагаемой архитектуре «китайским». Дворец располагался в середине городища I—II веков, окружённого рвом и глиняной стеной с башнями у въездных ворот. С внутренней стороны этой стены находились жилища для персонала, обслуживающего дворец, и гарнизона. Этот уникальный памятник, к сожалению, обнаружен был случайно. Его полному исследованию помешала Великая Отечественная война.

Дворец, площадью 46х35 м имел глиняные стены толщиной до 2,2 м и высотой в центральной части до 2 м, а по бокам более низкие. Это факт позволил предположить, что дворец имел двухъярусную четырехскатную крышу. Крыша была покрыта четырёхугольной немного изогнутой керамической черепицей. Щели между черепицей заполняли полуовальными дисками, а на концы стропил пристраивали круглые диски с нанесёнными на них одинаковыми китайскими иероглифами. На всех оттиснута надпись:

«Сыну неба тысячу осеней и десять тысяч лет вечной радости без горя».

Как утверждают специалисты по истории китайского языка, начертание одного из иероглифов («чан») китайцы использовали только в короткий промежуток времени с 9 по 23 годы. Значит, здание построено в тот период, или чуть позже. Центральную часть занимал зал площадью в 132 кв. м, который окружали 19 комнат и одна прихожая. Двери зала открывались бронзовыми кольцами — ручками, продетыми в носу бронзовых изображений рогатых горбоносых духов: духи изображались в короне, с усами и торчащими зубами (рис. 93). Они были отлиты местными мастерами, но по образцу китайских ручек, крепившихся к воротам, входным дверям зданий

и гробниц. Для отопления дворца зимой сложена печь, а под глиняным полом вырыты канавки, по которым поступал из печи горячий воздух. Летом дворец отапливали жаровни. Вид крыши, отопительная система, бронзовые дверные ручки, надпись на дисках стропил и сама черепица дали основание считать, что дворец был построен китайскими мастерами. Во всяком случае, при их участии. Что касается черепицы, то она не только датирует здание, но и явилась поводом к его находке спустя 20 веков.

Дворец простоял чуть больше века. Сначала рухнула черепица, затем глиняные стены, которые её собой закрыли. К III веку всё превратилось в земляной холм, который последующие жители этих мест пытались использовать под кладбище. Но обломки черепицы залегали от поверхности на глубине меньше метра, что мешало рыть могилы. Очевидно, поэтому холм вскоре стал местом ритуальных жертвоприношений.

По особым праздникам здесь резали скот и на столбах развешивали шкуры. Со временем от некогда величественного дворца осталась лишь расплывшаяся земляная насыпь диаметром 90 м и высотой всего в 60 см. Легко себе представить удивление современных местных дорожных строителей, прокладывавших в 1940-м году шоссе из Абакана до села Аскиз, когда они не смогли срезать её бульдозером. Насыпь оказалась насыщена черепицей! Пришлось обратиться за советом во все местные музеи — Абаканский, Минусинский и Красноярский. Профессиональный археолог тогда работал только в Минусинском музее, где её и разыскали. Эта была В.П. Левашёва, широко известная к этому времени своими раскопками могил раз-

Рис. 92.
Череп с отверстиями
(посмертной
трепанацией)
на затылке.
Могильник у д. Аёшка.
Раскопки автора.
1968 год.

Рис. 93.

Бронзовые дверные ручки дворца I века у г. Абакан. Раскопки В.П. Левашёвой и Л.А. Евтюховой в 1941, 1945 годах

ных эпох. За десять дней она определила площадь, необходимую для исследования холма, частично сняла с него почвенный слой и заложили шурфы, в которых раскопала две могилы.

Не было сомнения в том, что холм скрывает уникальное для истории края сооружение. Для дальнейших работ на этом раскопе В.П. Левашёва привлекла свою подругу, московского археолога Л.А. Евтюхову, с которой продолжила раскопки в 1941 году, но лишь в течение одного предвоенного месяца. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. нарушила все планы. Поэтому продолжить здесь основные археологические работы стало возможным только в 1945—1946 годах, уже под руководством Л.А. Евтюховой. Лидия Алексеевна Евтюхова была не только профессиональным археологом. Она хорошо рисовала и чертила. Ею выполнены все графические работы для отчётов о раскопках не только её собственных, но и С.В. Киселёва (её мужа), а также В.П. Левашёвой. Неудивительно, что именно она продолжила раскопки развалин дворца, что по её наблюдениям и чертежам сделана первая реконструкция здания (рис. 94).

...Во дворце не наблюдалось бытовых отходов, лишь немногочисленные изделия местного, китайского и хуннского происхождения. Видимо, здесь находилась служебная резиденция правителя, куда приезжали купцы, а также чиновники, собиравшие дань. Это не мог быть местный правитель. Жители степей жили в полуземлянках и юртах, их посёлки окружал частокол и, в лучшем случае, ещё и ров. Поэтому сразу после раскопок дворца встал вопрос: была ли это когда-то резиденция наместника хуннов или китайцев?

Политические события тех лет благоприятствовали завоеванию долин Енисея как теми, так и другими. К I веку, как указывалось,

армия хуннов близко подошла к Саянам, ибо хунны расселились на территориях не только Монголии и Забайкалья, но и Тувы. Однако и Китай постепенно расширял свои военно-земледельческие поселения на северо-западе Туркестана, продвигаясь всё ближе к Саянам.

Так, с переменным успехом, хунны и китайцы воевали между собой за торговые тропы, ведущие в Сибирь от основных дорог Шёлкового пути. Китайская принадлежность дворца была определена, прежде всего, по его предполагаемой архитектуре. Она наиболее вероятна, хотя и не бесспорна. Глинобитные постройки с подземной отопительной системой известны не только на территориях китайских колоний, а также у хуннов и в Средней Азии.

Хунны, заимствовавшие многие культурные достижения у китайцев, могли научиться изготавливать черепицу. Тем более, что в составе их армии имелись и китайцы.

Возникли сомнения в том, что стены дворца первоначально имели разную высоту. Может быть, верхние части боковых стен были срезаны во время раскопок неопытными рабочими? С учетом такого предположения была сделана вторая реконструкция здания, без обращённых вверх краёв крыши, как у китайцев (рис. 95). Но и она не объясняет наличие надписи на черепице дворца с благими пожеланиями императору. Если только хунны не были настолько безгра-

Рис. 94.
Первая реконструкция
дворца близ г. Абакан.
Автор архитектор
Г.Б. Шукин

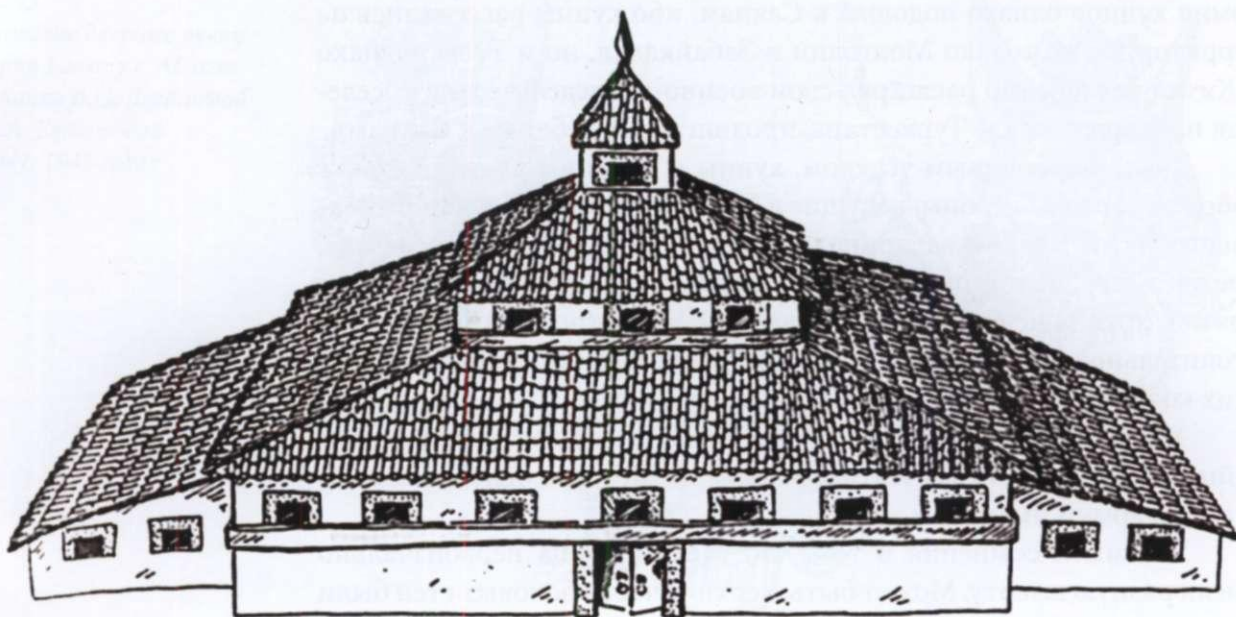

Рис. 95.
Вторая
реконструкция дворца.
Автор Н.В. Леонтьев
(с поправкой
Л.Р. Кызласова)

мотны, что использовали её лишь как декоративный элемент. Таким образом, дискуссия о принадлежности дворца будет оставаться открытой, пока в Хакасии не будут найдены либо хуннские, либо китайские поселения или могилы.

Но не столь важно, китайцам или хуннам платили дань местные племена. Главное, что обитатели городища были не местными. Об этом свидетельствует содержание нескольких погребов, раскопанных в 1987 году экспедицией МГУ под руководством Л.Р. Кызласова. В них хранились запасы свинины, тогда как местные жители свиней не разводили. Зато их сосуды из погребов схожи с теми, которые находятся в срубах с погребальными куклами. Либо по форме (в виде небольших банок без орнамента), либо по орнаменту (из пояска насечек под венчиком). Значит, существовала какая-то конкретная связь между иностранными обитателями городища и теми, кого хоронили в образе куклы.

К сожалению, обряд не помогает выяснить, кто похоронен, ибо в I в. ни хунны, ни китайцы своих мёртвых не кремировали, к тому же армии тех и других состояли из воинов разного происхождения. Но, в отличие от всех других, китайцы как сейчас, так и веками ранее, стремились каждого человека хоронить на его родине. Пересекая огромные расстояния, родственники отправлялись на поиски тел или костей сынов, братьев, отцов, часто умиравших в сражениях на чужбине.

Теперь представим себе, что гарнизон абаканского городища состоял из хуннов, китайцев, выходцев из Средней и Центральной Азии, а обслуживали их местные жители. Китайцы оказались перед невозможностью с октября по май вывозить мёртвого через Саяны,

высокогорные тропы которых засыпаны снегом. Приходилось дожидаться лета, чтобы переправить на родину кости или пепел людей, умерших в зимнее время. Так в I веке мог возникнуть на Енисее в среде иностранных воинов обряд кремации, получивший продолжение у потомков по мужской линии. Но их пепел уже не вывозили, а помещали в погребальную куклу.

Постепенно около гарнизонов образовывались кладбища, состоящие из могил не вернувшихся по какой-то причине на родину иностранцев, а также уже их детей и вступивших с ними в брачные или иные отношения местных жителей.

Могины, первоначально переполненные вещами, поражают пустотой, потому что вещи были преимущественно из дерева, бересты, меха и кожи. Надежда найти всё это в сохранности оправдалась лишь однажды. Причём на том же склоне горы Оглахты, рядом с могилами, открытыми в 1903 году (рис. 96).

Новая гробница раскопана в 1969-м экспедицией московского университета под руководством Л.Р. Кызласова. На дне ямы стоял прямоугольный сруб площадью около 4 кв. м с крышкой, сверху которой лежал толстый слой берёзовой коры. В срубе лежали припорошенные землёй высохшие мужская и женская мумии, две погребальные куклы (длиной около 1,5 м) и в их ногах скелет ребёнка. На мумиях и куклах сохранились зимние одежды, под головами подушки, деревянные и кожаные. Весь угол сруба, от ног погребённых до крыши, заставлен деревянными блюдами, мисками с разливными ложками и глиняными сосудами.

В срубе похоронены самые обычные, что называется, рядовые, люди. Именно по тому, как готовили их к погребению, как одевали и причесывали, можно судить об обычаях, присущих всей группе этого населения.

Лучше всего сохранилась высохшая мумия мужчины. При жизни некоторые части его тела татуированы отдельными фигурами, для которых кожу надрезали и заполняли сажей. Сочетаются простые и сложные фигуры. К примеру, выше локтей изображено по две запятых, ниже локтя на левой руке — лук с тетивой, а на груди выше каждого соска четырьмя пятнышками нарисован цветок с четырьмя лепестками.

Самые крупные и загадочные фигуры помещены на плечах и лопатках. Это паукообразные существа, имевшие несколько щупальцев, видимо, скопированных с китайских тканей. Рисунок в основании шеи сохранился частично. Это пять пар параллельных полос, охватывающих шею с двух сторон и закруглённо сходящих к центру. Мужчина носил слабо заплетённую косу на темени. С остальной поверхности головы волосы сбриты. После смерти на левом виске ему выбили круглое отверстие, через которое извлекли мозг. Тело пропитали веществами, замедляющими разложение,

то есть забальзамировали. Лицо, видимо, покрывали каким-то составом или воском, чтобы на некоторое время сохранить его черты. Затем обрядили в шерстяную рубаху и овчинные штаны, длинные, заходящие ниже колен, напускные. Они завязывались ремешками у пояса и в двух местах у ног — под пах и у колена. Поясные ремешки пропущены в петли и соединены кожаной красной пряжкой. Поверх нательного белья надели шубу, сшитую из овчины мехом внутрь. Она длиной чуть ниже колен, имеет небольшой стоячий воротник, борта, отороченные мехом лайки, и зауженные рукава с манжетами. Полы шубы не запахнуты, а, как у коренных народов Сибири, завязаны ремешками встык. Сверху шубы мёртвому надели меховой нагрудник. Он был с двух сторон собран из кусочков беличьего меха (рис. 97).

Ноги обули в высокие, до колен, меховые сапоги, которые закреплялись ремешками в двух местах — у щиколотки и поверх голени. На руки надели длинные меховые рукавицы, отороченные рыжеватым, пушистым мехом. Прикрыв лицо куском ткани, труп где-то временно положили так, чтобы голова и плечи были приподняты. Для этого под голову и плечи подложили плитку и деревянную подушку. В таком виде труп некоторое время считали ещё живым. Вскоре ему надели вторую шубу, аналогичную первой, но сшитую мехом наружу. Лицевое покрывало сняли, глаза и рот закрыли кусочками ткани и положили новую шёлковую зеленоватую ткань. Поверх неё на лице вылепили тонкую гипсовую маску. Она охватила уши, лоб с макушкой, но имела специальный вырез для косы. Прорезы на месте глаз и рта сделали по сырому гипсу. Когда гипс подсох, маску окрасили в ярко-красный цвет киноварью и поверх нарисовали две чёрные полосы. Верхняя полоса у правого виска широкая, у левого же виска переходит в узкую линию, почти смыкаясь с нижней полосой, идущей от левого уха и до нижнего века левого глаза. По середине она раздваивается, её верхний отрезок продолжает прорезь глаза, а нижний изрезан как бахрома. Ещё одна широкая полоса расположена ниже правого глаза, от уха и до середины носа (рис. 98, а-в; в альбоме № 5). Уже после того, как вылепили маску, надели шапку, сшитую из шкурки соболя, мехом внутрь. Шапка с длинными ушами и мысками, спускающимися на лоб и затылок. Под подбородком она завязывалась ремешками. Спереди к шапке пришили кусок шкурки, которая полностью закрыла маску. В таком виде мумию оставили ожидать захоронения...

Останки женщины сохранились хуже, поэтому выяснить, были ли у неё татуировки, не удалось. На затылке большое неровное отверстие. Это либо след умерщвления, либо через него извлекли мозг после смерти. Отверстие было прикрыто искусственной свёрнутой женской косой, заплетённой из четырёх прядей. Коса прикреплена к её собственным каштановым, с проседью, волосам. На женщину надели меховые штаны, шерстяную юбку, овчинную шубу со стоя-

чим воротником, шапку. Лицо покрыли куском материи и поместили где-то для хранения. Позже покрывало сняли, глаза и рот закрыли кусочками шёлка, а лицо новым покрывалом, поверх которого вылепили маску. Нанесли на неё косметику: окрасили чёрным прорези глаз, имитируя ресницы, а красным — щёки, губы, ноздри и уши. Затем лоб, виски и нос окрасили киноварью, по которой выскоблили узоры до белого отделочного слоя. На первый взгляд, нарисованные фигуры чёткие: посредине лба очень крупная спираль в три витка, с двух сторон её — спирали поменьше и другой формы (рис. 99, а; в альбоме № 6).

Но, присмотревшись, можно увидеть весьма сложную композицию. Спираль на лбу очерчена по кругу дополнительной линией; один конец спускается к носу, а другой заведён на затылок, испещрённый полуovalами (рис. 99 в.). На правом виске три спирали на длинных ножках (рис. 99 б), на левом — крупная спираль в виде восьмёрки (рис. 99 г).

В целом узоры схожи с теми, которые вытканы на древней китайской ткани, где спирали и завитки-листья являются символами долголетия. Похожие рисунки есть на полихромной ткани из кладбища III—IV вв. китайского гарнизона в районе оз. Лобнора в Восточном Туркестане. Это не случайно, ибо в могилах на горе Оглахты собраны кусочки от 12-ти таких толстых полихромных тканей, как и в этом кладбище. Ими обшиты берестяные головные уборы, колчан и голова погребальной куклы, а также сшиты мешочки для кос. Самыми красивыми полихромными и дорогими тканями, видимо, прикрывали лица покойных, пока те выставлялись для прощания. Но затем их снимали и заменяли шёлковыми, однотонными и тонкими, поверх которых лепили маску. И уже на ней копировали узоры с предыдущего лицевого покрывала — либо для того, чтобы легче было узнать покойницу, либо просто для красоты.

Как указывалось выше, фантастические членистоногие существа, изображённые на теле мужчины, тоже скопированы с шерстяной китайской ткани. Она сохранилась в могильнике III-го века в районе Хотана (Восточный Туркестан).

Трупы ещё двух мужчин были сожжены. От них осталось 1—2 кг косточек длиной в 4—5 см, а самых крупных — до 8—10 см. Их собрали в мешок и через какое-то время, но обязательно летом, для них сшили кожаное человекоподобное чучело, которое набили сухой травой и листьями степных ковылей. В грудь чучела вложили мешочек с косточками — пеплом. Теперь надо было придать куклам вид «живого» человека. Для этого на голову одной куклы надели скальп с волосами, снятый с трупа до кремации, а лицо обшили тканью, на которой вырезали глаза и рот. На туловище надели меховые куртку, штаны, носки и сапоги. К голове другой куклы пришили шёлковый мешочек со свёрнутой тоненькой косичкой покойника. На обшитом тканью лице

Рис. 97.
Нагрудник из кусочков
белчьего меха.
Раскопки Л.Р. Кызласова,
1969 год

Рис. 98 а.
Левая сторона маски
мужчины поверх
китайской ткани.
Красная. Прорези
сомкнутых глаз
и полосы чёрные.
Оглахтинский
могильник.
Раскопки Л.Р. Кызласова
в 1969 году

Рис. 98 б.
Передняя сторона
той же мужской маски
с вырезом для косы

Рис. 98 в.
Затылок той же
мужской маски с вырезом
для косы

красной краской нарисовали брови, глаза, нос и рот. Куклу-чучело одели в собольи полушубок, меховые штаны, носки, сапожки, рукавицы. В таком виде куклы, словно живые покойники, рассаживались в доме мёртвого или в специальном помещении. Перед погребением или чуть раньше их головы обшивали тканью, чтобы закрыть детали лица. Этим способом кукла признавалась «мёртвой». В одном случае обшивка копировала мужскую маску. Она была из красной ткани, на которой чёрной краской нарисовали полосы вдоль лба и под глазами. Захоронение кукол и мумий было намечено на лето. Но уже весной выбрали свободное место для могилы на склоне, где расположено кладбище. Выкопали яму длиной в 3 м, шириной в 2,4 м, глубиной 1,4 м. Длинные стенки ямы ориентировали по солнцу, с запада на восток. Затем наметили необходимые размеры сруба и отправились за материалом для его строительства в берёзовую рощу и тайгу.

С десятка берёз содрали кору. Часть её держали под прессом или варили, затем сшили полотнища из 4—5 слоёв. В тайге вырубили, высушили и отесали 14 брёвен лиственницы и 5 сосновых. Сложили сруб из лиственничных брёвен и крышу из лиственницы и сосны. Пометили каждое бревно и в разобранном виде перевезли сооружение на кладбище. Здесь пол ямы покрыли двумя слоями коры, а стенки обложили сшитыми пластами бересты. Сложили сруб.

Похороны, видимо, были приурочены к погребению кремнированного воина: в виде куклы со скальпом на голове. Его уложили вдоль северной стенки, головой на запад, подложив под голову замшевую, набитую травой подушку. Персонально ему для будущей жизни в загробном мире положили комплект воина-всадника: кожаный саадак — налучье с пришитым карманом-колчаном, в котором было 5 древков стрел с опереньем и моделью лука, а также миниатюрные модели нагайки и конской узда с железными удилами и деревянными псалиями. Вдоль южной стенки поместили труп пожилого мужчины, подсунув под голову простой камень и чурбан, а под плечи старую детскую меховую шубку (рис. 100).

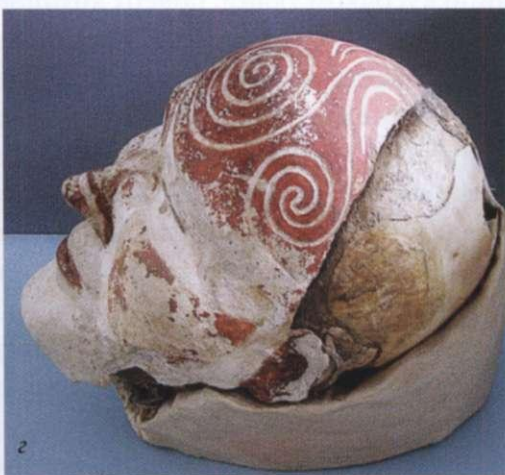
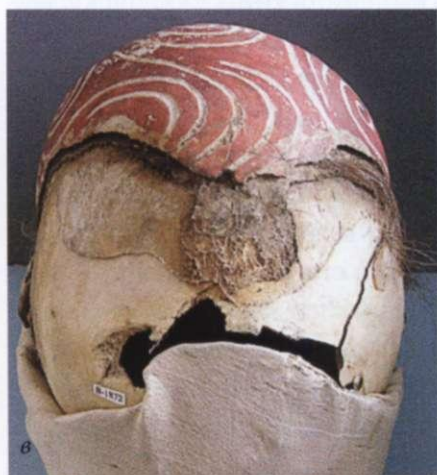
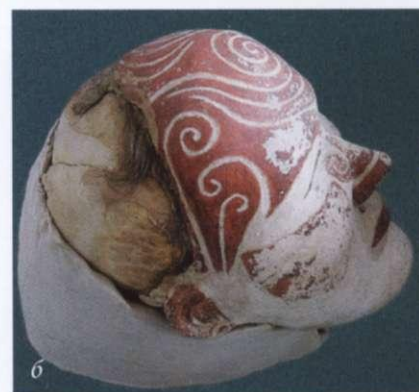

Рис. 99 а, б, в, г.
Маска на черепе женщины. Чёрные прорези глаз и красные щёки, губы, уши, лоб и нос. На лбу (а), на висках (б, г) и затылке (в) выскоблены спирали. Фото Н.Н. Николаева

Рис. 100.
Детская шубка,
подложенная под плечи
мужчины

На куске бересты опустили в могилу, между куклой воина и бальзамированным трупом, вторую мужскую куклу. К её голове был пришит шёлковый чехольчик, куда была вложена свёрнутая тонкая косичка. Под голову подложили плитки, закрытые двумя кожаными подушками, набитыми сухой травой и шерстью северного оленя. Труп немолодой женщины, очевидно, не случайно уложили поверх куклы воина. Как указывалось, она могла быть специально убита, чтобы сопровождать его в загробный мир.

Пока шли приготовления к похоронам, умер шестилетний мальчик, возможно, сын или внук кого-то из покойников. Ему прикрыли лицо кусочком ткани, поверх которой вылепили гипсовую маску, украсив её в красный цвет. Трупик положили в ноги взрослым.

Разместив мёртвых и их заменителей, перешли к похоронной тризне. В железных котлах сварили корову и овцу, разлили по сосудам заранее заготовленные хмельные напитки. Мёртвым положили: отварное мясо на двух корытцах, бульон в двух деревянных глубоких мисках, кашу в трёх горшках, напитки в туюсах и кувшине. Посуда полностью, до крыши сруба, закрыла его восточную стенку и трупик ребёнка. Затем сруб покрыли брёвнами и толстыми пластами бересты, в 4—5 слоёв каждый. Поверх специально разбили горшок с напитком и вложили несколько кусков овцы — остатки тризны. В тот же день, или на другой крышку гробницы засыпали землёй, а на поверхности сложили дерновый холмик.

Похороненные мужчина и женщина имели волосы каштанового цвета и узкие лица с европеоидными чертами. Но вылепленные скулы женской маски придали ей монгольскую внешность. Подобное несоответствие лица человека и его маски иногда подтверждается антропологами.

...В 1947 году в Абакане была раскопана могила со срубом, в котором для покойников сооружён помост: из досок и на столбиках. На нём рядышком уложены трупы мужчины и женщины, в масках. У их ног помещены сосуды с едой, куски мяса. А также вторая женщина в скорченной позе, без маски, без пищи. Видимо, рабыня. Вдоль свободного от покойников края помоста первоначально была расстелена шкура лошади, на которой разложены кучками 51 астрагал овцы.

Мужская маска, ранее сплошь выкрашенная охрой, не соответствовала его черепу. Это подтвердил знаменитый в те годы антрополог Михаил Михайлович Герасимов. Он был широко известен, поскольку первым в нашей стране создал методику реконструкции головы по черепу, с помощью которой восстановил лица многих как древних, так и современных людей. Вот и в этот раз М.М. Герасимов сначала по черепу вылепил скульптуру головы абаканского покойника, а затем снял с неё гипсовую маску.

Она оказалась мало похожей на ту, которая была на скелете. Особенно резко на этой маске отличаются нос и губы. У современной маски одинаковые губы и небольшой широкий нос (рис. 102). У древней маски губы разной толщины, причём нижняя выступает вперёд, а нос массивен и велик (рис. 101; в альбоме № 7). Как всё это объяснить? Дело в том, что лицо мужчины закрыли куском кожи, перевязали в двух местах верёвочкой, а затем вылепили маску, на обратной стороне которой и сохранились отпечатки кожи и верёвочек. Значит, первая возможная причина несоответствия черепа с маской: маски лепили поверх лицевого покрывала, в зависимости от толщины которого искажался портрет покойника...

Спустя 40 лет, ученики М.М. Герасимова по его методике сделали реконструкцию по черепу ещё одной, на этот раз женской головы. В 1993 году экспедицией Хакасского университета в лице А.И. Готлиба была раскопана могила близ д. Абакано-Перевоз, на левом берегу Енисея. В этой могиле была похоронена женщина в маске, которая по росписи и деталям лица очень похожа на женскую маску из Оглахты (рис. 103, в альбоме № 9).

Обе из-за высоких, обозначенных скул и небольшого носа выглядят так, словно скульптор стремился изобразить внешность с монгольскими чертами. Хотя на самом деле женщина имела европеоидную внешность (рис. 104).

Рис. 101.
Маска с черепа
мужчины. Могила
возле банка в г. Абакан.
Раскопки А.Н. Липского
в 1947 году.
Фото А.А. Кириленкова

Рис. 102.
Маска, снятая
М.М. Герасимовым
с головы,
реконструированной
по тому же черепу.
Фото А.А. Кириленкова

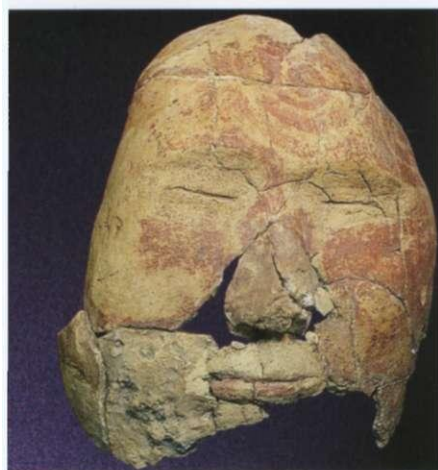

Рис. 103.
Маска с черепа
женщины из могилы
у д. Абакано-Перевоз.
Раскопки
А.И. Готлиба в 1993 году.
Фото А.А. Кириленкова

Рис. 104.
Внешность женщины
на лице которой
вылеплена маска.
Могила у деревни
Абакано-Перевоз.
Графическая
реконструкция лица по
черепу Г.В. Лебединской

Шёлковая тонкая ткань, поверх которой лепили маску, конечно, могла исказить лицо покойницы, но не настолько сильно. Антропологи предполагают, что на слепок с лица этой женщины повлияла уже возникшая отёчность мягких тканей, либо маска изготовлялась по шаблону, без учёта облика покойной. Не исключено и то, и другое. Очевидно, восточные черты лица пользовались популярностью, в чём заключается ещё одна причина контраста лица человека с его маской. Но те, кто хоронил этих умерших, — где они могли видеть людей восточного или азиатского типа? Среди покойных, кого хоронили без кремации, таких не обнаружено ни среди единичных мужчин, ни среди многочисленных женщин. Но обращает на себя внимание то обстоятельство, что на многих кладбищах мужские скелеты вообще отсутствуют. Может быть, кремированные мужчины, составляющие привилегированную группу населения этих посёлков, имели монголоидную внешность и диктовали на неё моду?

Это наблюдение вновь возвращает нас к иностранному гарнизону, размещённому в древности в Абаканском городище.

Теоретически причин использования погребальной маски на трупах могло быть несколько. Прежде всего, для сохранения лица до похорон, ибо гипс задерживает разложение ткани и под ним можно скрыть неизбежное изменение лица. Затем — для опознания покойников, когда маску лепили поверх толстой ткани или кожи, закрывающих начавшееся разложение тканей. Наконец — для изоляции покойников от живых.

Однако сам обычай использования погребальной маски заимствован от местного населения, изготовлявшего искусственные мумии. А местные, с помощью маски, констатировали окончательную смерть человека. С той же целью стали лепить маски сначала на трупах, а затем и на погребальных куклах. Последних рассматривали как заменителей реальных людей. И совершали с ними те же ритуалы, что с покойниками. Какие именно ритуалы — об этом рассказывают отпечатки на двух масках с одного кладбища.

...136—137-й километр шоссе Абакан — Красноярск. Возле подножия безымянной горы, напротив Сарагашского залива, образованного Красноярским водохранилищем, виден ряд из 25 стел протяженностью 40 м. Когда-то к таким камням привязывали коней, чтобы не топтать расположенные выше по горе кладбища III—IV вв. В 1989—1990 гг. здесь под моим руководством работала петербургская экспедиция. В могилах III-го века находились срубы без следов ограбления или сожжения. Но в них сохранились только пепел, находящийся ранее внутри кукол без масок. Находились здесь и женские скелеты в масках. Одну маску с лица женщины 45—50 лет удалось по кусочкам снять и склеить.

Толщина маски женщины — в 2—3 мм. Сверху нанесён отдельный слой менее 1 мм толщиной, расписанный охрой. Роспись по-

Рис. 105.
Маска с черепа женщины.
Могильник Терский. III век.
Раскопки автора в 1988 году

Рис. 106.
Отпечатки на внутренней стороне
той же маски кусочков ткани против
глаз и рта

Рис. 107.
Маска куклы из кургана IV века.
Могильник Терский.
Раскопки автора в 1989 году

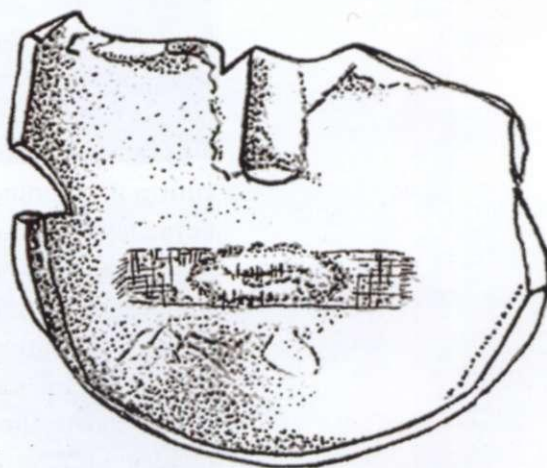

Рис. 108.
Отпечатки рта куклы и поверх неё
шёлковой ленты на внутренней стороне
той же маски

Рис. 109.
Костяные шпильки
для причёсок
и головных уборов.
Моги́льник у деревни
Комарковой.
Раскопки автора
в 1975—1976 годах

блекла (рис. 105; в альбоме № 8). Отпечатки с внутренней стороны маски раскрывают процедуру её наложения. Сначала каждый глаз закрыли прямоугольными кусочками ткани размерами 3,3х4,2 см, а рот полоской ткани размером 8,5х4,4 см (рис. 106). Затем глаза и рот замазали гипсом, а всё лицо покрыли тонким кожаным лоскутом, поверх которого и нанесли маску. (Замечу, что в могилах IV века срубы были сожжены, а от кукол остались лишь кучки пепла и одна маска). Маска куклы по составу теста практически не отличается от маски женщины, но в три раза толще: в 6–9 мм, а в наиболее выпуклых местах до 11–12 мм. Она нанесена на толстую кожу головы куклы в три приёма. Затем поверхность была выровнена и покрыта отделочным слоем в 1 мм (рис. 107).

Отпечатки на внутренней стороне маски рассказывают не только о процессе её лепки, но также о том, как выглядела голова куклы. Она сшита из хорошо выделанной кожи, мехом внутрь. На месте носа была вставлена ровная палочка, от которой остался чёткий след. На место рта пришита тряпочка овальной формы, размерами 4,4 х 1,6 см, имеющая прорезь посередине. Значит, кукла изображала человека с приоткрытым ртом. Видимо, были прорезаны и глаза, но маска вдоль них обломана. Перед тем, как нанести на лицо куклы маску, её глаза и рот закрыли тряпочками. Для рта взяли узкий кусочек шёлка, размером 7,6х1,6 см, подогнули длинные стороны, обметали их через края ниткой. Обработанный кусочек шёлка пришили поверх рта куклы (рис. 108).

...Итак, для скульптора и всех присутствующих при изготовлении маски не представляло разницы — был ли перед ними реально умерший человек, или его изображение в виде куклы. Постепенно настоящие люди всё чаще заменялись их имитациями. Об этом свидетельствует наличие

более поздних масок V—VI веков, впервые найденных А.В. Адриановым. Самыми характерными находками в могилах того времени являются миниатюрные копии железных удиц, клавшихся с мужскими куклами, а также костяные шпильки от женских причёсок и головных уборов — миниатюрных берестяных тусков, именуемых «накосниками» (рис. 109). Кроме того, для ожерелья, подвесок и браслетов использовались стеклянные бусины и бисер, изготовленные в государствах Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья (рис. 110, а-в).

Откуда они брались? Их привозили купцы из городов Центральной Азии, находящихся на Великом Шёлковом пути.

Рис. 110 а.
Стеклянные бусины
и бисер с Ближнего
Востока и Восточного
Средиземноморья.
Могильник
Красный Яр III.
Раскопки автора
в 1972 году

Рис. 110 б, в.
Стеклянные бусины
и бисер с Ближнего
Востока и Восточного
Средиземноморья.
Могильник у деревни
Комарковой.
Раскопки автора
в 1975-1977 годах

Рис. 111.

Вид кургана V—VI веков после раскопок.

Могильник на горе Красная Грива.

Раскопки автора.

1986 год

Глава седьмая

ЧТО ЗА МАСКИ БЫЛИ НА ТАГАРСКОМ ОСТРОВЕ?

■ Как изготавливали древние маски: с помощью куклы, или их отливали на лице умершего?..

■ Чем различаются маски с женских и мужских захоронений...

■ Что таится в изображениях спиралей, украшавших древние маски...

Рис. 157.
Стелы около
ямок с поминами
под горой Тепсей.
Фото М. П. Грязнова

«Адрианов нашёл много нового, маски например, но честь будет не ему, а тому, кто объяснит, что это за маски».

Д.А. Клеменц (из письма к директору Минусинского музея Н.М. Мартьянову)

сновное количество масок собрано из курганов V-го и особенно VI веков. Их ограды меньше по размерам, чем более ранние, потому что их складывали прямо на бортах выкопанной для могилы ямы (рис. 110). Но сами погребальные камеры часто даже больших размеров, чем прежде. В них по-прежнему обнаруживаются захоронения десятков покойников, только преимущественно в виде человекоподобных чучел: кукол с пеплом кремированного покойника. Всегда на кукле лепили маску. И в один приём куклу собирали и сжигали вместе с погребальной камерой. В пожаре сгорали трава и кожа, из которой делались куклы, а также их одежда, головные уборы, волосы. При этом образовывалось много угля, сажи, дыма, которыми гипсовые маски пропитывались и становились закопченными, но прочными. Поэтому они достаточно хорошо сохраняются.

Именно такие маски впервые были обнаружены на Тагарском острове под Минусинском. Но понять это оказалось непросто.

Территории над раскопанными А.В. Адриановым и Д.А. Клеменцем могилами давно застроены. Память о них хранят лишь коллекции масок Исторического и Минусинского музеев. Пока эти маски были единственными, они вызывали такой острый общественный интерес, что именно из-за них, как указывалось, в мае 1913 года Географическое и Московское Археологическое общества отмечали юбилей тридцатилетней научной деятельности А.В. Андрианова. К настоящему времени были собраны обломки свыше тысячи масок... Но постепенно зрительский интерес к его находкам уменьшился. Дело в том, что реставрировать маски трудно, поэтому музеи ограничиваются лишь немногими экземплярами для экспозиции, а остальные хранят в невыразительных закопченных обломках, или частями.

В своё время А.В. Адрианов повезло. Он смог представить для обозрения шесть практически целых масок, которые были настолько хорошо вылеплены, что производили впечатление портретов конкретных людей. Казалось бы, скульптор мог передать тщательное, но разное исполнение формы носа лишь в том случае, если бы лепил маску непосредственно на лице человека. А закрытые глаза и плотно сомкнутый рот с умеренно полными губами, на первый взгляд, также не оставляли сомнения, что маски изготовлены по слепку с лица умершего. Так они и были восприняты посетителями выставок в Томске, Ярославле, Москве, где демонстрировались вскоре после раскопок. Антрополог К.И. Горощенко настолько был уверен, что маски передают портрет умершего, что их особую ценность, как указывалось, увидел в том, что они позволяют изучить разные типы людей, проживающих в те времена на Енисее... Но вот незадача! Внутренняя сторона масок не соответствовала анатомии человеческих лиц. Углубления носа либо отсутствовали, либо оказывались не на месте, а впадины рта и глаз замазаны гипсом (рис. 112—114, в альбоме № 10, 11).

Но такого не могло быть, если лицо обмазывали гипсом и снимали маску! В связи с его собственными наблюдениями, К.И. Горощенко пришлось предположить, что в могиле находятся не те маски, которые лепили на лице, а их гипсовые отливки. Между тем, обратная сторона этих «отливок» до сих пор хранит отпечатки кожного лица куклы, на которой их лепили. Это швы, которыми сшивались отдельные куски кожи, оттиски палочек, которые

Рис. 112.
Правая сторона маски
и отпечатки на её
внутренней стороне,
против глаз и рта,
кусочков ткани,
обмазанной гипсом.
Курган Е на
Тагарском острове.
Раскопки
А.В. Адрианова
в 1883 году.
Фото А.А. Кириленкова

вставлялись на место носа куклы, и трава поверх гипсовых возвышений против каждого глаза и рта.

Последние отпечатки требуют особого объяснения. Суть в том, что кукла имела прорезы на месте глаз и тогда, когда их замазывали гипсом. Трава, заполнявшая голову, иногда отпечатывалась на гипсе (рис. 112—113).

Но самым непонятным было то обстоятельство, что одна из масок стояла вертикально на плоской подставке (рис. 115). Итак, первая загадка масок заключалась в трудности ответа на вопрос: являются ли они отливками с лица мёртвого человека, или лепились на лице куклы?..

...Спустя 50 лет, в 1923 году на левом берегу Енисея, в логу горы Барсучиха, выдающимся исследователем Минусинских степей С.А. Теплоуховым была обнаружена новая серия масок (рис. 121). Они лежали в обломках вдоль стен обугленной камеры, площадью 36 кв. м. Под масками находились кучки сожжённых косточек, иногда завернутые в лоскутки шерстяной ткани. Были собраны обломки около 20 масок, из которых половина частично восстановлена. Раскопки производились от музея этнографии СССР (ныне Российский Этнографический музей), куда первоначально поступили маски, но в 1954 году они были переданы в Государственный Эрмитаж.

Эти маски изображают крупные, широкие (высотой в 20 и шириной в 17 см) лица, с широкими носами, часто с низкой переносицей (рис. 116; в альбоме № 14). Они толстые, до 12 и даже 15—20 мм; лишь по краям толщина утончается до 7—8 мм. У большинства высокие шеи (высотой до 5 см), которые вставлялись в овальные, крупные (длиной до 30—34 мм, шириной 12—18 см, толщиной до 1—3 см) подставки и обмазывались слоем гипса (рис. 117—118).

Маска с подставкой выглядит как современный бюст, но без задней сторонки. Такое сходство дополняют красные и синие нарисованные на одном бюсте бусы (рис. 119, в альбоме, № 12). На женских масках окрашены красным губы, ноздри, щёки (в альбоме № 13).

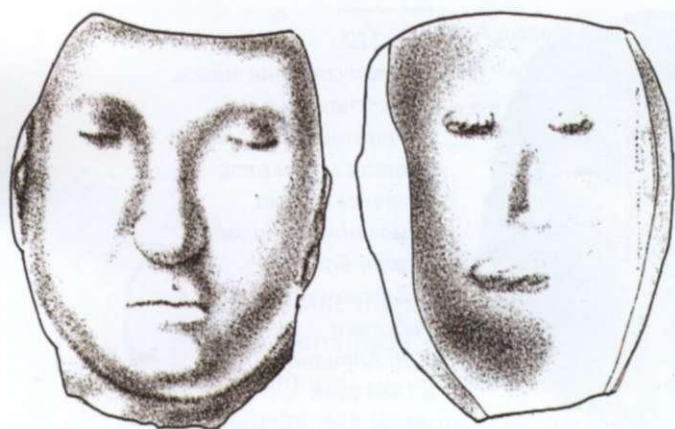

Рис. 113.

Две стороны маски с обломанной шеей. На внутренней стороне маски отпечатки лица куклы; прорезей глаз и рта, из которых вылезала трава, а также носа в виде палочки. Курган Е на Тагарском острове. Раскопки А.В. Адрианова в 1883 году.

Рисунок

Рис. 114.

Нос с нижней частью лица маски. С обратной стороны верхней губы маска починена ещё в древности новым куском гипса. Курган Е на Тагарском острове. Раскопки А.В. Адрианова в 1883 году. Фото А.А. Кириленкова

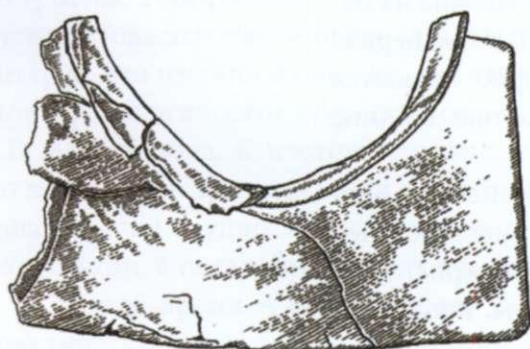

Рис. 115.

Прямоугольная плоская подставка, в которую вставлялась маска. Курган Е на Тагарском острове. Раскопки А.В. Адрианова в 1883 году ▲

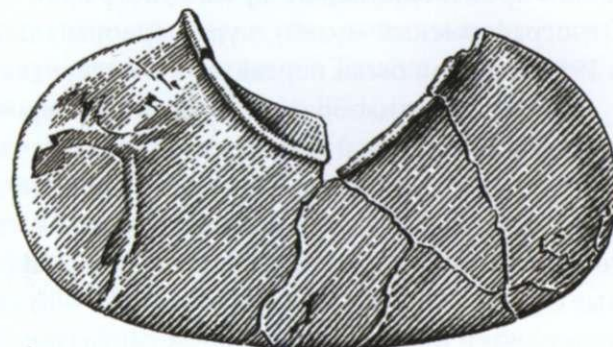
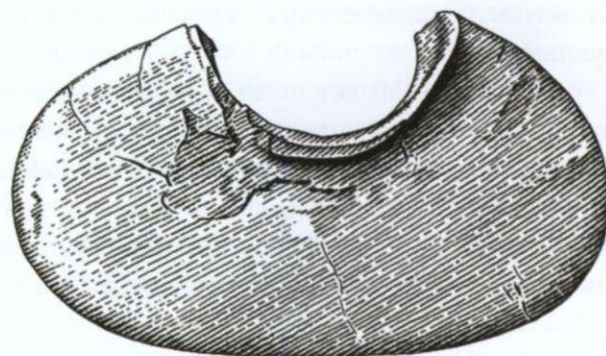

Рис. 117, 118. ▲

Крупные овальные подставки от бюстовых масок. Курган под горой Барсучиха

Рис. 116.

Массивная и сильно закопчённая маска из кургана под горой Барсучиха. Раскопки С.А. Теплоухова в 1923 году ▼

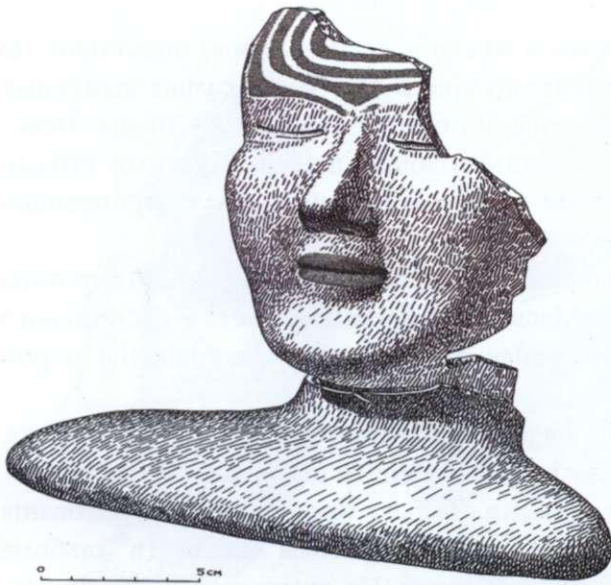

Рис. 119.
Бюстовая женская маска с росписью на лбу.
Курган под горой Барсучиха

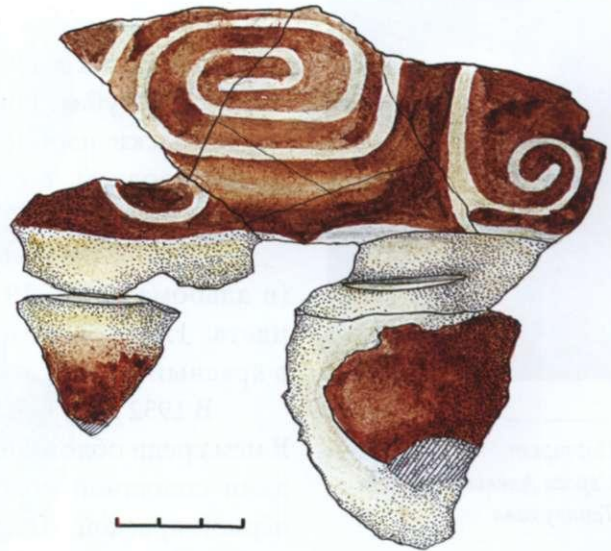

Рис. 120.
Верхняя часть маски с росписью на лбу и висках.
Курган под горой Барсучиха

На лбу иногда изображается четырёхугольная спираль в 4 витка, а на висках волюты (рис. 120).

Прорези глаз чёрные или тёмно-синие. С внутренней стороны масок видны отпечатки головы куклы, её кожи, крупных швов и кожного носа. В совокупности с размерами масок, они крупнее головы человека. Это исключает какую-либо возможность предполагать, что данные маски отливались в формах, снятых с лица человека.

Тем не менее, эту старую версию продолжал разделять московский археолог Сергей Владимирович Киселёв (рис. 121). Его имя в Хакасии широко известно по раскопкам (в 1954—1956 годы) огромного кургана Салбык, в урочище того же названия. Посещение кургана, в котором предположительно был захоронен две тысячи триста лет назад вождь местных племён, входит в каждую туристическую экскурсию по Хакасии. Но ещё ранее учёным было сделано многое другое. Он, в частности, собрал и изучил большие коллекции масок из курганов V—VI веков у селений Усть-Тесь, Сыда, Кривинское и на Уйбатском чаа тасе.

Раскопки у села Усть-Тесь, на левом берегу Тубы, правом притоке Енисея, производились в 1928 году на средства Минусинского музея, куда поступили все находки, включая маски. Обломки шести из 80-ти масок лежали в могиле компактно. Их удалось восстановить почти полностью. Ещё 22 маски сотрудниками музея были подобраны частично.

Маски соответствуют размерам лица человека. Среди них имеются как одни только лица, так и лица с шеями, которые вставлялись

Портрет
Сергея Александровича
Теплоухова

Портрет
Сергея Владимировича
Киселёва

Портрет
Михаила Петровича
Грязнова

Рис. 121.

в тонкие (толщиной 5—8 мм и на сгибе до 10—15 мм) подставки. Да и стенки самих масок тонкие: по краям от 3 мм, в самых выпуклых местах (на губах, кончике носа, в области шеи) до 8—10 мм. Некоторые маски изображают длинноголовых людей, с узкими губами и подбородком, с большими прямыми носами, как у европеоидов (рис. 122—124, в альбоме № 15, 17—18).

Но гораздо больше оказалось масок с условными чертами лица (в альбоме № 16, 19, 20). Маски закопчены до светло-коричневого цвета. Некоторые из них ранее были сплошь выкрашены охрой в красный цвет.

В 1932 году С.В. Киселёв раскопал второй курган у того же села. В нём среди обломков масок была одна почти целая. Она белая, со следами сплошной красной окраски. Только прорези глаз нарисованы чёрной краской. Лицо узкое, с большим прямым носом (в альбоме № 21). Хранится в Историческом музее. На внутренней стороне масок — отпечатки кожи и в разных местах швов, которыми сшивали форму для головы куклы и пришивали к ней кожаный нос (рис. 125).

Самый чёткий отпечаток кожного носа сохранился на почти целой и очень толстой маске из кургана у села Сыда, раскопанного в 1929 году. Здесь на месте носа предварительно была нашита клинообразная заплатка (рис. 126, в альбоме № 23).

С.В. Киселёв, конечно, видел на внутренней стороне масок отиски швов, ткани, кожи; но он попытался объяснить их технологией изготовления масок. А именно: маску, якобы, отливали по частям: отдельно — половинки лба, подбородка, нос, шею, уши и т. д. Гипс в куски формы вдавливали чем-то твёрдым, обмотанным тканью или кожей, что и отпечаталось. Затем эти куски между собой склеивали, отчего образовались швы. Но С.В. Киселёв, как и его предшественник К.И. Горощенко, не смог объяснить, зачем замазывали гипсом обратную сторону глаз и рта маски? Однако К.И. Горощенко на эту характерную и непонятную особенность указал, а С.В. Киселёв её просто проигнорировал.

Раскопки у села Кривинское под Минусинском, что на правом берегу Енисея, проводились в 1928 году. В одном из четырёх курганов оказались обломки 45 масок и почти целый бюст, состоящий из широкого крупного лица и высокой нагрудной подставки. Эта находка хранится в Историческом музее (в альбоме № 22). Остальные обломки поступили в музей антропологии Московского университета, откуда в 1932-м переданы в Эрмитаж. Из них восстановлены части 11 масок. Они закопчены до тёмно-коричневого и тёмно-серого цветов, некоторые совсем чёрные, обожжённые. Черты лица либо условные (рис. 127), либо имеют подчеркнуто крупные носы, иногда с горбинкой (рис. 128).

Толщина стенок масок до 1 см. Такие же тонкие подставки, овальной и круглой форм. С обратной стороны лиц имеются отиски

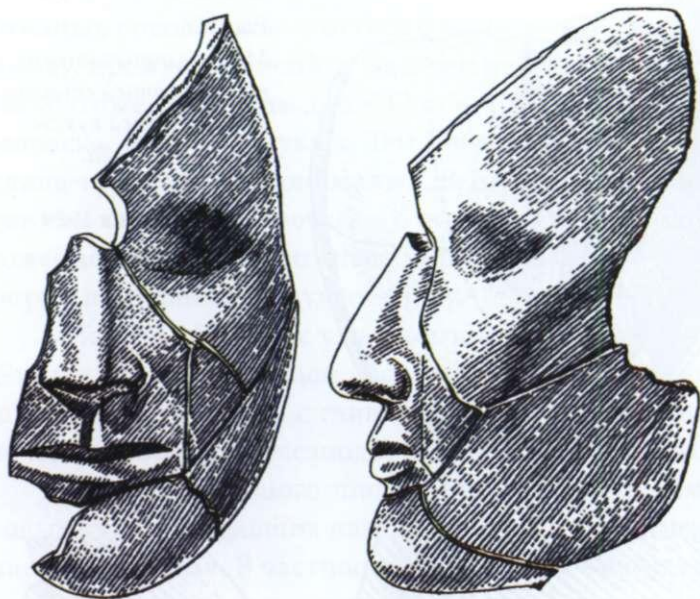

Рис. 122.
Маска с куклы. Курган I
у с. Усть-Тесь. Раскопки
С.В. Киселёва в 1928 году

Рис. 123, 124.
Маски с кукол.
Курган I у села
Усть-Тесь

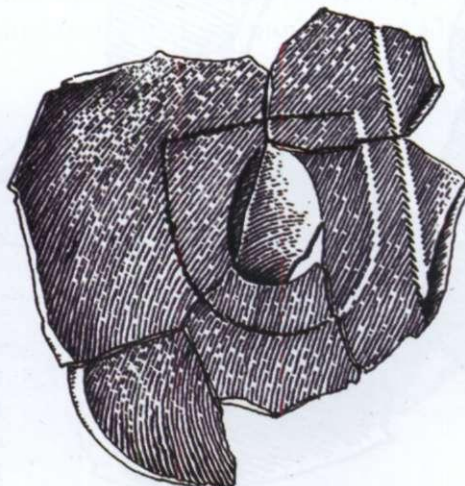
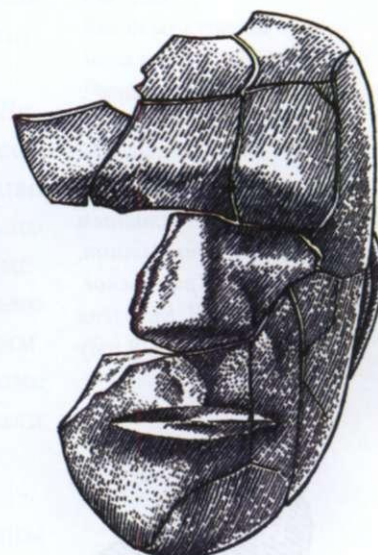

Рис. 125.
Маска с отпечатком
на внутренней стороне
кожаного носа куклы.
Курган I у с. Усть-Тесь

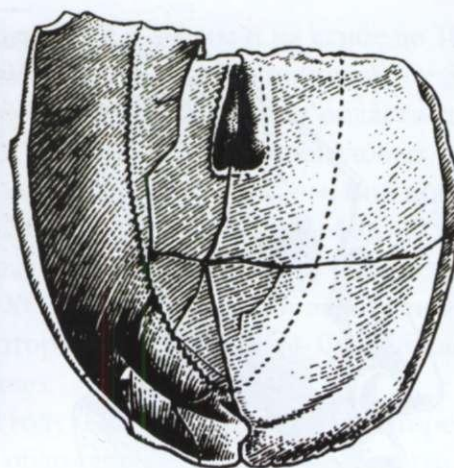

Рис. 126.
Маска с отпечатком
на внутренней стороне
кожаного носа куклы.
Курган у с. Сыда.
Раскопки
С.В. Киселёва в 1929 году.
Фото и рисунок

Рис. 127.
Тонкая маска с условным
изображением лица.
Курган 4 у с. Кривинское.
Раскопки С.В. Киселёва
в 1928 году

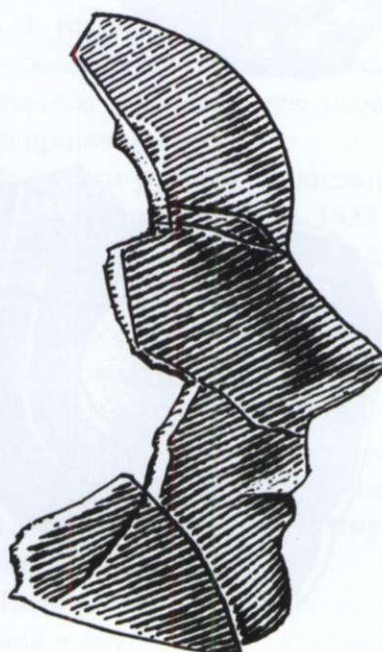
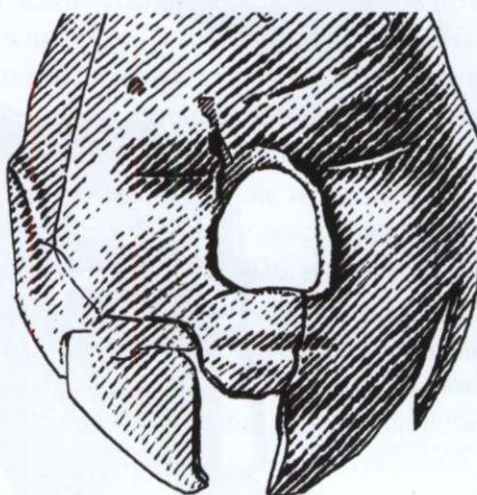

Рис. 128.
Профили двух масок
с прямыми носами.
Курган 4 у с. Кривинское

кожаных носов куклы и оттиски верёвочек, которыми перевязывали голову, прежде чем лепить маску. Некоторые маски по форме почти квадратные, с плоским дном. Они никак не могли покрывать ни лицо человека, ни маску куклы. Тем более, отливаясь по форме, снятой с лица человека. Это понимал и С.В. Киселёв. Поэтому для масок крупнее или меньше человеческого лица у него было следующее предположение: якобы их оригиналы лепили из глины, затем снимали с них форму и делали гипсовую отливку.

Уйбатский чаа тас уже упоминался автором в связи с произведёнными Д.А. Клеменцем раскопками на его окраине крупного кургана, где были мумии с глиняными головами. Ныне могильник расположен в 6 км от железнодорожной станции Уйбат.

Помимо большого числа открытых здесь каменных средневековых курганов, давших название могильнику, имеются и более ранние захоронения. В частности, кладбища с ямами типа оглахтинских и подпрямоугольные каменно-земляные насыпи с V до VII веков с обширными погребальными камерами, где были обнаружены описываемые маски.

Под такой насыпью в 1936 году раскопана одна могила В.П. Левашёвой от Минусинского музея, куда поступили обломки 13 масок и один целый бюст. У этого бюста широкая голова и шея, стоящая на прямоугольной подставке с вырезом для шеи. Бюст тяжёлый, но хрупкий из-за тонких стенок толщиной всего 5—7 мм, и лишь в местах утолщения шеи, губ и носа — до 15 мм. Подставка довольно большая (23x18 см). Она почти квадратная, имеет толщину до 12 мм. Изображено широкое лицо, монгольского типа (рис. 129, в альбоме № 24). На обломках других масок имеется роспись лба в виде спирали и квадрата (рис. 130).

Могины ещё под двенадцатью насыпями были раскопаны С.В. Киселёвым и Л.А. Евтюховой в 1936, 1938 годах. Около 200 масок, преимущественно в обломках, хранятся в настоящее время в Историческом музее. Самые лучшие оказались в одной камере. Она

Рис. 129.
Бюст из кургана 6
могильника Уйбат I.
Раскопки
В.П. Левашёвой
в 1936 году.
Фото А.А. Кириленкова

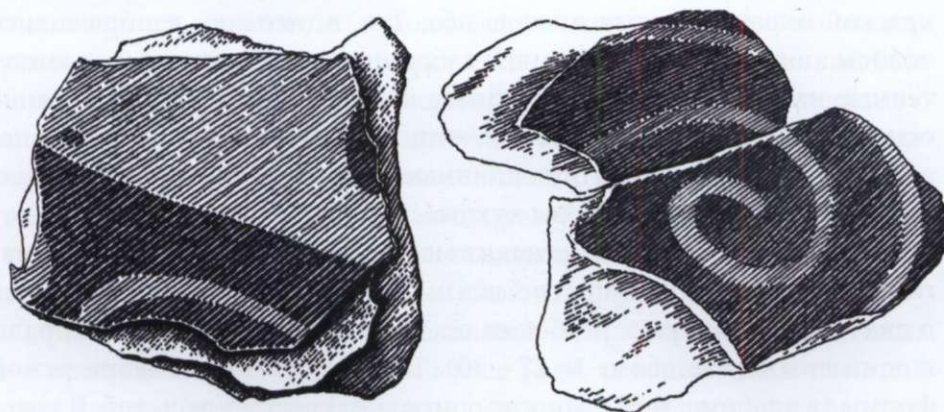

Рис. 130.
Обломки лба от двух
масок с росписью.
Курган 6 Уйбат I

Рис. 131.
Правая часть
маски с росписью.
Сомкнутые ресницы
изображены точками.
Курган 11 Уйбат I.
Раскопки С.В. Киселёва
в 1938 году

Рис. 132.
Левая сторона маски без
реконструкции росписи.
Курган 11 Уйбат I.
Фото Ю.В. Демиденко

состояла из сруба, сложенного клетью в 3-4 венца бревна и обставленного вертикальными брёвнами. Вдоль трёх стен, на высоте 60 см от пола, сколочены полаты шириной в 150 см. Для них между брёвнами пола вбиты колья, на которые уложены горизонтальные перекладины, а поперёк них — короткие листовенничные доски. Четвёртая стенка (при входе в камеру) заставлена посудой. На полатах было 60 раздавленных бюстов и с ними шкатулки с амулетами. В ушах некоторых масок имелись проколы для серёжек, к шее прилеплены глиняные бусы, а рядом лежали накладные чёрные и рыжие волосы.

Маски неравномерно покрыты копотью, поэтому стали светло-коричневыми, коричневыми, серыми и почти чёрными. Чем меньше на них копоти, тем ярче видна первоначальная роспись. Красочный слой с масок преимущественно осыпался, узоры либо закоптились, либо местами выгорели и изменили первоначальный цвет. Тем не менее, по отдельным сохранившимся кусочкам роспись может быть реконструирована. На трёх масках её пытался восстановить С.В. Киселёв, и я — ещё на двенадцати.

Разница между современным и первоначальным видом масок настолько разительная, что в альбоме 12 масок показаны сначала без реконструкции росписи, а затем с её реконструкцией (в альбоме № 25—38).

Маски женщин белого, иногда с кремовым оттенком, цвета. У них всегда красные губы и щёки, а прорези глаз, имитирующие сомкнутые ресницы, чёрные или тёмно-синие. На одной из масок чёрными точками показаны кончики ресничек (рис. 131). Синей или голубой красками часто изображены причёски. Выгоревшая голубая краска кажется белой. Судя по изображению волос, большинство женщин, видимо, носили спадающие на шею локоны. Локоны нарисованы в виде овала под ушами, с охватом части шеи (рис. 132, в альбоме № 27).

Реже волосы подстрижены ниже ушей и нарисованы в виде круга под ушами (в альбоме № 29—33). Иногда голубые овалы и круги исчерчены тонкими чёрными линиями, изображающими отдельные волосинки (в альбоме № 28, 31). На некоторых масках голубой краской окрашены края висков, лба. Так, возможно, изображались волосы, полностью или частично забранные сзади в пучок или заплетённые на затылке в одну или более косичек. Такое предположение основывается на том основании, что, как указывалось, рядом с некоторыми масками лежали подлинные косички. Очевидно, они прикреплялись к затылку головы куклы.

Лоб с висками и нос женских масок, как правило, украшали магическими узорами. В центре лба — круглая или овальная спираль в два — три завитка, а по бокам её — по парной овальной спирали в один виток (в альбоме № 27—30). Те же узоры — геометрической формы (в альбоме № 31). Иногда спираль закрывает весь лоб, и толь-

ко на одном виске оставлено место для спирали на длинной ножке или волюты (в альбоме № 25—26). Узоры предварительно очерчивали, обычно с использованием берестяного трафарета. Затем на одних масках узоры окрашивали красной охрой или киноварью, а на других окрашивали не узоры, а пространство между ними. Получался либо красный рисунок на белом фоне, либо, наоборот, белый рисунок на красном фоне (в альбоме № 25—28). Очень редко белые линии на красном фоне позже окрашивали чёрным (в альбоме № 34).

Мужские маски сплошь окрашивали красной охрой или киноварью (рис. 133), за исключением чёрных прорезей глаз и иногда поперечных полос, которых может насчитываться от одной до трёх. Чёрные полосы рисовали поперёк носа, лба и от уха до уха (в альбоме № 35—38).

Все эти типы росписи соответствовали определённым стандартам: как для женщин, так и для мужчин. Причина различий между ними пока неясна. Возможно, это зависело от возраста покойника, а также его семейного или социального положения. Все маски с обратной стороны имеют оттиски от кожаной формы, на которой их изготавливали. Это касается вообще всех масок, включая сотни тех, что были найдены позже раскопок С.В. Киселёва (рис. 134).

Исключение составляет пока одна маска с отпечатками не кожи, а ткани (рис. 135). Обязательные оттиски кожи на тыльной стороне масок развеяли иллюзию, что маски отливали в формах. Но окончательный крах этой версии произошёл после того, когда методами точных наук были изучены состав теста масок и конкретные способы их нанесения на форму — голову куклы. Эти всесторонние исследования проведены в отделе научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа. Изучались образцы масок из всех музеев, но преимущественно — из Эрмитажа. Выяснилось, что гипс для теста масок либо вообще не просеивали, либо просеивали только для верхнего грунтового слоя. Поэтому в гипсовом тесте присутствуют природные примеси (глина с окислами железа, песок, карбонат кальция, другие примеси, имеющиеся в месторождении). Для рыхлости теста в него специально добавляли (но очень небольшое количество) измельчённой древесины (тополя, берёзы, ивы, жёлтой акации) или травы с семенами, реже — шерсти. На лицо кожано-травяной болванки, то есть головы куклы, в один, два или три приёма накладывали отдельные порции увлажнённой массы. Их разглаживали, накладывали верхние слои для выравнивания и создания объёма. Поэтому толщина основного слоя по краям маски 5–10 мм, а на выпуклых местах до 10–20 мм. Поверхность выравнивали жёсткой кистью или скребком и наносили отделочный слой толщиной не более 1 мм.

Но и это еще не всё. Отделочный слой покрывали грунтовым или красящим слоем толщиной менее 1 мм, который ещё и расписывали. Для наиболее толстых масок основные слои иногда закрепляли

Рис. 133.
Маска, сплошь
выкрашенная красной
краской. Красочный
слой частично
выгорел или осыпался.
Курган 11 Уйбат I.
Фото Ю.В. Демиденко

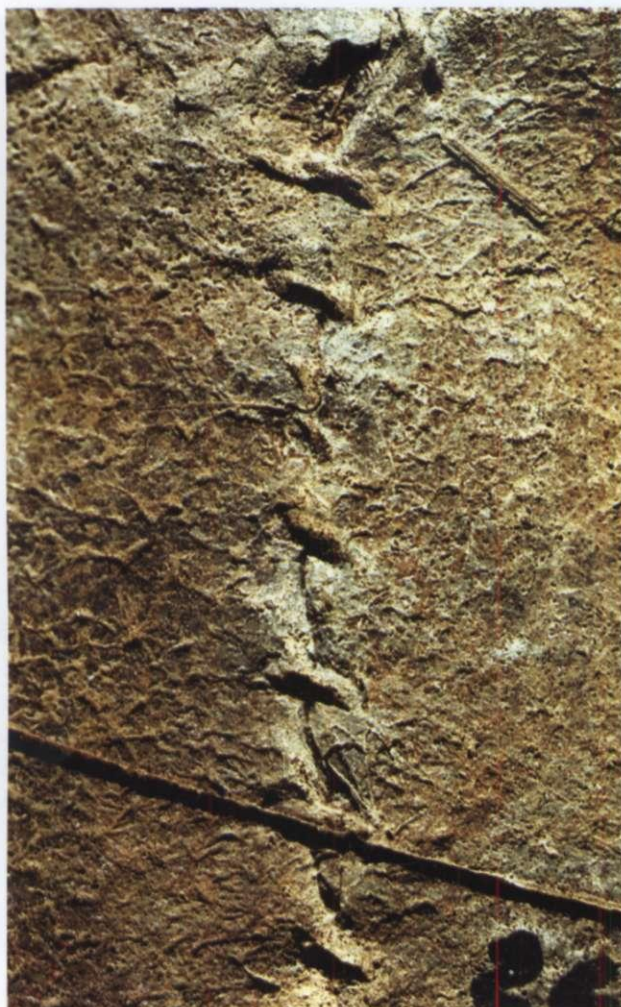

Рис. 134.
Отпечатки кожи
на внутренней
стороне маски.
Могильник Тепсей
III курган I.
Раскопки М.П. Грязнова
в 1968 году

Рис. 135 (справа).
Отпечатки
шерстяной ткани на
внутренней стороне
маски. Могильник
Тепсей III курган 3.
Раскопки М.П. Грязнова
в 1969 году

растительными каркасами. А именно, между первым и вторым, вторым и третьим слоями прокладывали побеги ивы, берёзы, можжевельника и другие. Они выгорали при сожжении камеры, но от них оставались отверстия. Такие маски наиболее толстые и тёмные, как, например, в курганах под горой Тепсей (рис. 136—139). Однако и их нельзя было снять с головы куклы, которую они облицовывали. Так являлись ли они вообще масками?

Очередная загадка связана с местом масок и пепла захороненного человека в камере. Дело в том, что сами куклы не сохранились, лишь иногда от них оставались свёрнутые из кожи узкие трубки, набитые травой, предположительно от их рук или ног. Между тем часто сожжённые косточки человека занимают на дне камеры площадь от 15х15 до 50х30 см и весят 1—2 кг. Именно в них видят следы погребальных кукол, то есть находящийся внутри них мешочек с косточками. Расположение кучек косточек в камере иногда позволяет установить, что кукол укладывали рядами, или друг на друга. Реже встречаются ситуации, когда кучки сожжённых косточек располагаются вплотную к стенкам камеры. Причём либо пепел находился

с обломками масок на подставках, либо это маски с лица кукол, но лежащие как лицом вверх, так и вниз.

Но такое положение маски невозможно, если там лежали куклы! Разгадать, что это означает, удалось неожиданно. В 1982 году в урочище Джесос, на правом берегу речки Туба, ленинградская экспедиция под моим руководством раскапывала большой сруб, который к тому времени наполовину обрушился в овраг.

В центре сруба лежали кучки сожжённых косточек, сосуды, а вдоль стенок размещались — в сидячем положении, парами — скелеты людей, черепа которых с остатками масок свалились к их ногам. Между каждой парой скелетов были одна или две кучки сожжённых косточек от кукол. Поверх косточек или рядом с ними лежали обломки масок, лицом вниз.

Первоначальная картина вырисовывается следующим образом. Между сидячими трупами в масках были рассажены куклы, с пеплом, на лицах которых тоже были маски. При поджоге камеры куклы загорелись. Сначала из них выпадал наиболее тяжёлый предмет — мешочек с пеплом, а вслед за ним и голова куклы в маске. Значит, кукол не только укладывали в могилы, но и рассаживали.

Труднее всего было объяснить вертикальное положение в камере некоторых масок. Чаще всего они на подставках: гипсовых, реже керамических и глиняных. Такие маски называют бюстами. Есть маски, которые могли стоять и без подставок. У них либо широкая устойчивая шея, либо плоское почти прямоугольное основание.

Маски всегда оказываются разбитыми брёвнами, рухнувшими с крыши, но подставки иногда сохраняются почти целиком. Первую из них нашёл ещё А.В. Адрианов на Тагарском острове (рис. 115). Затем подобные подставки обнаружены у горы Барсучиха (рис. 117, 118) и в большинстве других курганов VI в. Чем моложе курган, тем больше в нём бывает поставлено масок. А под ними, или почти вплотную к ним, лежат кучки пепла. Они небольшие, потому что собраны (в одной кучке) косточки не от всего кремированного трупа (1—2 кг), а половина и меньше (300—500 граммов) косточек.

Рис. 136, 137.

Толстые сильно закопчённые маски у которых слои гипса переложены побегами растений. Теисей III курган 2. Раскопки М.П. Грязнова в 1970 году

Рис. 138, 139.

Толстые сильно закопчённые маски у которых слои гипса переложены побегами растений. Теисей III курган 2. Раскопки М.П. Грязнова в 1970 году. Фото Д.А. Бобровой

Рис. 140.
Маска с широкой шеей.
На лбу высечена спираль.
Сырский чаа тас,
курган 1.
Раскопки Л.Р. Кызласова
в 1950 году

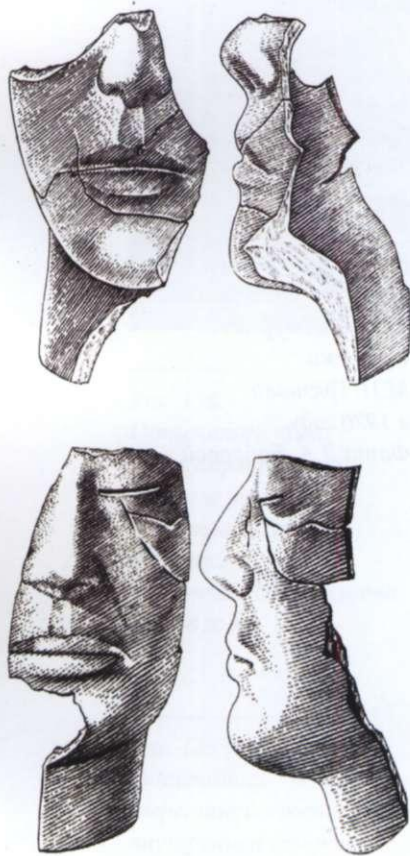
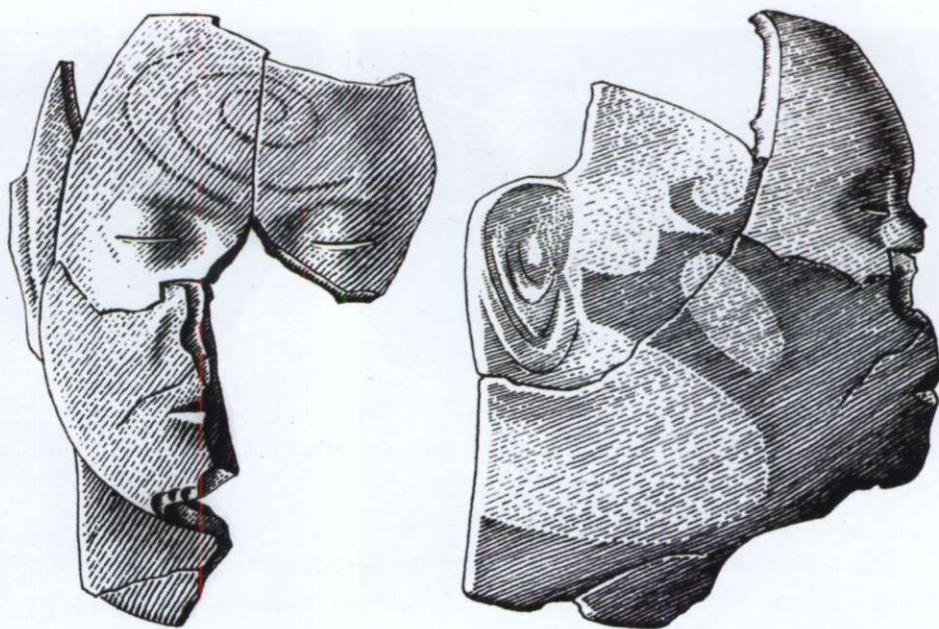
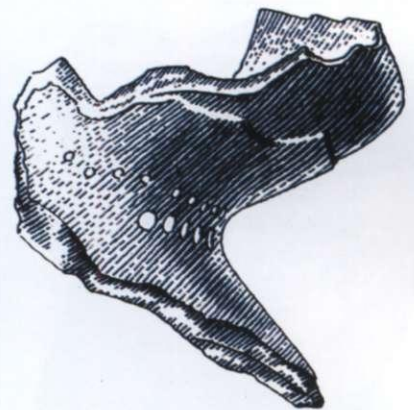
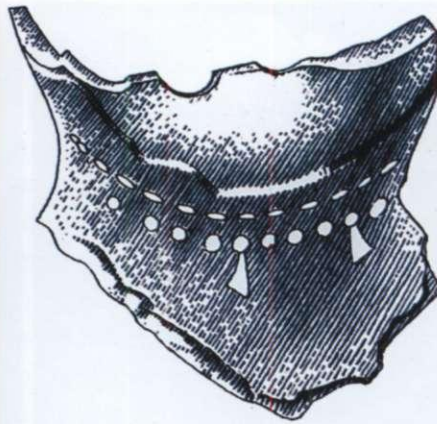

Рис. 141, 142.
Маски с высокой шеей.
Сырский чаа тас
курган 1

С.В. Киселёв первым обратил внимание на то, что в камерах Уйбатского чаа таса пепел под масками находился в чём-то сплетённом из травы, как в гнёздышке. Считая, что маску изготовляли отдельно от того, на чём она лежала, он увиденное воспринял буквально. А именно, что пепел каждого человека якобы насыпали в специально сплетённое из травы «гнёздышко», и всё это прикрывали маской. Такое простое и, на первый взгляд, понятное объяснение надолго и закрепилось в науке. Оно же помешало С.В. Киселёву и другим исследователям обратить внимание на следующее обстоятельство. Среди сожжённых косточек попадались обрывки кожи или ткани от мешочков, куски прошитой или свёрнутой бересты от туюсков; даже целый мешочек с пеплом, обмотанный плетёной травой. Всё это вместе (маска, трава с пеплом в мешочке или туюске) обычно является частями одной упавшей головы куклы-урны. Кроме того, неоднократно археологам встречалось и первоначальное вертикальное положение маски.

Так, ещё в 1938 году близ с. Быстрое на правом берегу Енисея Минусинским музеем в лице В.П. Левашёвой раскопана могила с 24-мя масками. Они хранятся в этом же музее. Лучшая из них была прислонена вплотную к стенке камеры, поверх обугленной травы и кальцинированных косточек. От маски там осталась левая половина лица, с небольшим прямым носом и припухлыми губами (в альбоме № 39).

В 1950 году обломки более ста масок собраны экспедицией Московского университета под руководством Л.Р. Кызласова из кургана на берегу речки Малые Сыры. Большинство масок стояли в камере, для чего имели либо высокие или широкие шеи, либо почти квадратную форму и плоское основание (рис. 140—142, в альбоме № 40, 42).

На шее одной маски нарисованы красной краской два ряда бус с треугольными подвесками (рис. 143).

Когда стоящие в камере маски упали и разбились, их содержимое вывалилось. Под обломками масок оказались пепел, под ним трава, остатки кожи. Ниже всего этого лежали косички человека. Эта коллекция масок хранится в Абаканском музее.

Итак, маски-бюсты являются одновременно погребальными урнами. Очень часто они помещены в могилах почти вплотную друг к другу. Их разделяют лишь сосуд, либо блюдо с игральными костями или шкатулками с культовыми изделиями. Иными словами, здесь не оставлено места, чтобы не только положить, но и усадить куклу.

Маски археологи находили практически всегда разбитыми, когда пепел из них оказывался уже высыпавшимся. А если и находили при реставрации внутри масок единичные косточки, то значения им не придавали. Повезло сравнительно недавно при раскопках в 1991 году одного из курганов VI века у с. Белый Яр. Он получил название Белый Яр III. Его исследовал тот же археолог Хакасского университета А.И. Поселянин, который в 2004-м в этом же районе, но в кургане на шесть веков древнее (Белый Яр VI), нашёл искусственные мумии (см. пятую главу).

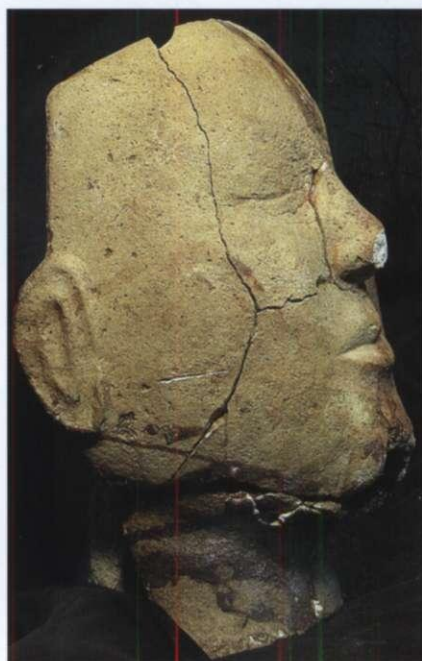
Всего в кургане было 50 масок; все от бюстов, так как имели шеи, которые водружены были на специальные отверстия круглых керамических подставок (рис. 144—145, в альбоме № 46—48).

На внутренней стороне масок находили отпечатки кожи, швов и складок от кожаной болванки, на которой лепили маску. Использовали как целый кусок кожи, так и сшитый из её лоскутков, даже с заплатками. Внизу формы кожу собирали в складки и перевязывали. От той и другой операций отпечатывались складки на тыльной стороне шеи масок. Кожаные болванки имели замазанные гипсом впадины глаз и менее глубокие впадины рта. Носы на них либо были небольшие, сшитые из кожи, либо крупные, видимо, деревянные, обшитые кожей. Иногда носовая впадина отсутствовала. В таком случае нос, очевидно, просто был нарисован.

Рис. 143.

Нижняя часть маски с шеей, на которой изображено ожерелье. Сырский чаа тас курган I. Фото и рисунок

Рис. 144.
Правая и обратная
стороны маски.
Обе с подставкой.
Курган Белый Яр III.
Раскопки
А.И. Поселянина. 1991 год.
Фото А.И. Поселянина

Обнаруженные детали лица ещё раз доказывают, что болванки служили не просто формой, на которой лепили маску, но и головой куклы.

По внутренним отпечаткам масок можно реконструировать головы кукол и в других курганах.

Маски же из кургана Белый Яр III уникальны именно тем, что в двух из них половина косточек не высыпалась, а в третьей они не только остались полностью, но даже с частью туеска, обмотанного травой. С разрешения автора раскопок, я попыталась извлечь максимум информации из этой находки.

...Сначала остатки туеска вместе с обугленной травой изучались в отделе научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа (рис. 146).

Выяснилось, что в данном случае туесок сделан из грубо обработанной и не полностью очищенной бересты, а его крышка или доньшко вырезаны из коры ивы. Туесок плотно обёрнут в два слоя травой, затем листьями, поверх которых обтянут ещё кожей. Первоначальная толщина его травяной обкладки — не менее 3 см. Судя по ней, а также по толщине стенок маски и размерам её внутреннего объёма, можно предположить, что первоначально туесок имел высоту 12 см и диаметр 10 см.

Технология изготовления туесков, без гвоздей и клея, не изменялась тысячелетиями. Не знаю, как сейчас, но ещё 30 лет назад их продавали старики на рынке в Минусинске и Абакане. Запросы участников наших экспедиций превышали предложения, поэтому мы изготовление туесков заказывали здешним умельцам в начале полевого сезона и выкупали в конце августа. В частности, удалось со-

Рис. 145.
В результате древней
реставрации маски одно
её ухо наложено на другое.
Курган Белый Яр III.
Раскопки
А.И. Поселянина. 1991 год.
Фото А.И. Поселянина

брать коллекцию из двадцати туесков разного размера. И вот теперь, подобрав туесок, аналогичный по объёму древнему, я заполнила его кальцинированными косточками из кургана, раскопанного у с. Белый Яр, присланными мне А.И. Поселяниным. В туесок поместилось 480 граммов косточек длиной 1, 2—2 и 2,5—3 см.

Дополнительные расчёты я произвела ещё для двух полностью сохранившихся масок — с разными внутренними размерами и одинаковой толщиной. Каркасом для одной маленькой маски мог служить обмотанной травой туесок, высотой всего 6 см и диаметром 10 см. В него помещается 240—250 граммов косточек (рис. 147).

Для другой, более крупной маски каркасом мог быть туесок высотой 12 см и диаметром 13 см. В нём находилось 500—550 граммов косточек (рис. 145).

Таким образом, размеры туесков зависели от количества косточек, которые в них помещали. А те, в свою очередь, диктовали размеры и формы кожано-травяных голов кукол, а затем и масок. Маски, которые стоймя стоят благодаря плоскому основанию, шее или подставке, называют «бюстовыми масками», «масками-бюстами», или «масками-урнами». Первые названия даны по ассоциации их с бюстами, а последнее — из-за того, что они хранят пепел кремированного покойника. Все названия условны, если вспомнить процесс их создания. Сначала сожжённые косточки насыпали в туесок, который туго обматывали свёрнутой в жгуты травой, затем обкладывали листьями и обтягивали или обшивали кожей. На лицевой стороне кожаной болванки обозначали впадины глаз, рта, пришивали нос (рис. 148).

Позже на этом твёрдом каркасе, иногда закрывая лицо тканью, лепили гипсовую маску (рис. 149). В таком виде их берегли до погребения, обновляли роспись и реставрировали. Очень чётко результаты этих сложных процессов видны на уже упоминавшейся большой маске из кургана, добытой у села Белый Яр. Поверх старой окраски наклеплен новый отделочный гипсовый слой, покрытый новой краской. Поверх старых ушей наклеплены новые, причём почему-то направленные в противоположную сторону — мочкой вверх (рис. 145).

И вновь новые загадки: когда в могилы помещали целые куклы, а когда — только их головы? Либо то и другое вместе? Сохранился ли при этом единый смысл масок?..

Представим себе здешнюю степь. Сумерки. Пьянящий запах полыни. В шелесте трав, растущих на кургане, чудится шёпот: кажется, они хотят помочь нам раскрыть очередную тайну древних захоронений. Но ничего не разобрать в этом шёпоте древней, как мир, степи. Вновь придётся перейти от романтических мечтаний к сухому археологическому анализу.

Для этого были выбраны четыре кургана V—VI веков — около упоминавшегося подножья горы Тепсей. Их исследовала Ленинградская экспедиция в 1968—1970 годы под руководством М.П. Грязнова

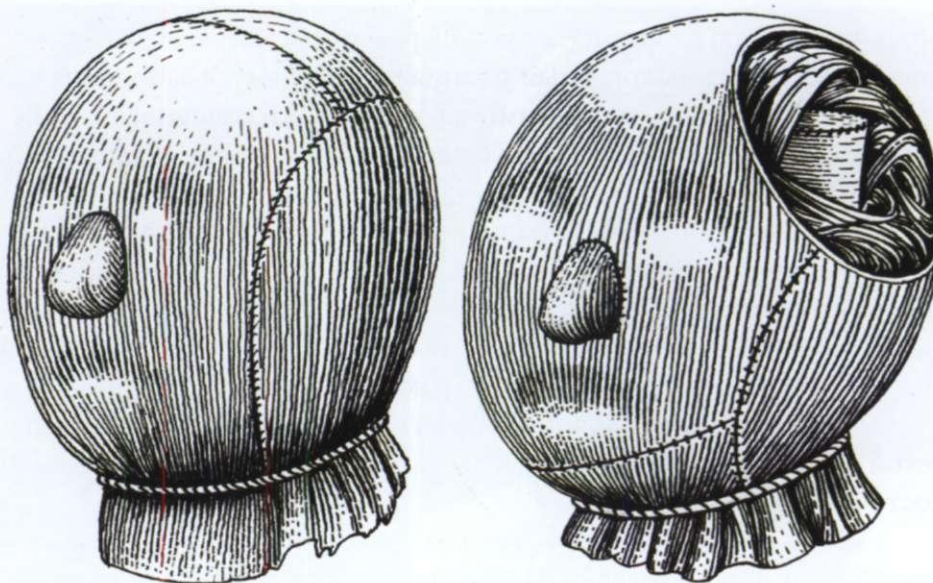
Рис. 146.
Кусок туеска, обмотанного горелой травой. В туеске сожжённые косточки человека — пепел. Курган Белый Яр III

Рис. 147.
Первоначальный вид туеска, обмотанного травой и листьями. Реконструкция С.В. Горюнкова

Рис. 148.

Голова куклы с туеском
внутри. Обозначены
впадины глаз и рта,
пришитый нос.
Реконструкция
С.В. Горюнкова

(рис. 121). Два кургана отличаются от двух других размерами, конструкциями, способом погребения умерших и масками. Всего в курганах остались обломки от 120 с лишним масок, более 30-ти из которых частично восстановлены; они хранятся в Эрмитаже. Отпечатки на внутренней стороне маски повествуют о событиях, предшествующих захоронению кукол. Воспользуемся сведениями об этом.

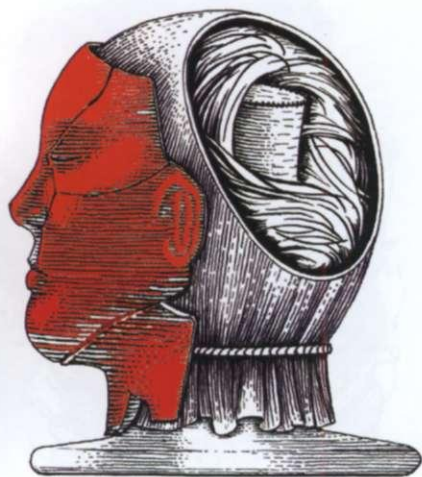

Рис. 149.

Кожаная голова куклы
в маске.
Внутри головы туесок
с пеплом, обмотанный
травой. Белый Яр III.
Реконструкция
С.В. Горюнкова

... Как упоминалось, с древнейших времён узкая прибрежная полоса под горой Тепсей использовалась для захоронений. Возможно, этому способствовали красивые очертания горы, которой посвящали молитвы и жертвоприношения. А вот мест для выпаса скота здесь мало. Вероятно, роща на берегу Енисея оживала лишь периодически, когда производились похороны на находящихся поблизости кладбищах. Так было и в VI веке. Белели круглые берестяные юрты, служившие временными жилищами собравшимся сюда на большие похороны родственникам. Место кладбища принадлежало двум разным этническим группам населения, и каждая — со своими традициями и ритуалами отправки умершего в загробный мир.

Начнём с потомков тех, кто в древности хоронил мёртвых в виде прочных, то есть сделанных на скелетах, искусственных мумий-кукол. Представление о загробном мире оставалось прежним, поэтому и процедура подготовки к погребению была такой же. Почивших взрослых людей после смерти временно захоранивали, затем воскрешали и спустя определённый срок признавали умершими. Потом собирали и, совместно, в могилах сжигали.

Но конкретные ритуалы изменились. Так, при первых, временных, похоронах трупы кремировали, а затем уже пепел, собранный в мешочек, туесок или горшок, клали в неглубокие ямки. **Это первые похороны, которые я называю «малыми», они, ви-**

Рис. 150.
Бронзовые серьги из разных курганов VI века.
Фото А.А. Кириленкова

Рис. 151.
Бронзовые пряжки. Фото А.А. Кириленкова

димо, совершались самыми близкими родственниками, которые держали в тайне место погребения. Спустя год или несколько лет предмет с пеплом вытаскивали. И теперь для пепла либо шили мягкую погребальную куклу, либо одну её голову. В любом случае, чтобы голова была плотной, туесок с пеплом туго обматывали травой и обшивали кожей. Как целую куклу, так и её часть могли делать в своём жилище родственницы покойного. А уж шаману предстояло соединить душу мёртвого и с его пеплом, и с его изображением. Обряженную куклу или голову помещали на особое место в жилище, где её «кормили» и оказывали другие почести. Для головы куклы специально прятали в шкатулках те амулеты, которые были при жизни на её одежде. Например, бронзовые серьги в форме миниатюрных котелков (рис. 150), бронзовые или деревянные пряжки и бляшки (рис. 151).

Самыми оригинальными мужскими амулетами были плоские изображения пары лошадок (рис. 152), повёрнутых головками в противоположные стороны. Из изделий самыми распространёнными и простыми являлись миниатюрные железные удила.

Но, как и веками ранее, проходил срок продления жизни конкретного покойного в том или ином образе. Впадины глаз и рта куклы закрывали кусочком ткани и замазывали порцией гипсового теста. Затем всё лицо закрывали тканью и лепили облицовку — маску, которую расписывали. Чёрная краска изготавливалась из размельчён-

ного древесного угля, красная из охры и киновари, а белая, синяя и голубая — из местной глины.

С признанием человека окончательно умершим начинался новый этап его приближения к загробному миру. В связи с этим головы кукол с масками — урны, видимо, помещали в святилище, где они дожидались времени коллективных похорон. Иногда это продолжалось так долго, что приходилось не только обновлять потускневшую роспись, но и заменять под ней грунтовку и отделочные слои гипса. На масках из курганов под горой Тепсей прослежены все этапы их древней реставрации (рис. 153).

Наконец, наступало время окончательных похорон, которые я называю «большими». Для сооружения кургана свозились заранее заготовленные в лесу брёвна лиственницы и сосны, а с разрушенных логов собирали и выламывали плиты песчаника. Больше, чем раньше, для сооружения требовалось бересты. Хотя её запасы бывали всегда под рукой, ибо в каждом посёлке её постоянно прессовали, вываривали и сшивали для юрт, коробов с одеждой, посуды. А вот шерстяные пологи, расшитые деревянными и золотыми бляшками, участники погребальной церемонии могли привезти с собой вместе с навьюченными на лошадях циновками. Обязательно пригоняли с собой скот, предназначенный для тризн и жертвоприношений, которыми сопровождался каждый акт похоронных действий: при сооружении камеры и ограды, при прощании с покойными, при похоронных и поминальных тризнах.

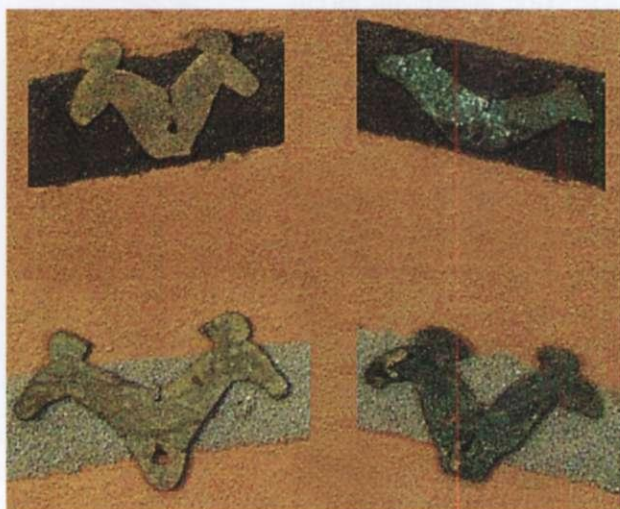

Рис. 152.
Бронзовые нашивки-амулеты
в курганах V—VI вв.
Фото А.А. Кириленкова

Рис. 153.
Следы многократной реставрации маски в древности — замена основных и отделочных слоёв, обновление росписи. Тепсей III курган 2.
Раскопки М.П. Грязнова в 1970 году

Похороны считались праздником мёртвых, которые, после длительного ожидания, воссоединялись со своими родственниками для «новой жизни». Однако праздник для одних оборачивался страшным ритуалом для других, поскольку уже начальная процедура сооружения могилы начиналась с жертвенного убийства нескольких человек.

Выкапывали неглубокий (до 0,7—1 м), но крупный, площадью до 50-80 кв. м котлован, стенки которого обставляли тонкими бревёшками, высотой до 2 м. Каждое бревёшко обматывали берестой. Брёвнами или горбылями застилали пол, складывая на нём клеть из нескольких венцов брёвен. Умерщвлённых людей, часто расчленённых, видимо, рабов или пленных, клали либо в ямки под полом, либо под нижние венцы сруба. Получалось, что реальные мёртвые должны были сопровождать на тот свет символических мертвецов в образе кукол. Брёвна клетки обёртывали берестой, просветы между ними закладывали обрубками дерева, а также и камнями...

Готовое сооружение весьма напоминало реальный зимний дом с наполовину углублёнными в землю деревянными стенами, с крышей, опиравшейся на массивные столбы и имевшей в центре световое отверстие. В реальном жилище оно одновременно служило входом для людей и выходом дыма от очага. В жилище мёртвых через него бросали факел на костёр, сложенный на дне могилы, чтобы сжечь куклы и бюсты. Всё: куклы, и бюсты, и всё иное помещали вдоль трёх стен сруба на полатах, воткнутых между нижними венцами клетки. Вносили их по ступенькам или наклонному спуску, который начинался от поверхности земли. В этом месте стенку котлована не обставляли бревёшками, а просто прорубали два верхних бревна сруба (рис. 155).

Но всё это делалось позже. А сначала, одновременно со строительством крыши, на трёх бортах ямы складывали каменные стены шириной до 2 м и высотой до 1 м. Четвёртая сторона оставалась свободной для прохода к камере. При кладке стенок устраивали скромное пиршество и кормление духов, которым для этого в ямку под углы ограды клали по куску баранины.

Со временем появился ранее неизвестный и не совсем понятный обычай: отрезать от каждого заколотого животного копыто и класть к покойникам. Оставшуюся тушу расчленяли и варили в огромных железных котлах для всех живых присутствующих. Что же, помимо пиршества, делали собравшиеся на похороны люди? Каждый занимался своим делом, в зависимости от таланта и возраста. Художники обновляли лицевую роспись кукол. Скульпторы вырезали из дерева фигурки баранов, оленей, лошадок; их либо окрашивали красной краской, либо облицовывали золотыми листочками. Эти изделия и сопровождали покойников, символизируя собой реальных животных.

По вечерам, в свете костров, старики рассказывали молодым о жизненном пути тех, кто вскоре должен был уйти в мир предков, а также знакомили с родовыми преданиями, историческими событиями. Сюжеты, для наглядности и запоминания, вырезали остриём ножа на узких дощечках и иногда раскрашивали. Среди изображений преобладали эпизоды сражений. То всадники, угоняющие скот. То воины в схватке. То, напротив, воины спасаются от погони и отстреливаются из луков, среди них раненые или мёртвые (рис. 154).

Больше всего хлопот, связанных с похоронами, всегда бывало у каждого шамана и его помощников. Они придирчиво следили за исполнением ритуальных танцев, изображающих встречу мёртвых с их предками, а, уединившись в своей юрте, из разрушенных голов кукол пересыпали пепел человека: или в сосуды, или в коробки, или в ящички. Сюда же клали куски разрушенной облицовки голов — маски. Образно говоря, подготавливали не только настоящую имитацию мёртвого человека, но и его частей к таинству дороги в страну мёртвых.

Наступал день, когда шаман и его помощники размещали на полатах в камере всё, оставшееся от длительного хранения чучел, а также приготовленные для них амулеты. Груды посуды и отрезанных копыт жертвенных животных складывали чаще всего у входа в камеру. Затем шаман проводил церемонию последнего прощания с родственниками. Для этого заранее в центре камеры сооружали «алтарь». Им мог быть крупный камень или плита, врытый пень, деревянный столик и просто основание столба, поддерживающего крышу... Нам неведомы ни жесты, ни заклинания, ни слова песен шамана, с которыми он обращался то ли к духам, то ли к предкам. На этом месте оставались лишь следы этих действий: копыта животных, следы очагов, обломки керамики, изредка бронзовое зеркало, подвеска, фигурка животного. Шаман оставлял внутри камеры горящий факел, а его помощник бросал другой через отверстие в крыше. Одновременное сожжение пепла 50-60 человек преследовало ту же цель, что сожжение искусственных мумий в предыдущие века: облегчить путь мёртвым в страну предков и обеспечить при этом, чтобы ни одна «душа» не затерялась!

Отметим, что, как несколько веков до них, ни шамана, ни присутствующих родственников не интересовал результат поджога. По завершении ритуала они молча расходились после кладбища по домам. Между тем последствия символического ритуала сожжения камеры были самыми разными. Как правило, трава, кожа, береста, составляющие основу кукол, сгорали быстро, а огонь распространялся на деревянные конструкции. От этого обрушивались полаты с куклами и нижние доски кровли. Огонь, без доступа воздуха, затухал, но дерево ещё некоторое время тлело. Оно успевало обуглиться, а маски — закоптиться. Если по какой-то причине огонь в камере раз-

горался не сильно, то куклы просто истлевали, гипс же масок становился рыхлым и крошился.

... Похороны завершались наиболее обильной тризной. На траве в рощице вновь расстилались тростниковые циновки и конопляные полотенца: на деревянных подносах отварное мясо, блюда с рыбой, сыром, лепёшками из дикой гречихи (кырлык), с печёными клубнями сараны. В глиняных банках — нацеженные из кожаных мешков хмельные напитки, приготовленные из корней трав и молока.

Наконец временный посёлок затихал, утомлённый многодневными обрядами. Тишину нарушали лишь звон колокольчиков, привязанных к шеям быков, да лениво перекликавшиеся, разлётшиеся у дымокуров собаки.

В свете догорающих костров едва проглядывали очертания жилищ и остроконечной вершины горы Тепсей. Но с первыми лучами солнца группа мужчин вновь отправилась к кургану. Положив снаружи входа в камеру остатки вчерашнего пиршества, мужчины завершили его строительство. Закрыли отверстие в крыше, заложили её пластами бересты, плитами и брикетами дёрна. Затем сложили последнюю стенку на бортах ямы и замуровали в неё вход.

Перед тем, как свернуть юрты и разъехаться, родственники вновь сошлись на кладбище. Теперь предстояло вспомнить о тех, чьи останки давно находились в курганах с уже полуразрушенными ветром стенками.

На каждом кладбище имелись участки, где поминали усопших. Сюда, по традиции, приносили на блюдах отварные куски баранины и говядины, а в сосудах — кашу и молочную водку. Эти приношения складывали в ямку для одного — двух предков (рис. 156). Ямку закрывали плиткой и обозначали на поверхности земли: либо, вкопав рядом деревянный столб или каменную стелу (см. рис. 156 а), либо её просто обкладывали несколькими рядами камней (рис. 157, см. стр. 125). Для последующих приношений выкапывали новые ямки и вкапывали новые стелы. Поминки по предкам соблюдали все, как описанное население, так и то, о котором расскажем ниже, поэтому со временем ямками с поминами покрывалась почти вся свободная площадь кладбища.

...Другие люди, потомки захороненных в горах Оглахты, также собирались под горой Тепсей для совершения захоронений и сожжений десятков покойников в один приём. Но ни керамика, ни иные вещи, которые клались в могилы, не дают основания считать, когда жили эти люди: раньше или позже вышеописанных. У них производились такие же обильные похоронные тризны, при которых пятки жертвенных животных оставляли умершим. Однако при этом сооружения для мёртвых устраивались значительно более упрощёнными. И хоронили не только кукол, но трупы и даже скелеты с черепами.

Рис. 154.
Деревянная дощечка с вырезанными сюжетами родовых преданий.
Тепсей III курган I.
Раскопки М.П. Грязнова в 1968 году.
Рисунок Л.Н. Баранова

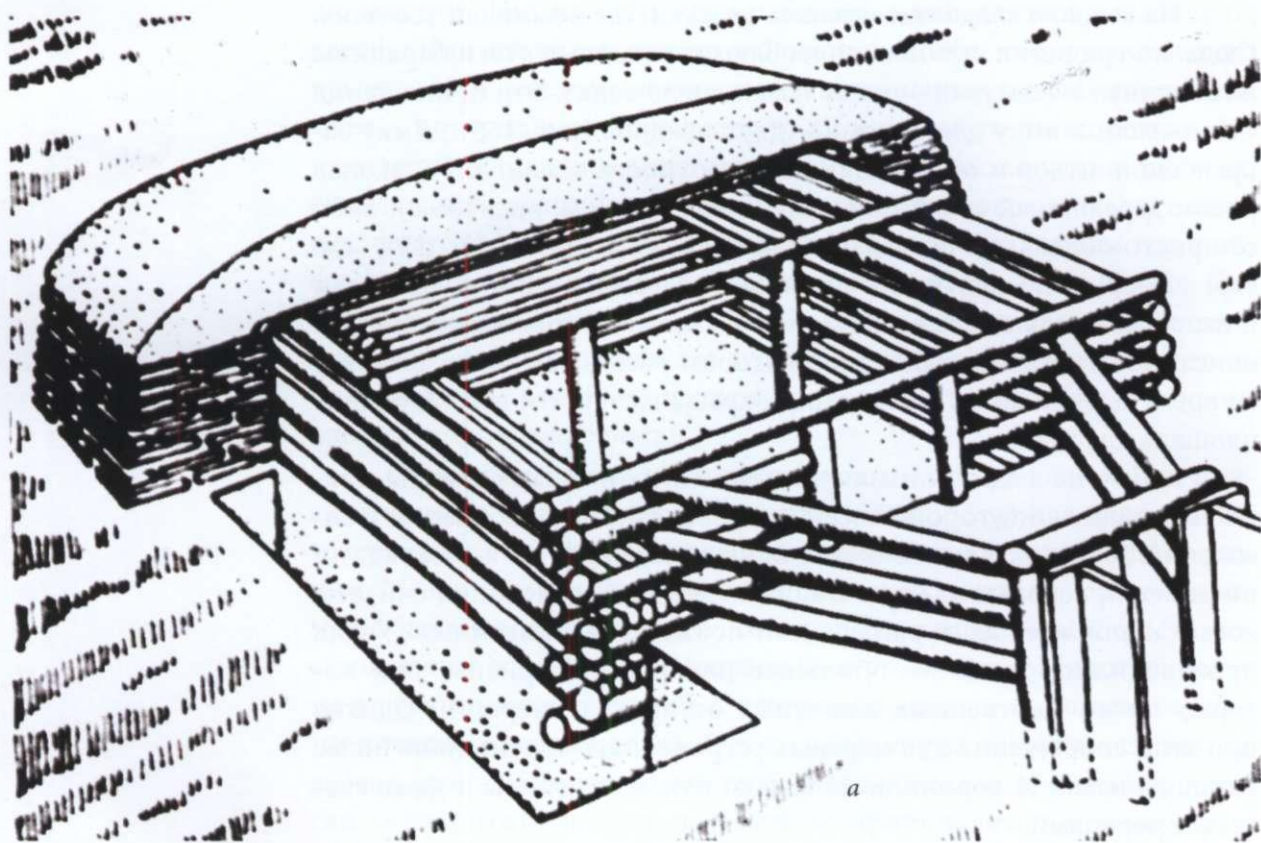

Рис. 155 а, б.
Этапы строительства
погребальных камер.
Тепсей III курган 2.
Реконструкция
Л.Н. Баранова

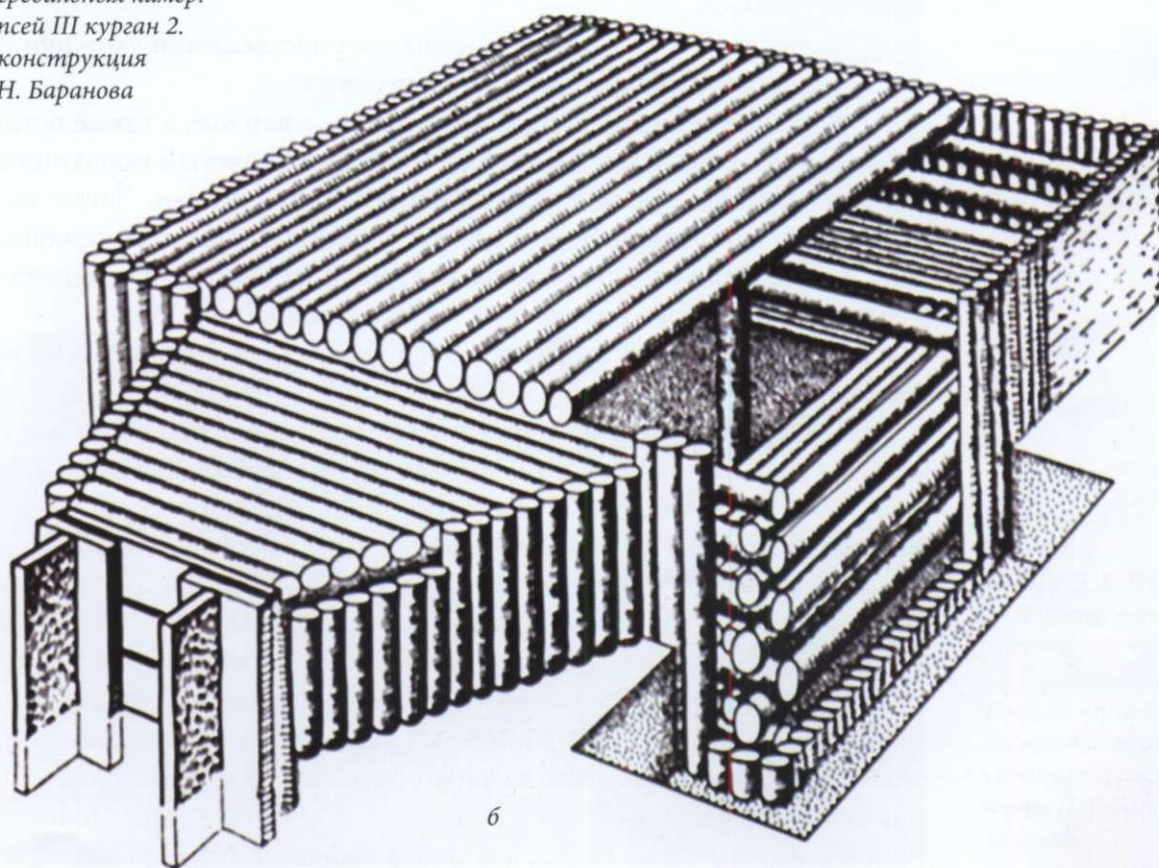

Рис. 156.
Ямка с приношением
умершему родственнику
под горой Тепсей.
Фото М.П. Грязнова

К примеру, выкопали яму глубиной 70 см и площадью 16 кв. м. Стены ямы попросту обставили тонкими плитами, которые прижали одним или двумя брёвнами. На трёх бортах котлована сложили стенку шириной в 1—1,5 м. С четвертой стороны ямы вырубили ведущие в неё ступеньки.

В такую яму однажды собравшиеся родственники уложили 25, а во второй раз в аналогичную — 40 мёртвых.

Как упоминалось, здесь были и куклы с пеплом, а также останки покойных без кремации. Их закрыли одним толстым полотнищем бересты, придавив её по краям бревнами или плитами. Затем вход в котлован закрыли. Вечером поверх бересты, закрывшей покойников, и на камнях ограды развели костры. В их свете долго мелькали тени кружившихся в ритуальной пляске воинов (рис. 158)...

Но остановимся на масках, обнаруженных в больших и малых камерах под горой Тепсей.

В крупных погребальных камерах находилось по 50—60 масок-урн. На трёх из них невооружённым глазом видны отпечатки кусочков ткани, которой закрывали глаза, рот и всё лицо куклы, прежде чем лепить маску. К сожалению, маски в малых камерах, как правило, сгорали вместе с покойниками. Всего в них собраны археологами обломки только от 15 масок, преимущественно с кукол. Масок-урн среди них нет. Отпечатки на внутренней стороне масок свидетельствуют о том, что в каждой такой кукле соплеменники продолжали видеть реального покойника. Ей сначала закрывали кусочком ткани глаза и рот. Затем эти места залепляли гипсом. После этого всё лицо укрывали покрывалом, поверх которого и лепили маску. Половина одной маски куклы осталась в первоначальном виде. Она не сгорела

благодаря тому, что кукла находилась на дне могилы, под другими куклами и скелетами.

Маска женская, белая, рыхлая. Щёки, губы и уши окрашены красной краской. Ею же нарисован узор на лбу. На скулах и шее изображены голубой краской локоны (рис. 159). Судя по отпечаткам на внутренней стороне подбородка, голова куклы сшита из толстой плетёной ткани, а покрывало из тонких кусочков разного шёлка.

Таким образом, смысл масок и там, и здесь одинаков. С их помощью изолировали как реального человека, так и его полную или частичную имитацию живых людей. А главное, констатировали смерть.

Значит, несущественно, изготавливали ли сразу отдельные головы кукол с пеплом, или позже отделяли их от целых кукол, чтобы превратить в бюст. Голову куклы было легче сохранить до похорон, чем всю куклу. Головы-урны занимали гораздо меньше места в камере. Вероятно, и для их размещения использовали не только полати, но и венцы сложенного клетью сруба. Поэтому не исключено, что шеи или подставки приставляли уже к моменту размещения имитаций умерших в камере. Но это ещё предстоит детально выяснить.

Рис. 156 а.
Ученик Э. Б. Вадецкой
А. Л. Заика копирует
рисунки, обнаруженные
на курганных камнях.
Правый берег Красноярского
водохранилища
(Краснотуранский район).
Фото Н. Г. Усаниной.
1991 год

Рис. 158.
Сожжение покойников
в неглубоких котлованах,
обставленных плитами.
Курган у реки
Дальняя Чейя.
Раскопки автора
в 1975 году.
Реконструкция кургана
и гравюра Л.Н. Баранова

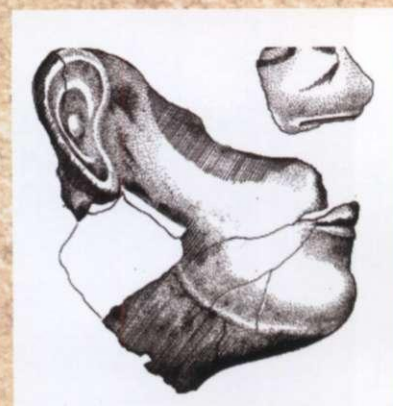
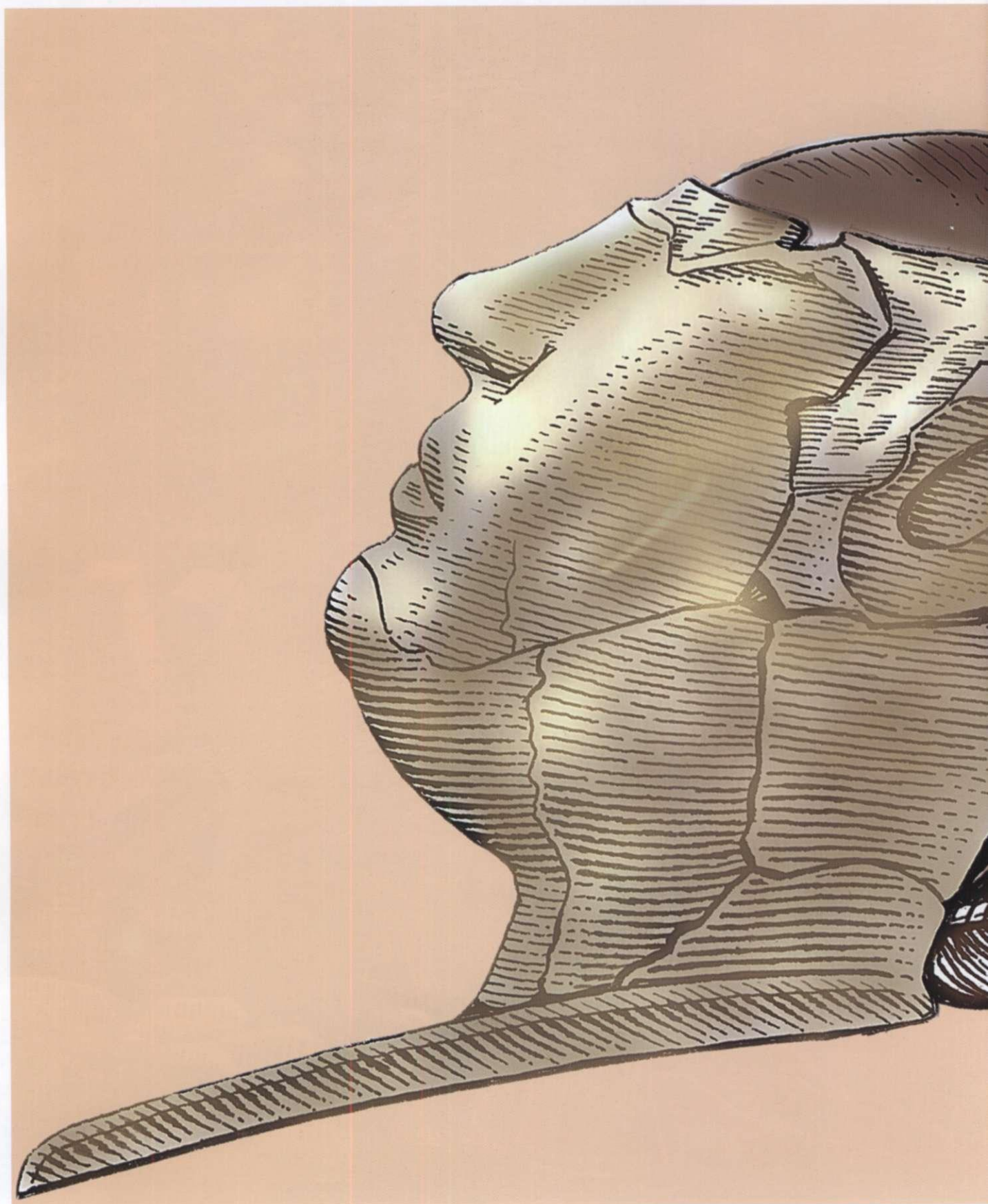

Рис. 159.
Нижняя часть маски
куклы с росписью.
Тепсей III курган 3.
Раскопки М.П. Грязнова
в 1969 году

Глава восьмая

ОТ МИФОВ К РЕАЛЬНОСТИ

■ Покровительство графини Уваровой сибирским ученым, особенно в лице Д.А. Клеменца и А.В. Адрианова

■ Версия К.И. Горощенко о происхождении, технологии и семантике масок

■ Кого изображали енисейские погребальные куклы?..

Рис. 162.

Голова куклы с пеплом человека в мешочке или туеске.

Реконструкция

«Каждый из нас, археологов-любителей, сообщая свои замечания, сведения и соображения, утешает себя тем, что шлиф и песок будут отделены от металла другого, и крупица его войдет в то высокохудожественное произведение человеческого ума, которое мы называем наукой».

Д.А. Клеменц (из письма к П.С. Уваровой)

Маски погребальные. Неизвестно, когда население в долине Енисея начало их использовать. Возможно что сначала они были выполнены из кожи, меха и бересты, поэтому не могли сохраниться до наших дней. Дошло же до нас лишь незначительное число глиняных, а в основном — гипсовые маски, изготовление которых возникло на рубеже новой эры и в первых её веках. И прекратилось в начале VII века.

Первые сведения о них поступили, как указывалось, от грабителей могил в 70-е годы XVIII века. Речь шла дословно о *«человечьих головах, окрашенных красными и зелёными листьями в натуральную величину, внутри пустых, сделанных из фарфорообразной массы»*.

Описание соответствует гипсовым маскам, расположенным среди кальцинированных человеческих косточек в курганах V-VI веков. Под красными и зелёными листьями, видимо, имелись в виду нарисованные красные щёки и голубоватые локоны. Вне сомнения, что не только грабителям, но и просто местным жителям встречались маски чаще, чем известно. Это возможно было, например, при периодическом выветривании или подтоплении курганов. Вот откуда, наверное, легенда о находящихся в могилах «живых лицах». Но немало мифов породили сами учёные, основываясь на ярких предварительных наблюдениях.

...В тот холодный февральский день 1904 года на заседании Археологического общества в Москве, где выступал А.В. Адрианов, было оживлённо. Научное Общество, основанное в 1864 году, размещалось на Берсеневской набережной в здании XVII века. Оно было пожаловано Обществу императором Александром Николаевичем в 1868 году, затем восстановлено в первоначальном виде.

Впрочем, по указанию и наблюдению этого Общества, были восстановлены многие здания в Москве, а ещё больше спасено от уничтожения.

Деятельность Московского археологического Общества не ограничивалась Московской губернией. Оно занималось собиранием, охраной, изучением древних памятников и производением раскопок по всей России. А также устраивало археологические съезды. Общество было полностью независимым до 1908 года, после чего за ним сохранили все права на конкретную деятельность, правда, не иначе, как с согласия Императорской Археологической Комиссии Петербурга.

Самым долголетним и энергичным председателем Общества являлась графиня Прасковья Сергеевна Уварова. Она пыталась каждого коллекционера и работника музея в Енисейской губернии привлечь к поиску и описанию древних вещей, изваяний и курганов.

Особенно покровительствовала П.С. Уварова сибирским учёным в лице Д.А. Клеменца и А.В. Адрианова. С первым, ссыльным народником, который лишь случайно не стал терро-

ристом, у графини завязалась дружеская переписка. Свою благодарность графине Дмитрий Александрович выражал со свойственной ему эмоциональностью. Он, в частности, писал графине:

«Уплата за всё добро, сделанное Вами мне и мне подобным, последует не от нас. Вам ответит за нас русская наука, ответит то высокое дело, которому Вы служите».

Благодаря настоянию П.С. Уваровой и её деньгам, первые маски из раскопок А.В. Адрианова и Д.А. Клеменца поступили в Москву. Она же убедила антрополога К.И. Горощенко написать статью о масках Тагарского острова и оз. Кызыл Куль, которую поместила в уже находящемся в печати очередном томе Трудов Археологического съезда. Даже лично заказала для статьи фотографии некоторых масок. Заинтересованность П.С. Уваровой докладом А.В. Адрианова была известна, поэтому многие пришли на заседание из уважения к энергичному председателю.

Но были и те, кто уже познакомился с масками на выставках и читал о них статью К.И. Горощенко «Гипсовые погребальные маски и особый тип трепанации в курганах Минусинского округа». В ней Горощенко изложил свою версию о происхождении, технологии и семантике масок. Они, по его мнению, возникли в связи с появлением обычая сжигать трупы. Маску снимали с лица мёртвого современным способом, поэтому она портретная. Её укладывали рядом с пеплом человека, и это изображение считалось его двойником. Позже труп стали оставлять не погребённым до тех пор, пока он не разложится, а для ускорения этого процесса в черепе просверливали дырку, то есть трепанировали. Затем восстанавливали по черепу голову с помощью глины либо глины и гипса.

Название доклада, с которым выступил А.В. Адрианов, было явно не случайно, а в качестве ответа на статью К.И. Горощенко, поскольку было практически аналогично:

«О древних погребениях с гипсовыми масками и трепанированными черепами в Минусинском уезде».

Как и ожидалось, А.В. Адрианов с позиции археолога опроверг мнение антрополога о какой-либо связи появления масок с обычаем кремировать покойников. Высказал противоположное мнение о целях посмертной трепанации черепов и наложения масок. То и другое, как он считал, призвано обеспечить не скорейшее разложение тела, а его сохранность до захоронения. Но показал он слушателям не обмазанные глиной трепанированные черепа, о которых конкретно шла речь, а шесть более поздних полых гипсовых масок и голову куклы от чучела. Но о них самих почти ничего не рассказал.

В результате версии К.И. Горощенко о портретности, технологии и семантике масок не только не выглядели опровергнутыми, но послужили толчком к развитию дальнейшей научной мифологии.

Миф первый, самый устойчивый — о том, что маски передают точные черты покойников. Вот почему до сих пор их называют «галерея древних портретов». И это именно то обстоятельство, из-за которого проявился к древним посмертным маскам в долине Енисея особый интерес. Однако личные впечатления о внешности тех, кого маски изображают, оказались субъективными.

А.В. Адрианов увидел в них «превосходно выраженный монгольский тип». Д.А. Клеменц уточнил, что они изображают скуластые, плоские лица и лишь одно из них имело чисто европейские черты. А.С. Кузнецов усмотрел в облике не менее двух масок «чисто арийские и, скорее всего, греческие черты». Позже, уже в 40-х годах XX века антрополог Г.Ф. Дебец создал собственную методику для определения типа масок. Наложив эту методику на 43 маски из курганов Уйбатского чаа таса, он пришел к выводу, что они более всего напоминают облик современных барабинских татар и обских угров (Западная Сибирь), а также шорцев (Алтай). В целом же отражают ещё механическое (первоначальное) смешение европеоидного и монголоидного населения.

Согласитесь, что внешность перечисленных народов далека от греческого типа.

Такая противоречивость суждений возникла потому, что маски, как предполагалось, отлиты по формам, снятым с лица покойника. Никому из этих учёных даже в голову не могло придти, что маски лепили на лицах кукол. Теперь известно, что даже маски, вылепленные на реальных лицах, но через покрывало, часто им не соответствовали. Как же они могли передавать портрет кремированного покойника, вылепленный на кожанно-травяной болванке, служившей головой куклы? У этих масок стандартно показаны лишь закрытые глаза и рот, подчёркивающие образ мёртвого человека. Остальные черты лица либо схематичны, либо различаются по большим и малым носам и очень разнообразным ушам. Последние явно вылеплены произвольно. Что касается носов, то их размеры и вид зависели от того, как именно нос обозначался на кукле. Ибо иногда на месте носа пришивали лишь кожаную нащёпку. В других случаях протыкали узкую палочку, закрывая её кожей. Крупные носы отдельно выстукивали из дерева и обшивали кожей. Затем приклеивали или пришивали к лицу куклы. Какой был нос у куклы, можно увидеть по отпечаткам с тыльной стороны масок. Лишь в исключительных случаях на маске изображена как бы та или иная особенность лица. Ею могут быть либо выступающий подбородок, либо пухлые щеки, либо горбинки носа или изгибы век и губ. Характерная деталь явно преувеличена, чтобы бросаться в глаза. Словно скульптор пытался передать то, что больше всего ему запомнилось в облике умершего. Именно эти единичные маски создают впечатление, что они отражают «портрет» мёртвого. К сожалению, даже они не могут быть, как предполагалось, достоверным источником информации о внешнем виде захоронённых.

Миф второй касается семантики кукол. Пока не стало известно, что куклы изображают кремированного покойника, об их назначении были высказаны две версии.

Найдя в горах Оглахты человекоподобные чучела, А.В. Адрианов вспомнил, что добродетельные китайские жёны, первоначально когда-то по смерти мужа кончавшие самоубийством, стали вместо себя бросать в его могилу какой-нибудь символ, в частности, соломенный макет. Он предположил, что схожие обычаи могли из Китая проникнуть на Енисей. Хотя в этом могильнике куклы-чучела изображают мужчин, китайское влияние не исключал и С.А. Теплоухов. Вторая версия принадлежит Л.Р. Кызласову, который предположил в тех же манекенах так называемых «заменителей мёртвого». Что это такое?

Не секрет, что умерших родственников изображают до сих пор. На каждом кладбище мы видим погребальные скульптуры на могилах, либо фотографии на памятниках. С ними общаются, разговаривают. Значит, подсознательно по-прежнему, как в давние времена, верят, что в этих изображениях таится душа погребённого. Ранее у многих народов практиковались не только постоянные, но также временные изображения усопших, хранящие их души.

Они заменяли покойника в течение от года до пяти лет. Подобные обычаи сохранились у народов Сибири, Дальнего Востока, Китая и, слабее, в Средней Азии.

Символом мёртвого мог быть как простой камень или обрубок дерева, завернутый в ткань, принадлежащей покойнику, так и фигура человека в его одежде. Самые простые заменители, например, у тюркоязычных народов — это одежда или пика покойного (казахи, киргизы), деревянный шест, верхняя часть которого вырезалась в виде головы человека (томские и тарские татары), фигурка, сделанная из нижней части лошадиной или коровьей бабки, окутанная шкуркой зверя (якуты).

Установлено, что самые сложные изображения культивируются у юкагиров, эвенков и нивхов. Ещё недавно эвенки и юкагиры изготавливали куклы из останков или голов усопших шаманов, которые позже были заменены деревянными идолами. Нивхи вкладывали в деревянные фигурки заменителей умерших кусочки черепной кости сожжённого, часть его волос. При этом одевали фигурки в прижизненные одежды умерших.

Самые разнообразные фигурки присуще было применять у северных народов, самодийцев и особенно угров. Фигуркам давали собственные имена и называли их «куклами мёртвого». Их изготавливали разного размера и из разного материала, включая волосы покойника. Одних кукол можно было сажать на почётное место в жилище. Других прятали в коробочки. Китайцы, спустя срок, заменяли маленькую фигурку с душой мёртвого на поминальную та-

Рис. 160.
Чучело-кукла, сделанная
по скелету человека.
Реконструкция

бличку, а нанайцы (Приморье) — на крупную фигуру, в одежде и маске (мугдэ), которую символически сжигали. В течение нескольких лет могло состояться захоронение человека, и родственники приходили на кладбище, навещая его и поминая. Но лишь только тогда, когда его символ тем или иным способом уничтожали — прятали, бросали на гроб, зарывали, сжигали — реальный мертвец, уже похороненный, считался окончательно умершим. Таким образом, изготавливая заменителей умершего человека, его соплеменники как бы продлевали ему жизнь.

Однако вопреки первоначальному мнению, енисейские погребальные куклы не являлись такими заменителями. Они изображали самого мертвеца. Вспомним, что предварительно чучела изготавливали на скелете покойника (рис. 83, 160). Затем без скелета, но внутри чучела (в туловище или голову) обыкновенно вкладывали мешочек с пеплом конкретного человека (рис. 161).

Ещё позже особенным образом изготавливали голову чучела: на каркасе в виде мешочка или туюска с частью косточек, остававшихся при кремации (рис. 162).

Все эти изображения воспринимались своими создателями как живые. Это подчеркивалось открытыми глазами и приоткрытым ртом, позволяющим данным символам ожившего человека видеть и дышать. До того срока, когда их, с помощью маски, превращали в мёртвых, проходило время, иногда весьма значительное. Значит, назначение данных изображений, как и более поздних, — продлить земную жизнь покойника.

При этом обращает на себя внимание их особая близость с теми фигурками XVIII-XIX веков, для которых использовались не только одежда, принадлежащая покойнику, но частички его тела, скелета, волос. Что позволяет видеть в енисейских куклах прототипы этнографических.

По-видимому, такие символы мёртвых, зародившиеся в древности на Енисее, продолжали изготавливаться и позже. К ним относятся каменная стела из улуса Кызлас — с изображением лица покойного, очень напоминавшего маску из курганов VI в (рис. 163), а также «тулы» ранних тюрков. «Тулом» называлось символическое изображение умершего, которое хранили в юрте в течение определенного срока.

Существование «тулов» подтверждается найденной в Туве древнетюркской (VIII—IX вв.) эпитафией. От имени умершего в ней говорится: «На шестьдесят первом году (жизни) я на голубом небе не стал видеть солнца. Моя княжна в тереме сделала «тул».

Миф третий о заменителях умершего связан со смыслом самих масок. Горощенко К.И. было известно о наличии заменителей умершего только у обских угров, торгоутов Монголии и калмыков.

Угры их изготавливали из дерева и прутьев. Торгоуты и калмыки лепили заменителей из глины, в которую добавляли остатки пепла человека. Монгольские племена ставили их прямо на месте сожжения покойника. Калмыки помещали «заменителей умершего» в надмогильные сооружения, вместе с изображением самого человека.

Исходя из этих сведений, К.И. Горощенко считал, что маски с Тагарского острова являются такими же заменителями мёртвого, как указанные. Но этнографы, тогда же изучавшие обычаи обских угров, не поддержали его мнение, а нашли иное объяснение древним маскам. Они отождествили их по смыслу с лицевыми покрывалами тех же угров, которые изолировали мёртвого от живых.

Конечно, во все времена народы покрывали лицо мёртвому. Под енисейскими гипсовыми масками также имелись покрывала, как на трупах, так и на куклах. Причём в них обнаружились прорезы для глаз и рта. Поэтому этнографы имели в виду нечто другое, конкретное. А именно: как только у обских племён умирал человек, все выходили из дома, кроме одной или двух старух, которые перевязывали покойнику голову наглухо платком, тряпкой, иногда зашивали в мешок. Поверх платка к глазам пришивали всегда, а поверх рта, ушей и носа иногда — монеты либо пуговицы. Сходство гипсовых масок с подобными покрывалами наблюдается в том, что они также изолируют все отверстия головы, из которых могла выйти душа мёртвого и причинить зло окружающим.

Сходство же покрывал с масками заключается в том, что, поверх них обозначены детали лица, поэтому и такие покрывала иногда тоже называют «масками».

Из-за создавшихся ассоциаций в археологической литературе прочно закрепилось мнение, что и гипсовые маски трупов и кукол служили для изоляции мёртвого от окружающих. Со временем стало известно, что шкуркой или куском ткани с той же целью закрывали лица мертвецов некоторые другие народы Севера Сибири и Дальнего Востока. Поэтому сходство использования сибирскими народами масок с лицевыми покрывалами расширилось.

Но теперь стало ясно, что маски лепили на куклах спустя значительный срок после изготовления последних, когда фиксировали не физическую смерть человека, а наступившую уже по религиозным представлениям племени. В этом нет ничего необычного, ибо, по верованиям многих народностей, физическая смерть человека не совпадает с её признанием. Неожиданностью является сам способ превращения «живой куклы» в мёртвую.

С этой целью, как уже доказывалось, закрывали тряпкой, замазывали гипсом открытые глаза и рот куклы. А главное, лепили лицо мёртвого человека обязательно с закрытыми на нём глазами и сомкнутыми губами. Констатация смерти, а не защита живых от мертвых — вот основной смысл масок.

Рис. 161.
Чучело-кукла, внутри
которой мешочек
с пеплом человека.
Реконструкция

Что же касается лицевых покрытий угров XIX—XX вв., когда к ним пришивали монеты или пуговицы, то их происхождение, видимо, не связано с возникновением обычая использования древних енисейских масок. Дело в том, что в VI—XIV веках в Волго-Камском районе, где среди разных народов проживали предки угров, на шёлковые лицевые покрывала мёртвых пришивали как отдельные серебряные и золотые наглазники с наротником, так и целые личины и полу-личины. Позже в XIV—XVIII веках угры в Томском Приобье на лица мёртвых надевали лишь повязки, но тоже с нашитыми на месте глаз и рта металлическими пластинами.

Между тем, многовековая традиция народов центра Сибири изготавливать ярко раскрашенные маски и длительно их хранить вряд ли могла остаться тайной для всех живущих за пределами этой территории. В Китае погребальные маски не культивировались, хотя глаза мёртвого прикрывали квадратными кусочками ткани, соединёнными шнурком, а всё лицо — шёлковым покрывалом, с завязками под подбородком.

Но в IV—VII веках к юго-западу от Саян, в Турфанском оазисе (Восточный Туркестан) существовал обычай нашивать на внутренней стороне шёлкового покрывала, напротив глаз, металлические пластины-наглазники. В центре наглазников, вместо прорезей, просверлены группы точек. Можно ли в этих покрывалах предполагать влияние енисейских масок? Каков ответ на этот вопрос, покажут будущие исследования.

Миф четвертый — о названии «маска», которое дано А.В. Адриановым. Именно оно закрепилось в литературе.

Все наши маски несъёмные. Они напоминают объёмный грим актёров народов Востока. Те покрывают лицо несколькими толстыми слоями рисовой пасты или рисового клейстера, и оно превращается в неподвижную маску. Древние сибирские маски изготовлены схожим способом, но из гипсовых слоёв. Кроме того, они закрывают не лицо, а три четверти головы. Поскольку под масками, как правило, имеют в виду то, что надевалось на лицо или голову, наши тонкие маски правильнее называть обмазками, а толстые — скульптурами.

Изучением росписи масок мои научные предшественники не занимались. Ими высказано лишь предположение о том, что маска отражает татуировку лица живых людей. Так ли это? Суммируем главное, что известно об их росписи.

Маски лепили из гипса, естественный цвет которого, от чисто белого, кремового или чуть желтоватого, зависел от наличия тех или иных примесей, присущих разным месторождениям. Но всегда, чуть подсушив маску, её окрашивали в яркие цвета. Белых масок не было! Те, что выглядят белыми, просто являлись первоначально красными, потому и несут на себе следы этой краски.

Красный цвет вообще был любимым цветом населения Енисея в I—VI веках. Им окрашивали не только маски, но и деревянные изделия, которые клали в могилы. В частности, модели луков, ножей и кинжалов в ножнах, деревянные фигурки баранов и коней. Он же всегда был самым распространённым и у других древних народов — как символ одновременно крови и вечной жизни. Красной краской часто покрывали лица воинов в торжественных плясках и военных походах. Неудивительно, что именно мужские погребальные маски сплошь окрашивались красной охрой или киноварью. Чёрная краска использовалась лишь для прорезей глаз, сомкнутых ресниц и реже для горизонтальных полос поперёк лица. Смысл полос не выяснен, но ясно, что сплошная окрашенность лица между ними не могла означать татуировку.

Красный цвет оставался основным и для женских масок. Судя по этим маскам, женщины при жизни красили губы, щёки, иногда окрашивали ноздри и уши. Углём подводили лишь глаза. Они носили разные причёски: стрижки ниже ушей, спадающие на шею локоны,

Рис. 163.
Стела со скульптурой
лица, очень
напоминавшего
погребальную маску
из курганов VI века.
Хакасский
республиканский музей

пучки волос на затылке. Для изображения волос на масках использовались краски из глины разных оттенков: зеленоватых, голубоватых, почти синих. При этом понятная роспись сочеталась с достаточно загадочными спиралями на лбу и висках. Спираль не могла означать обычную татуировку, поскольку многие узоры выскабливались на предварительно нанесённом красном фоне. А вот что означают эти узоры — другой вопрос.

В период, когда на Енисее для погребальных масок стали использовать гипс (I—IV вв.), торговые города, стоящие на торговых путях с Запада в Китай, были завалены китайскими тканями. Шёлковый путь оправдывал своё название. Ткани находят в могильниках Средней и Центральной Азии, в самых глухих местах Сибири. На склоне горы Оглахты похоронены бедные люди: некоторые из них одеты в шубы с заплатками. Но во всех трёх хорошо сохранившихся могилах найдены кусочки от более чем двух десятков видов шёлковых тканей — тонких и толстых, однотонных или с узорами и надписями. Резонно считать поэтому, что густые узоры на ранних гипсовых масках могли быть скопированы с тканей.

Позже отдельные узоры, прежде всего разнообразные спирали, приобрели магическое значение. В Китае спирали означают долголетие, в Сибири и на Дальнем Востоке — символы солнца и производительных сил природы. При таком объяснении понятно, почему их рисовали на лбу только женских масок как символов плодородия.

Однако нельзя исключать и определённое местное влияние на появление некоторых узоров росписи погребальных масок...

В первой главе я указывала на древнейшие каменные скульптуры Енисея, на которых высечены детали ритуальной одежды, а лицо человека скрывает маска с очень интересной росписью. Её имитируют высеченные на лбу круглый или квадратный значок, а также пересекающие в разных местах лица полосы (рис. 21—23).

На скульптурах обозначены грудь и живот, поэтому в народе их называют «девицами, бабами, старухами». Эти камни помнили многое. Когда им поклонялись как божествам, то по праздникам перед ними состязались в стрельбе лучники, плясали ряженные в птичьих и звериных масках, на шестах перед ними развешивались шкуры баранов, кровью которых вымазывали рот идола.

...Промелькнули века, сменились народы. Смысл камней забылся. Ранее окрашенные охрой они потускнели, многие детали лица стерлись. Не обращая внимания на старые рисунки, поверх них наносили новые. Но так поступали не везде.

Год из года, пася скот около таких каменных идолов, любознательные пастухи, пытались разгадать, что же означают три глаза и полосы поперёк лица божеств?..

В том, что до сих пор местные жители умеют видеть изображения на камнях, я убеждалась неоднократно. Приведу забавный, на первый взгляд, случай.

В 1969 году у пос. Ербинская я разыскивала одну «каменную бабу», известную учёным уже со второй половины XIX в. Розыски затянулись, и я обратилась к встретившемуся на дороге мальчугану лет 12-ти. Попробовала описать, как выглядел камень, который искала. Объяснила, что на лице изваяния должен быть рельефный нос, с двух сторон которого высечены горизонтальные полосы. Что от середины головы, между рогами и ушами животного, к верху камня, тянется волнистая лента. Что под подбородком, между еле приметными выпуклостями груди, прочерчены три concentрических круга.

Мой юный собеседник внимательно меня выслушал и ответил, не раздумывая:

«А, знаю. Эта девка с «титьками». Никто не видит, а я вижу».

Однако в ответ на мою просьбу показать дорогу к «девке» паренёк вздохнул, потупился и признался:

«Я, тетенька, дорогу ногами знаю, а глазами не знаю»...

Нет сомнения в том, что 15 веков назад, когда художники начали расписывать гипсовые маски магическими узорами на лбу либо полосами, рисунки на этих древних идолах были более заметными, чем в настоящее время.

Вот мы и открыли новую страницу в изучении религии древних племён Енисея. Согласно ей, умершего временно хоронили или сжигали, затем «оживляли», изготовляя его изображение, которому придавали вид «живого» человека. Но в конечном итоге с помощью маски, передающей лицо мёртвого человека, это же изображение превращали в образ окончательно умершего. Выяснилось, что маски-обмазки, а точнее, отпечатки на их внутренней стороне можно расшифровывать, в частности, с привлечением точных наук.

Вот тут-то мифы столкнулись с реальностью и оказались, наконец, побеждёнными.

...Застыли в гипсе лица людей, давно ушедших в вечность. Но история нам оставила свидетельства того, какими они были живыми.

Закрытые глаза и сомкнутые губы — отражение состояния глубокого покоя, и всё же яркая магическая роспись их оживляет.

Что это за скульптуры древности?

Почему их называют масками?

Когда, как и зачем их изготовляли, и каким образом маскам удалось сохраниться до наших дней?

Эти вопросы постаралась осветить автор.

Осень, конец полевого сезона. Любопытные обитатели степи (Шарыповский район, близ пос. Дубинино) высочили попрощаться с археологами...

Заключение автора

Скульптуры лиц мёртвых, после многовекового заточения в сожжённых гробницах, выглядят облупленными и закопчёнными. И всё равно не оставляют равнодушными посетителей музеев, где выставлены. Притягивает к ним их таинственность и всегда живущее в людях желание глубже понять историю жизни на земле, историю человеческую.

Таинственность древних ритуальных обычаев не могут разрушить даже наши современные знания о масках, хотя, надеюсь, они позволяют хотя бы чуть-чуть приблизиться к их пониманию.

В моей памяти постоянно — калейдоскоп образов.

Одни я вынимаю, как из шкатулки, по надобности. Это образы людей разных исторических эпох, облик которых домысливаю по мёртвым останкам, по изделиям, оставшимся от них и посвящённым их душам, их потусторонней сущности.

Образы других всегда со мной. Говорю не только о тех, кто до меня работал для истории Красноярья, но и о тех людях, кто вместе со мной производил раскопки или просто их посещал из любопытства.

Археологические исследования не осуществляются в одиночку. В частности, это касается и масок. Их рисовали и фотографировали для меня в музеях разные люди. Состав глиняного и гипсового теста изучали химики и ботаники. Антропологи и палеоантропологи устанавливали состояние человеческих останков, которые превращались в мумии-куклы. Коллеги-археологи передавали мне для исследования маски, которые они находили при раскопках...

Но большинство известных скульптур принадлежит либо моим предшественникам А.В. Адрианову, Д.А. Клеменцу, С.А. Теплоухову, либо моим учителям С.В. Киселёву и М.П. Грязнову, от которых я получила не только права, но и обязанности продолжить разгадывание тайн масок и, возможно, полнее, описать их.

Наиболее интересные из масок помещены в Приложении.

Приложение

В данном разделе книги помещён альбом, содержащий 48 масок. Большинство из них представлены в том виде, как хранятся сейчас. Дополнительно сфотографированы 14 масок в авторской реконструкции их росписи.

При каждой маске указано место хранения (музей) на русском и английском языках. Более подробные сведения о маске (её размеры, словесное описание, цвет, место раскопа и какой археолог нашёл «скульптуру», место хранения и номер коллекции, кто фотографировал) даны в Каталоге. Там же, если маска уже публиковалась, указан печатный источник.

Завершается «Приложение» текстами на английском языке («Summary») и описанием масок на английском языке.

Альбом и каталог масок в Приложении

В прилагаемом альбоме помещены гипсовые маски трёх видов. Самые древние и редкие маски нанесены (двумя тонкими слоями гипса) поверх черепа человека, моделированного глиной и обшитого кожей. Маски второго вида нанесены (двумя тонкими слоями гипса) поверх лоскутка шёлка или кожи на передней половине головы трупа.

Третьи, более толстые и самые многочисленные маски, вылеплены на передней половине кожано-травяной головы куклы. Их нижние слои (от одного до трёх) слеплены из кусочков гипса и обмазаны двумя тонкими слоями. Иногда для скрепления нижних слоёв между ними проложены побеги растений. В настоящее время эти маски полые, так как их каркас (голова куклы) либо истлел, либо сгорел. Большинство имеют шею, а крепились к подставке разными способами...

1. Маска поверх черепа женщины, моделированного глиной.
Белая, с красной росписью на щеках, между глаз и на подбородке. Могильник Каменка III могила 71 б, правый берег Енисея, I—II вв. Раскопки Я.А. Шера в 1967 г. Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург. Коллекция 2621 № 110. Фото Д.А. Бобровой. [Вадецкая, 1999, рис. 85,1; Вадецкая, 2004, рис. 1,5]
2. Маска поверх черепа женщины, моделированного глиной. Белая, со следами красной краски на губах, щеках, между глаз.
Курган Новые Мочаги, левый берег Енисея. Хакасия. II—III вв. Раскопки Н.Ю. Кузьмина в 1983 г. Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург. Коллекция Новые Мочаги, череп № 34. Фото Т.А. Ершёвой. [Вадецкая, 1999, рис. 85, 2; Вадецкая, 2004, рис. 1,4; Вадецкая, Протасов, 2003, рис. 6]
3. Маска с черепа женщины, моделированного глиной. Белая, с окрашенными губами и красной росписью на щеках. Курган Новые Мочаги, левый берег Енисея. Хакасия. II—III вв. Раскопки Н.Ю. Кузьмина в 1983 г. Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург. Коллекция Новые Мочаги, маска № 43. Фото лаборатории Эрмитажа. [Вадецкая, Гавриленко, 2006, рис. 4]
4. Маска (15х13 см) с черепа подростка. Красная, с чёрными бровями и прорезями глаз. Могильник Оглахты I могила 7, левый берег Енисея. Хакасия. Раскопки А.В. Адрианова в 1903 г. Государственный Исторический музей. Москва. Коллекция. 43931 № 2. По фотографии Императорской Археологической Комиссии 1903 года и рисунку Л.А. Соколовой. [Вадецкая, 1999, рис. 6,3; Вадецкая, 2004, рис. 3,1]
5. Маска поверх зелёной шёлковой ткани на мужском черепе. Красная, с чёрными прорезями глаз и двумя широкими полосами вдоль лба и под глазами.
Могильник Оглахты, левый берег Енисея. III в. Раскопки Л.Р. Кызласова в 1969 г. Государственный Эрмитаж. Коллекция 2864 № 2. Фото Д.А. Бобровой. [Вадецкая, 1999, рис. 6,2; Вадецкая, 2004, рис. 2; Кызласов Л.Р., Панкова С.А. рис. 2]

6. Маска на женском черепе. Белая. Окрашены красным лоб с висками, уши, ноздри, губы и щёки, а чёрной краской прорези глаз. На лбу, висках, затылке выскоблены до грунта узоры. Под маской сохранились кожа и волосы. Раскопки Л.Р. Кызласова в 1969 г. Государственный Эрмитаж. Коллекция 2864 № 1. Фото Д.А. Бобровой. [Вадецкая, 1999, рис. 6,1; Вадецкая, 2004, рис. 1]
7. Маска с черепа мужчины. Белая, первоначально была сплошь окрашена охрой. Могила у здания гос. банка г. Абакан. Хакасия. IV в. Раскопки А.Н. Липского в 1947 г. Хакасский республиканский музей им. Л.Р. Кызласова. Абакан. Фото А.А. Кириленкова. [Липский, 1956, рис. 1; Вадецкая, 2004, рис. 3,4]
8. Маска с черепа женщины. Белая, со следами красной росписи на лбу и щеках. Могильник Терский у Сарагашского залива, левый берег Енисея. Хакасия. III в. Раскопки Э.Б. Вадецкой в 1989 г. Государственный Эрмитаж. Коллекция 2923 № 1. Фото Д.А. Бобровой. [Вадецкая, 1999, рис. 6,4; Вадецкая, 2004, рис. 4]
9. Маска с черепа женщины. Желтоватого цвета, с красной росписью на лбу и носу. Красным окрашены щёки и губы, прорези глаз — чёрные. Могильник у д. Абакано-Перевоз, левый берег Енисея. Хакасия. III в. Раскопки А.И. Готлиба в 1993 г. Археолого-этнографический музей Института истории и права ХГУ им. Н.Ф. Катанова. Абакан. Фото А.А. Кириленкова.
10. Маска (18x16 см) с головы мужской куклы. Край лба обломан. Белая, сплошь окрашена красной краской. Прорези глаз еле намечены. Раскопки А.В. Адрианова в 1883 г. Курган на Тагарском острове, правый берег Енисея. VI в. Государственный Исторический музей. Коллекция 24959 № 1. Фото Г.В. Кубарева. [Вадецкая, 2004, рис. 8]
11. Мужская маска (14,5x13 см). Белая, со следами сплошной окраски охрой. Прорези глаз тёмные. Раскопки А.В. Адрианова в 1883 г. Курган на Тагарском острове. Минусинский краеведческий музей им. Н.М. Мартыанова. Коллекция 9744 № 15. Фото А.А. Кириленкова. [Вадецкая, 1999, рис. 50, 2; Вадецкая, 2004, рис. 6,2]
12. Женская маска (20x17 см) от бюста с длинной шеей, вставленной в подставку. Кремового цвета. Окрашены красным губы и узор на лбу. Синей краской нарисованы прорези глаз и бусы на груди, от которых остались следы. Раскопки С.А. Теплоухова в 1923 г. Курган под горой Барсучиха, левый берег Енисея. Хакасия. VI—VII вв. Государственный Эрмитаж. Коллекция 4134 № 11а (маска), б (подставка). Фото Д.А. Бобровой. [Иванов, 1975, № 1; Вадецкая, 1999, рис. 48,4; Вадецкая, 2004, рис. 13]
13. Женская маска (12x14 см) с обломанным лбом по линии глаз. Белая. Красным окрашены щёки, губы, ноздри, голубой — прорези глаз и узор в виде круга на скулах (сохранился на правой скуле). Тёмно-красная краска нанесена при современной реставрации поверх подлинной более светлой красной краски. Раскопки С.А. Теплоухова в 1923 г. Курган под горой Барсучиха. Государственный Эрмитаж. Коллекция 4134 № 13. Фото Д.А. Бобровой. [Вадецкая, 1999, рис. 48,1; Вадецкая, 2004, рис. 14]

14. Мужская маска (20х17 см) от бюста с обломанной шеей. Толстостенная. Серовато-зелёного цвета, местами сильно закопчена.
Раскопки С.А. Теплоухова в 1923 г. Курган под горой Барсучиха.
Государственный Эрмитаж. Коллекция 4134 № 10. Фото А.А. Кириленкова. [Иванов, 1975, № 2; Вадецкая, 1999, рис. 48,2]

15. Левая половина маски (18х15х9 см) от куклы, с отломанным ухом. Серая, закопчённая. На подбородке и скуле следы окраски красной краской.
Раскопки С.В. Киселёва в 1928 году. Курган 1 у с. Усть-Тесь на рч. Туба, правом притоке Енисея. V—VI вв.
Минусинский краеведческий музей им. Н.М. Мартянова. Коллекция 9776 № 20. Фото А.А. Кириленкова). [Вадецкая, 1999, рис. 51,1; Вадецкая, 2004, рис. 6, 4]

16. Мужская маска (15х18) с обломанным лбом. На лице следы сплошной окраски красной краской. Прорези глаз нарисованы еле видной серой краской.
Раскопки С.В. Киселёва в 1928 году. Курган 1 у с. Усть-Тесь.
Минусинский краеведческий музей им. Н.М. Мартянова.
Коллекция 9776 № 16. Фото А.А. Кириленкова. [Вадецкая, 1999, рис.51,2; Вадецкая, 2004, рис. 6,5]

17. Левая половина маски (21х18)от бюста с обломком шеи. Серая, закопчённая, на носу, подбородке и ухе следы сплошной окраски красной краской.
Раскопки С.В. Киселёва в 1928 году. Курган 1 у с. Усть-Тесь.
Минусинский краеведческий музей им. Н.М. Мартянова.
Коллекция 9776 № 14. Фото А.А. Кириленкова [Вадецкая, 1999, рис. 51,8]

18. Маска (13х10 см) с обломанным лбом и левой щекой. Верхний красочный слой облупился.
Раскопки С.В. Киселёва в 1928 году. Курган 1 у с. Усть-Тесь.
Минусинский краеведческий музей им. Н.М. Мартянова.
Коллекция 9776, № 22. Фото А.А. Кириленкова. [Вадецкая, 1999, рис. 51,5]

19. Маска (19х15) без носа. Склеена из мелких фрагментов. Раскопки С.В. Киселёва в 1928 году. Курган 1 у с. Усть-Тесь.
Минусинский краеведческий музей им. Н.М. Мартянова.
Коллекция 9776, № 26. Фото А.А. Кириленкова.

20. Маска (19х15) с обломанными верхней частью лба и кусочком носа. Желтовато-серая, слегка закопчённая.
Раскопки С.В. Киселёва в 1928 году. Курган 1 у с. Усть-Тесь.
Минусинский краеведческий музей им. Н.М. Мартянова.
Коллекция 9776, № 40. Фото А.А. Кириленкова.

21. Маска (22х14,4 см) от куклы. Белая, со следами сплошной окраски розовой или светло-красной краски. Прорези глаз нарисованы чёрной краской.
Раскопки С.В. Киселёва в 1932 году. Курган 2 у с. Усть-Тесь. V—VI вв.

- Государственный Исторический музей. Коллекция 8175 №37. Фото Г.В. Кубарева. [Киселёв, 1949, табл. 40,1; Вадецкая, 2004, рис. 18]
22. Бюст на высокой овальной подставке. Желтовато-коричневый, слегка закопчённый. Следы красной краски на щеках, губах, голубой — под ухом. Раскопки С.В. Киселёва в 1928 году. Курган у села Кривинское, правый берег Енисея. V—VI вв. Государственный Исторический музей. Коллекция 69773 № 35. Фото Г.В. Кубарева. [Вадецкая, 2004, рис. 19]
23. Маска (15x15см) от бюста, с обломанным лбом и шеей. Курган на горе Бычиха у с. Сыда, правый берег Енисея. V—VI вв. Белая, со следами красной краски на носу и щеках. Раскопки С.В. Киселёва в 1929 году. Минусинский краеведческий музей им. Н.М. Мартянова. Коллекция 9790 №19. Фото А.А. Кириленкова. [Вадецкая, 1999, рис. 52,3; Вадецкая, 2004, рис. 5,1]
24. Тяжёлый и хрупкий бюст с обломанным лбом выше глаз. Размер лица 17x15 см. Размер подставки 23x18 см. Серый, сильно закопчённый. Раскопки В.П. Левашёвой в 1936 году. Курган 6 на Уйбатском чаа тасе, между рр. Уйбат и Бея. Хакасия. VI—VII вв. Минусинский краеведческий музей им. Н.М. Мартянова. Коллекция 9864 № 67. Фото А.А. Кириленкова. [Вадецкая, 1999, рис. 49,7; Вадецкая, 2004, рис. 4, 6]
- 25 а. Женская маска (21x16) от куклы и её правая сторона. Желтоватого цвета со следами красной краски на лбу, носу и щеках. Раскопки С.В. Киселёва в 1936 году. Курган 5 на Уйбатском чаа тасе. VI в. Государственный Исторический музей. Коллекция. 78558 № 5. Фото Ю.В. Демиденко.
- 25 б. Та же маска после реконструкции росписи. [Вадецкая, 2007, рис. 14]
- 26 а. Женская маска (23x17) и её правая сторона. Желтоватого цвета с красным узором на лбу, окрашенными щеками и губами. Раскопки С.В. Киселёва в 1936 году. Курган 5 на Уйбатском чаа тасе. VI в. Государственный Исторический музей. Коллекция. 78558 № 6. Фото Ю.В. Демиденко. [Киселёв, 1949, табл. 42; Вадецкая, 2007, рис. 15 а]
- 26 б. Маска после реконструкции росписи. [Евтюхова, 1954, рис. 3; Вадецкая, 2007, рис. 15б]
- 27 а. Женская маска (18x15) от бюста, с шеей и её правая сторона. Коричневая с выгоревшей синей росписью по краям (от лба до уха) и на скулах с частью шеи. На лбу и носу выскоблены узоры по красному фону; губы, прорези глаз тёмные. Раскопки С.В. Киселёва в 1938 году. Курган 11 на Уйбатском чаа тасе. VI в. Государственный Исторический музей. Коллекция 79956 № 13. Фото Ю.В. Демиденко. [Киселёв, 1949, табл. 41,1; Вадецкая, 2004 рис. 7,1; Вадецкая, 2007, рис. 8 а-в]

- 27 б. Та же маска после реконструкции росписи. [Киселёв, 1949, табл. 43; Вадецкая, 2007, рис. 8 б, г]
- 28 а. Женская маска (18х16 см) от бюста и её левая половина с обломанной шеей, переходящей в подставку. Правый край лица и уши утрачены. Желтоватая, закопчённая и ставшая тёмно-коричневой. Лоб, виски, верхние части щёк и губы окрашены красной краской. Нос расписан красным узором. На красном лбу процарапаны спираль и волюты. Прорезы глаз, боковые края маски и скулы окрашены голубой краской. Раскопки С.В. Киселёва в 1938 году. Курган 11 на Уйбатском чаа тасе. VI в.
Государственный Исторический музей. Коллекция 79956 № 15. Фото Ю.В. Демиденко. [Киселёв, 1949, табл. 42,2; Вадецкая, 2004, рис. 7,3; Вадецкая, 2007, рис. 9 а]
- 28 б. Та же маска после реконструкции росписи. [Вадецкая, 2007, рис. 9 б]
- 29 а. Бюст и его правая половина, с широким лицом (18х17х14) и еле обозначенной шеей, слепленной вместе с плоской четырёхугольной подставкой (29,5х17). Прорезы глаз еле обозначены. Тёмно-коричневый, закопчённый. На лбу нарисована красная спираль, а на висках волюты. Боковые края маски и нижние части щёк окрашены голубой краской. Раскопки С.В. Киселева в 1938 году. Курган 11 на Уйбатском чаа тасе. VI в.
Государственный Исторический музей. Коллекция 79956 № 32. Фото Ю.В. Демиденко. [Киселёв, 1949, табл. 41,3; Вадецкая, 2004, рис. 7,5; Вадецкая, 2007, рис. 11 а]
- 29 б. Тот же бюст после реконструкции росписи. [Вадецкая, 2007, рис. 11 б]
- 30 а. Бюст (20х15,5х13) и его правая половина, с шеей, переходящей в круглую подставку. Левый верхний край осыпался. Глазные прорезы прокрашены, намечена прорезь между губ. Первоначально светло-коричневый, закопчён до тёмно-серого цвета. Нарисованы спираль на лбу и волюты на висках. Следы красной краски имеются в верхней части щёк. Голубой краской окрашен бордюр вдоль висков и лба, а также нижние части щёк с шеей. Раскопки С.В. Киселёва в 1938 году. Курган 11 на Уйбатском чаа тасе. VI в.
Государственный Исторический музей. Коллекция 79956 № 12.
Фото Ю.В. Демиденко.
[Киселёв, 1949, табл. 41,2; Вадецкая, 2007, рис. 12 а]
- 30 б. Тот же бюст после реконструкции росписи. [Вадецкая, 2007, рис. 12 б]
- 31 а. Бюст и его правая половина с крупным, подквадратным, одутловатым лицом (20х20 см), с широкой шеей, переходящей в овальную подставку. Желтовато-коричневый. Красной краской окрашены верхние края щёк, уши и губы, а также нарисованы геометрические спирали на лбу и висках. Вокруг уха обозначен голубой круг, расчерченный чёрными полосами. Чёрной краской окрашены глубокие прорезы глаз и очерчены щёки. Раскопки С.В. Киселёва в 1938 году. Курган 11 на Уйбатском чаа тасе. VI в.
Государственный Исторический музей. Коллекция 79956 № 34.
Фото Ю.В. Демиденко.
[Вадецкая, 2004, рис. 7,4; Вадецкая, 2007, рис. 13 а]

- 31 б. Тот же бюст после реконструкции росписи. [Вадецкая, 2007, рис. 13 б в]
- 32 а. Бюст и его левая половина с широким лицом (19х16х13), плавно переходящим в овальную, обломанную по краям подставку. Тёмно-коричневый, закопчённый. Следы красной росписи на лбу и висках. Красным окрашены уши и верхние части щёк. Вокруг уха виден круг выгоревшей голубой краски.
Раскопки С.В. Киселёва в 1938 году. Курган 11 на Уйбатском чаа тасе. VI в.
Государственный Исторический музей. Коллекция 79956 № 44. Фото Ю.В. Демиденко.
- 32 б. Тот же бюст после реконструкции росписи. [Вадецкая, 2007, рис. 6 а, б]
- 33 а. Маска (19,5х17,5х15) от бюста и её левая половина, с небольшой шеей, отломанной от подставки. В середине лба и справа от носа фрагменты утрачены. Прорези глаз еле намечены. Закопчена до чёрного цвета. Поэтому с трудом можно распознать, что красной краской были окрашены щёки и узор на лбу, а голубой — края маски (выше и ниже ушей) и часть шеи.
Раскопки С.В. Киселёва в 1938 году. Курган 11 на Уйбатском чаа тасе. VI в.
Государственный Исторический музей. Коллекция 79956 № 25. Фото Ю.В. Демиденко.
- 33 б. Та же маска после реконструкции росписи. [Вадецкая, 2007, рис. 7]
- 34 а. Бюст с овальным лицом (19х15см), короткой шеей и почти квадратной подставкой. Коричневый, закопчённый. Красной краской окрашены губы, щёки, уши, нос и лоб с висками. По красному фону на лбу выскоблена спираль, на висках волута, на носу полосы и завитки.
Курган 11 на Уйбатском чаа тасе. VI в.
Государственный Исторический музей. Коллекция 79956 № 31. Фото Г.В. Кубарева
- 34 б. Тот же бюст после реконструкции росписи. [Киселёв, 1949, табл. 1; Вадецкая, 2007, рис. 10]
- 35 а. Маска почти прямоугольной формы (20х18х12) и её правая сторона с высокой массивной шеей. Левый край лба обломан. Светло-коричневая, со следами красной краски по всей поверхности. По красному фону поперёк маски нарисованы 3 чёрные полосы. Одна выше глаз (по лбу), шириной в 2 см; вторая под глазами (поперёк носа), шириной в 1 см; третья под подбородком (от уха до уха), шириной в 3 см.
Курган 11 на Уйбатском чаа тасе.
VI в. Государственный Исторический музей. Коллекция 79956 № 17.
Фото Ю.В. Демиденко. [Евтюхова, 1954, рис. 1; Вадецкая, 2004 рис. 7,2; Вадецкая, 2007, рис. 18 а]
- 35 б. Та же маска после реконструкции росписи. [Вадецкая, 2007, рис. 18 б]
- 36 а. Маска (18х14) и её правая сторона с высокой шеей. Светло-коричневая, местами закопчена до чёрного цвета. По всей поверхности следы сплошной красной росписи. Поперёк лица, через переносицу прочерчены две чёрные параллельные линии толщиной в 4 мм.

- Раскопки С.В. Киселёва в 1938 году. Курган 11 на Уйбатском чаа тасе. VI в. Государственный Исторический музей. Коллекция 79956 № 21.
Фото Г.В. Кубарева. [Вадецкая, 2004, рис. 20]
- 36 б. Та же маска после реконструкции росписи. [Вадецкая, 2007, рис. 16]
- 37 а. Маска (21x18x14) и её левая сторона с маленькой шеей. Коричневато-серая, со следами красной краски на всей поверхности. Красочный слой местами осыпался.
Раскопки С.В. Киселёва в 1938 году. Курган 11 на Уйбатском чаа тасе. VI в.
Государственный Исторический музей. Коллекция 79956 № 10. Фото Ю.В. Демиденко.
- 37 б. Та же маска после реконструкции росписи.
- 38 а. Маска (19x15 см) с небольшим вырезом для причёски и высокой шеей. Светло-серая с закопчённым лбом. Красочный красный слой осыпался, за исключением области глаз, подбородка и губ. На переносице носа следы чёрной краски.
Раскопки С.В. Киселёва в 1938 году. Курган 11 на Уйбатском чаа тасе. VI в.
Государственный Исторический музей. Коллекция 79956 № 33. Фото Ю.В. Демиденко. [Киселёв, 1949, табл. 42,1; Евтюхова, 1954, рис. 2]
- 38 б. Та же маска после реконструкции росписи.
39. Левая половина маски (18,5x16 см) с небольшой шеей. Желтовато-серая. На поверхности, особенно на скуле, следы сплошной красной окраски.
Раскопки В.П. Левашёвой в 1938 году. Курган у д. Быстрая, правый берег Енисея. VI в.
Минусинский краеведческий музей им. Н.М. Мартынова. Коллекция 9881 № 15. Фото А.А. Кириленкова. [Вадецкая, 1999, рис. 52,1]
40. Маска (21x14 см) с высокой расширяющейся книзу шеей, служившей подставкой. Светло-коричневая, слегка закопчённая. Окрашены щёки и губы. Следы красной краски от узора на лбу. Раскопки Л.Р. Кызласова в 1950 году. Курган 1 на Сырском чаа тасе, левом берегу рч. Малые Сыры, левом притоке р. Абакан. Хакасия. VI—VII вв.
Хакасский республиканский музей им. Л.Р. Кызласова. г. Абакан. Коллекция 278 № 49. Фото А.А. Кириленкова. [Кызласов, 1960, рис. 56,2; Вадецкая, 1999, рис. 49,5; Вадецкая, 2004, рис. 4,5]
41. Верхняя половина маски (15x15 см) с моделированными бровями и глазами. Серая, красочный слой осыпался.
Раскопки Л.Р. Кызласова в 1950 году. Курган 1 на Сырском чаа тасе.
Хакасский республиканский музей им. Л.Р. Кызласова. Коллекция 278 № 50. Фото А.А. Кириленкова. [Кызласов, 1960, рис. 56,2]
42. Левая половина маски (18x12 см) с высокой шеей. Светло-коричневая, со следами красной краски по всей поверхности. Вдоль лба и под глазом видны следы широких чёрных полос.
Раскопки Л.Р. Кызласова в 1950 году. Курган 1 на Сырском чаа тасе. Хакасский республиканский музей им. Л.Р. Кызласова. Коллекция 278 № 29. Фото А.А. Кириленкова. [Вадецкая, 2007, рис. 17]

43. Маска (21x17x17 см) с шеей (4—6x13 см), имеющей в нижней части ободок. По середине левой щеки острым орудием прочерчена вертикальная полоса шириной 4 мм. Красочный слой выгорел до коричневого и чёрного цветов. Около левого уха сохранились остатки красной краски, превратившиеся в чёрные.
Раскопки М.П. Грязнова в 1970 г. Курган 2 на могильнике Тепсей III, под горой Тепсей на правом берегу Енисея. VI—VII вв. Государственный Эрмитаж.
Коллекция 2616 № 194 а. Фото А.Г. Максименкова. [Вадецкая, 1999, рис. 53,3; 2004, рис. 5,3]
44. Маска (20x17x12 см) подквадратной формы. Черты лица нечёткие. Светло-кремового цвета со следами красной краски.
Раскопки Д.Г. Савинова в 1988 г. Курган Арбан II на Арбанском чаа тасе, на правом берегу р. Тея, ниже пос. Нижняя Тея. Хакасия. VII в.
Государственный Эрмитаж. Коллекция 2922 № 1.
Фото А.Г. Максименкова. [Вадецкая, 2001, рис. 1,2]
45. Грубо слепленная маска (19x13) из рыхлого гипса. Черты лица условные, асимметричные. Верхняя часть лба и шея обломаны. Белая со следами красной краски на щеках, губах, лбу.
Раскопки Е.Д. Паульса в 1990 году. Курган 1. у Ташебинского чаа таса, левый берег р. Ташеба, притока р. Абакан. Хакасия V—VI в.
Хакасский республиканский музей им. Л.Р. Кызласова, г. Абакан.
Фото А.А. Кириленкова
46. Маска (15x18 см) с небольшой шеей, надевающейся на керамическую подставку. Желтовато-коричневая, со следами красной краски на всей поверхности.
Раскопки А.И. Поселянина в 1991 году. Курган Белый Яр III у с. Белый Яр на правом берегу Абакана. Хакасия VI в.
Археолого-этнографический музей Института истории и права ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан.
Коллекция кургана № 47.
Фото А.А. Кириленкова. [Вадецкая, 1999, рис. 49 б; Вадецкая, 2004, рис. 4,1]
47. Маска (20x21 см) с небольшой шеей. Желтовато-коричневая, покрытая красным красочным слоем. Одно ухо отреставрировано в древности.
Раскопки А.И. Поселянина в 1991 году. Курган Белый Яр III.
Археолого-этнографический музей Института истории и права ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан.
Коллекция кургана № 16.
Фото А.А. Кириленкова. [Вадецкая, 2004, рис. 7]
48. Правая половина маски (20x20 см), выкрашенной в ярко-красный цвет.
Раскопки А.И. Поселянина в 1991 году. Курган Белый Яр III.
Археолого-этнографический музей Института истории и права ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан.
Коллекция кургана № 42.
Фото А.А. Кириленкова

Основная литература

- Авдеев А.Д. Маска. (Опыт типологической классификации по этнографическим материалам) // Сборник музея антропологии и этнографии. Том XVII. Москва, Ленинград. Издательство Академии наук СССР, 1957, с. 232—345
- Адрианов А.В. Оглахтинский могильник // XXIX иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь», Красноярск №№ 243, 254 от 16 и 23 ноября 1903 г.
- Вадецкая Э.Б. Древние идолы Енисея. Ленинград. Издательство Наука, 1967 (на русском и французском языках)
- Вадецкая Э.Б. Сказы о древних курганах. Новосибирск. Издательство Наука, 1981
- Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. Санкт-Петербург. Издательство «Петербургское Востоковедение». 1999
- Вадецкая Э.Б. Погребальные маски из таштыкского склепа Арбан II //Евразия сквозь века. Санкт-Петербург. Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2001, с. 144—147.
- Вадецкая Э.Б. Сибирские погребальные маски (предварительные итоги и задачи исследования) //Археологические Вести № 11. Санкт-Петербург. Издательство «Дмитрий Булавин», 2004, с. 298—323 (с резюме на английском языке)
- Вадецкая Э.Б. Новое о таштыкских погребальных масках //Археология, этнография и антропология Евразии № 1(17). Новосибирск. Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2004, с. 51—64 (русский и английский варианты)
- Вадецкая Э.Б. Роспись таштыкских масок. //Археология, этнография и антропология Евразии № 1 (29). Новосибирск. Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2007, с. 46—56 (русский и английский варианты)
- Вадецкая Э.Б., Протасов В.А. Енисейские мумии (археологические источники и их анатомическая экспертиза) // Археология, этнография и антропология Евразии № 4 (16). Новосибирск. Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2003, с. 36—47 (русский и английский варианты)
- Вадецкая Э.Б., Гавриленко Л.С. Технология изготовления и роспись гипсовых масок енисейских мумий// Археология, этнография и антропология Евразии № 3 (27). Новосибирск. Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2006, с. 55—66 (русский и английский варианты)
- Евтюхова Л.А. Южная Сибирь в древности //По следам древних культур (от Волги до Тихого океана) Москва. Издательство культурно-просветительной литературы. 1954, с. 195—208
- Иванов С.В. Маски народов Сибири. Ленинград. Издательство «Аврора», 1975
- Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. Часть вторая. Гунно-сарматское время. Глава VII. Таштык на Енисее. М., Л. Издательство Наука. Материалы и исследования по археологии СССР № 9, 1949; Москва, 1951
- Кузнецов С.К. Погребальные маски, их употребление и значение //Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при императорском Казанском университете. Том XXII, вып. 2. Казань. Типо-литография Императорского Университета, 1906, с. 75—118
- Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М., из-во МГУ. 1960.
- Кызласов Л.Р. Гуннский дворец на Енисее. Проблема ранней государственности Южной Сибири. Москва. Издательская фирма «Восточная литература» РАН
- Кызласов Л.Р., Панкова С.А. Татуировка древней мумии из Хакасии //Сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 62, 2004, с. 61—67
- Липский А.Н. Некоторые вопросы таштыкской культуры в свете сибирской этнографии// Краеведческий сборник № 1. Абакан, 1956

Ancient Masks of the Yenisei.

Summary

Introduction

The largest river in Siberia, the Yenisei, traverses a region of steppes surrounded by broad belts of mountain ridges (Figure 1). These mountains, covered with dense woods, are called the Western and Eastern Sayans and the Kuznetsk Alatau (Figure 2). The natural conditions here stimulated the appearance and persistence of some peculiar funerary rituals.

These persistent ancient funerary traditions included that of preservation of human heads or skulls. As early as the Eneolithic (second to third millennium BC) people preserved the heads of their dead throughout the winter season when no burials were made. This practice resulted in learning the skills of drying heads, trepanation and treating skulls. It promoted the appearance of a cult of the head and ideas about the connection of the head with the human soul. The cult of the head is reflected both in funeral rite and in the arts of the population of the period under consideration. In some tombs, there were decapitated corpses, while in others, on the contrary, the dead were accompanied by the skulls of their ancestors, thought to have been kept as relics during the lifetime of the interred. Similar male traditions survive among some peoples of Siberia and the Russian Far East.

In art, the heads of male ancestral deities were represented as engravings on stone plates. They have a third eye on the forehead and various stripes under and around the eyes. (Figure 21—23). Identical painting was applied in red ochre on the faces of the interred as shown by a number of the excavated skulls. Family deities were also represented by miniature female heads. (Figure 19—20). [Vadetskaia, 1967; 1981]

The cult of the head as reflected in collective burial rites

The cult of the head is best recognized in the Iron Age (third century BC to the seventh century AD), when a rite existed of burying simultaneously the remains of dozens of individuals who had died at different times. This tradition arose first due to economic and political reasons, but later it acquired religious significance. Burying large groups of dead required first that the ceremony be carried out in two (primary and secondary) stages, and second, that the remains were preserved for later restoration. The two requirements resulted in the practice of making a kind of mummy from the skeletons (until the fifth century AD). Later, with the spread of a cremation rite (fifth to sixth centuries AD), the mummies were replaced with imitations, i.e., funerary dolls and busts.

Studies of the mummies are based on materials from about one hundred collective tombs which consisted of large timber chambers with an area of up to 30—50 square meters, covered by mounds up to three to four meters high. (Figure 64—65). Typically, these chambers contained the remains of 50—60 (occasionally more) individuals burnt together with the burial structures.

These chambers housed either complete skeletons or piled bones with skulls. (Figure 66) In some cases only skulls were buried; the number of the skulls in the graves often exceeded that of the skeletons. Recently it was found that the buried skeletons (mummies) and their parts had been reconstructed in antiquity. During the reconstruction, the trepanned skulls were filled with grass which was also laid along the long bones, while the skulls, and occasionally, arms and feet were fixed

to the skeleton with willow twigs. (Figure 67—68), The mummies were lined with pieces of leather and birch bark. Most of the materials mentioned above are rarely preserved so that the presence of a mummy is recognized only by the signs of trepanations or the anatomical position of the skeletons.

However, in the first century AD the practice appeared of daubing the skulls and cervical vertebra with clay; these skeletons with clay heads became the basis for various scholarly studies. Archaeological, chemical and anatomical analyses of more than 60 skulls covered with clay or their parts allow us to describe the funeral rite of the local population as follows:

A dead person was first buried temporarily in a shallow pit, a box, or simply on the surface under a heap of stones. A few years later, but not sooner than one year, the corpse was exhumed. By then the skeletons had been purified naturally, although the dried tissues, ligaments and matter in the hollows of the skull were still preserved (Vadetskaya and Protasov 2003: 45—46). The reconstruction of the head and body was then carried out using the skull and skeleton.

Reconstruction of the head over the skull

A clay paste was prepared with the addition of grass and wool, as well as lime or gypsum. On the skull, first an aperture was cut in the temporal area through which the cerebral section was stuffed with grass. The aperture was then sealed with a piece of clay, and the nasal cavity, mouth and eye sockets were also filled in with clay (Figure 70, 73); the pupils were imitated by means of glass beads inserted in the center of the eye sockets (Figure 74—75). Then the face was modeled with paste, with the mouth left semi-open (Figures 84), and the remaining part of the cranium and cervical vertebra coated with clay (Vadetskaya and Protasov 2003: Figures 81—82).

Reconstruction of the body over its skeleton

The clay head was fixed on the spinal column by means of twigs laid along its two sides or pierced through it. The arms and leg bones were wrapped in grass which was stuffed also between the ribs. The grass mummy was bandaged in places by belts or twigs and finally sewn over with hides (Figure 83; Vadetskaya 1999: 81—82). The leather was also sewn over the clay head with only its eyes and mouth left uncovered. Apparently the open eyes and mouth symbolized the revival of the dead who thus would become able to see and breathe (Vadetskaya 2004: 301—302, Figures 1:1, 1:3; 2:3). As yet only the lining from a single leather head has been found preserved. However, its presence has been recognized on all the mummies by imprints on the inner side of pieces of gypsum. The latter was used to reproduce the facial features of the deceased over the leather lining and to plaster the entire skull and neck. The plaster was applied after the mummy had been dressed in clothes and its hairstyle finished. The coiffures are thought to be fairly variegated but only those of a single type survive. These consist of two bone plaques plastered with clay and mica.

Between the plaques, a thin coiled plait of the hair of the deceased was put in a leather pouch (Figure 85).

Making of masks

After an interval, the eyes and the mouth of the mummies were covered with pieces of fabric and a layer of plaster was applied (Figures 74—77). The face of the deceased was modeled with a thin layer of plaster, representing the «mask.» The gypsum plaster for the masks was tempered by pounded plants and wool.

The inner sides of all masks preserve clear imprints of leather and textile linings at the level of the eyes and imprints of cloth and teeth opposite the mouth of the mummy.

The masks always represent humans with closed eyes and lips. Evidently they represented the final death and isolation of the dead from the living. The men's masks are painted red with ochre or cinnabar (Figure 71—72, 81—82). The female ones are white but decorated with red designs. The patterns were scratched with a sharp object and then painted over with cinnabar (Figure 78—80). They include trefoils and circles connected by broad bands. The eye slits were designated by strips of black paint on the masks of both the men and the women.

Restoration of mummies before interment

Some of the masks were painted twice, e.g., first with ochre and then with cinnabar after the masks cracked. This fact suggests that the mummies with masks had been kept for a long time and restored before burying them in a common tomb. However, it must have proven impossible to restore many of the mummies, since only parts or heads alone were put into some graves.

Modeling a head over a ram's skull

Where it was impossible to restore a person's head over their own skull, a ram's skull over-modeled with clay served as a substitute. One such head has been found in a tomb together with ordinary mummies with masks. The clay model represents the head of a dead man (Figure. 87). The face bears traces of red paint. On the top of the head there are imprints of five hair-plaits and the holes in which the hair-plaits had been fixed. The head has a thin neck with imprints of twigs and strings inside; the latter were used to attach the head to the spine (Vadetskaya 2004: Figure 2, 4).

Dummy objects for mummies

The funeral rite under discussion was marked by manufacture of special dummy objects for the mummies. These included miniature bronze daggers, knives, picks and mirrors along with clay plaques for decoration of coverlets, headdresses and clothes. The plaques were rectangular or round with geometrical and floral designs and often covered with mica or even gold (Figures 48, a—g; 86) (Vadetskaya, 1999: 68—69, 72—73)

Thus the dead of the Yenisei population were interred twice. First the deceased was buried temporarily in an individual grave. Afterwards the skeleton was dug up and «animated» by reconstruction of its head and body. Special attention was given to the reconstruction of the head over the skull that implied a symbolic revival of the deceased. For this purpose the clay model of the head was sheathed with leather with the eye orbits and mouth left open. After an interval the «revived» mummy «died» again when a mask was put on its face. Long afterwards the mummies from a number of tribal settlements were collected together and burnt in a burial chamber. That was the final act in a chain of funeral ceremonies.

Evolution of the rite in the fifth to sixth centuries AD

In the first to third centuries AD, various foreign garrisons (Hunnu and Chinese) stayed in some parts of the territory under consideration and the cemeteries they left differed from those of the local population. They consist of small deep graves on whose bottom low wooden frames densely covered with logs and birchbark were placed. Most graves contain remains (bodies, bones, ashes) of 2—4 persons. The dead warriors were burnt and their bones were gathered in a bag and then put into a dummy human or «funerary doll.» The dummy was made from grass and sheathed with leather; its face usually was covered with a silk mask, or occasionally, with a plaster mask sculptured over the face (Figures 58, a—g). (Vadetskaya, 1999, Figures 7; 2004, 56—57, Figures 5, 6). The masks are

present on nearly all adult skeletons. The mask was modelled on face which was covered with silk. The male masks were painted entirely red with the black stripes (Figures 98, a—c). (Vadetskaya, 1999, Figures 6,2; 2004, Figures 2). The female masks were white with a red desing (Figures 99, a—g; 103,107). (Vadetskaya, 1999, Figures 6,1; 2004, Figures 1).

By the fifth century AD, descendants of the migrants were assimilated with the local population, who inherited the rite of cremation and the transferring of the ashes into a doll. Burying together the remains of up to 50—60 bodies still remained typical. Large chambers were built especially for this purpose and burnt. By the sixth century AD the practice of making only a head instead of a complete doll became more widespread. All prior rituals connected with the cult of the head and with plaster masks were transferred onto the doll heads, especially in the cases where the remains of cremation of a particular individual were placed in the head of a doll. To keep a single head until the final burial was easier than to preserve a complete doll. In addition, a funerary chamber could house more heads than complete dolls. Therefore, gradually only heads came to be manufactured and together with the masks they were fixed by different means in the upright position. Later these heads fell down inside the tombs and either were burnt or decayed. Only the masks survived with some grass and calcined bones of the dead beneath. Once these bones were put in birch-bark boxes or cloth pouches, the remains occasionally preserved. All the materials mentioned above allow us to reconstruct the funerary practices.

Manufacture of a funerary doll's head

The calcined bones of a cremated person (1—3 cm long) were placed in a birch-bark box wrapped tightly first in grass and then in leather (Figure 146—147). On one side of the leather parcel, depressions for the eyes and mouth were cut and the nose was sewn on; the process probably symbolized the reviving of the deceased. The lower part of the leather head was fixed together with a cord (Figure 148).

After a certain interval, the eyes and mouth hollows were covered with pieces of fabric and plastered with gypsum as suggested by imprints on the inner surface of the masks which later were modeled on the face of the doll (Figure 149). (Vadetskaya, 2007, Figure 1)

Making of the masks

The masks on the dolls are similar to those on the heads of mummies. All these masks probably represent dead persons because their eyes and lips are closed. However, the doll masks are thicker (up to 1 cm thick) and embrace not the entire head but only two-thirds of it. These masks evidently also converted the «revived» head into a dead one. Any mask was modeled on a large neck or was fixed on a special support to keep the head upright (Figures 114, 119, 129). These masks are called «busts» (Vadetskaya 2004a: Figures 7, 13, 19—20; 2004b: Figures 4, 7). They were always brightly painted, but during the cremation in the burial chamber they were covered with soot from burning organic materials such as leather, grass and textiles.

The male masks originally were painted entirely red (Figure 133, 144, 145). But they are usually blackened by soot, the paint having been recognized only from single areas on their surfaces. On some of the masks, horizontal black stripes are discernible across the face.

On female masks, the lips, cheeks and ears, as well as spaces inside the designs on the forehead and nose, were painted red. The designs were scratched with a rigid brush on the coating. In the middle of the forehead is a circular spiral and on the temples double spirals are usually represented (Figure 119, 131, 140). The edges of the temples and cheekbones are often rendered in blue paint

(Figure. 132). The eye slits are painted with black or dark blue paint both on female and male masks (Vadetskaya, 2007: Figure 6—18)

Restoration of masks in antiquity

The doll heads and busts containing cremated ashes were collected for a long time for interment in a collective tomb. Some of the masks from these dolls that were painted with ochre were afterwards repainted with cinnabar. Some needed restoration and certain areas on their surfaces were refreshed with new layers of plaster and painted anew (Figure 145, 153). However, frequently a damaged bust was put in a tomb and the cremated ashes were transferred into vessels wares of various kinds. Thus all preceding funerary rites survived into the fifth to sixth centuries AD, although with the difference that they now concerned funerary dolls or doll heads instead of real skeletons and skulls as previously.

Conclusion

Certain traditions of the ancient populations of Siberia and the Russian Far East are retained in their ethnography.

The plaster masks that are modeled over the skull or funerary dolls are similar to funerary face coverlets of many peoples. These coverlets were intended to isolate the deceased in order to make them unable to harm the living. Moreover, many peoples considered the physical death of an individual separately from its actual recognition.

The Yenisei mummies, made from human skeletons and funerary dolls with sculptured heads containing the cremated remains, as well as doll heads with separate masks, all represent symbolic images of the dead. Known from medieval tombs in Western Siberia, they survived in rituals of peoples of northern Siberia and the Far East until as late as the nineteenth to twentieth centuries. The representation made after the physical death of a person was burnt or buried represented its «final death.» These images were believed to house the soul of the deceased. For a stronger similarity to the deceased, some of these figures were dressed in their clothes and frequently included fragments of the dead person's hair and bones. The funerary images are concerned with the last stage of the evolution of the ancient culture, represented originally by mummies (Figure. 160), then by funerary dolls (Figure. 161), and finally by only doll heads with cremated ashes (Figure. 162).

Funerals masks for album

1. Skull modeled in clay, covered with painted white plaster mask. The burial ground Kamenka. State Hermitage, Coll. 2621 № 110
2. Skull modeled in clay, covered with painted white plaster mask. The kurgan Novye Mochagi. Institute of History of Material Culture Russian Academy of Sciences. Coll. Novye Mochagi, skull № 34
3. Mask of skull modeled in clay. The plaster is cream-colored with red painting. The kurgan Novye Mochagi. Institute of History of Material Culture Russian Academy of Sciences. Coll. Novye Mochagi, maska № 34
4. Adolescent mask is red with black brown. Oglakhty burial ground. State Historic Museum. Coll. 43931 № 2
5. Male mask. A scarlet mask with black eye slits and stripes on the forehead and on both sides of the nose; a piece of silk under the mask. Oglakhty burial ground. State Hermitage. Coll. 2864 № 2
6. Female mask. White mask with red forehead, nose, ears, cheeks and black eye slits; the white ornament on the forehead is scratched out. Oglakhty burial ground. State Hermitage. Coll. 2864 № 1
7. Male mask. A white mask, earlier was paint. Abakan. Abakan Museum
8. Female mask. White mask with red ochre paintings. Terskiy burial ground. State Hermitage. Coll. 2923 № 1.
9. The mask on the skull of woman from the burial site Abakano — Perevoz. Archaeological museum of Khakass University
10. Dummy's mask. A white mask painted red. Tagarskiy Island. State Historic Museum. Coll. 24959 № 1
11. A white mask. Originally the mask painted red. Tagarskiy Island. Minusinsk Museum. Coll. 9744 № 15
12. Bust. The lips, nostrils and ornament on the forehead are painted red; the eye slits are painted blue. The neck is inserted into a support. Saragash. State Hermitage. Coll. 4134 № 11
13. Dummy's mask. The cheeks, lips, nostrils are painted red; ornament on the left cheek are painted blue. Saragash. State Hermitage. Coll. 4134 № 13
14. The head of bust with traces of soot. Saragash. State Hermitage. Coll. 4134 № 13
15. Dummy's mask with traces of reddish paint. Ust-Tes, barrow 1. Minusinsk Museum. Coll. 9776 № 20
16. Dummy's mask with traces of reddish paint. Ust-Tes, barrow 1. Minusinsk Museum. Coll. 9776 № 16
17. Bust without a support with traces of reddish paint. Ust-Tes, barrow 1. Minusinsk Museum. Coll. 9776 № 14
18. Bust without a support with traces of reddish paint. Ust-Tes, barrow 1. Minusinsk Museum. Coll. 9776 № 22
19. Dummy's mask. Ust-Tes, barrow 1. Minusinsk Museum. Coll. 9776 № 26
20. Dummy's mask. Ust-Tes, barrow 1. Minusinsk Museum. Coll. 9776 № 40
21. Dummy's mask. A white mask with traces of reddish paint, that once covered the mask. The eye slits are painted black. Ust-Tes, kurgan 2. State Historic Museum. Coll. 8175 № 37
22. A yellow brown bust with traces of soot in places. Traces of red paint on the cheeks and lips and blue paint below the ear. Krivinskoe. State Historic Museum. Coll. 69773 № 35
23. The head of bust with traces of red paint on the cheeks and nose. Syda. Minusinsk Museum. Coll. 9790 № 19
24. Bust without a forehead, with traces of soot. Uybat I kurgan 6. Minusinsk Museum. Coll. 9864 № 67

- 25 a. Two views of a woman's white mask with a design of dummy. Uybat I kurgan 5. State Historic Museum. Coll. 78558 № 5
- 25 6. Mask with reconstruction of entire the painting. Uybat I kurgan 5. State Historic Museum. Coll. 78558 № 5
- 26 a. Two views of a woman's white mask with a design of dummy. Uybat I kurgan 5. State Historic Museum. Coll. 78558 № 6
- 26 6. Mask with reconstruction of the painting. Uybat I kurgan 5. State Historic Museum. Coll. 78558 № 6
- 27 a. Two views of a woman's white mask with a design. Uybat I kurgan 11. State Historic Museum. Coll. 79956 № 13
- 27 6. Two views of a woman's white mask with reconstruction of the painting. Uybat I kurgan 11. State Historic Museum. Coll. 79956 № 13
- 28 a. Two views of a woman's white mask with a design. Uybat I kurgan 11. State Historic Museum. Coll. 79956 № 15
- 28 6. Two views of a woman's white mask with reconstruction of the painting. Uybat I kurgan 11. State Historic Museum. Coll. 79956 № 15
- 29 a. Two views of a bust with a design. Uybat I kurgan 11. State Historic Museum. Coll. 79956 № 32
- 29 6. Bust with reconstruction of the painting on forehead and representation of hair. Uybat I kurgan 11. State Historic Museum. Coll. 79956 № 32
- 30 a. Two views of a bust with a design. Uybat I kurgan 11. State Historic Museum. Coll. 79956 № 12
- 30 6. Bust with reconstruction of the painting on forehead, cheeks and representation of hair. Uybat I kurgan 11. State Historic Museum. Coll. 79956 № 12
- 31 a. Two views of a bust with a design. Uybat I kurgan 11. State Historic Museum. Coll. 79956 № 34
- 31 6. Bust with reconstruction of the painting on forehead, cheeks, and representation of hair. Uybat I kurgan 11. State Historic Museum. Coll. 79956 № 34
- 32 a. Two views of a bust with a design. Uybat I kurgan 11. State Historic Museum. Coll. 79956 № 44
- 32 6. Bust with reconstruction of the painting on forehead, cheeks, and representation of hair. Uybat I kurgan 11. State Historic Museum. Coll. 79956 № 44
- 33 a. Two views of a mask with a design. Uybat I kurgan 11. State Historic Museum. Coll. 79956 № 25
- 33 6. Mask with reconstruction of the painting on the cheeks and representation of hair. Uybat I kurgan 11. State Historic Museum. Coll. 79956 № 25
- 34 a. Bust with a design. Uybat I kurgan 11. State Historic Museum. Coll. 79956 № 31
- 34 6. Bust with reconstructed painting on the forehead, nose and cheeks. Drawing by S.V.Kiselev. Uybat I kurgan 11. State Historic Museum. Coll. 79956 № 31
- 35 a. Two views of a bust with traces of reddish pain that once covered the entire bust. Uybat I kurgan 11. State Historic Museum. Coll. 79956 № 17
- 35 6. Reconstructed red bust with black stripes on the forehead, under the eyes and from on ear to another. Uybat I kurgan 11. State Historic Museum. Coll. 79956 № 17
- 36 a. A yellowish brown bust with traces of soot. Originally the bust was painted red. Uybat I kurgan 11. State Historic Museum. Coll. 79956 № 21
- 36 6. Reconstructed red bust with two black stripes under the eyes. Uybat I kurgan 11. State Historic Museum. Coll. 79956 № 21
- 37 a. Two views of a mask with traces of reddish pain that once covered the entire mask. Uybat I kurgan 11. State Historic Museum. Coll. 79956 № 10
- 37 6. Reconstructed red mask. Uybat I kurgan 11. State Historic Museum. Coll. 79956 № 10

- 38 a. A brown bust with traces of soot. Originally the bust was painted red. Uybat I kurgan 11. State Historic Museum. Coll. 79956 № 33
- 38 6. Reconstructed red bust. Uybat I kurgan 11. State Historic Museum. Coll. 79956 № 33
39. Dummy's mask. A white mask with traces of reddish paint. Bistray. Minusinsk Museum. Coll. 9881 № 15
40. Bust with reconstruction of the painting on forehead and cheeks. Syry kurgan 1. Abakan Museum. Coll. 278 № 49
41. The part of mask. Syry kurgan 1. Abakan Museum. Coll. 278 № 50
42. Left half of the bust with stripes under the eyes and on the forehead. Syry vault 1. Abakan Museum. Coll. 278 № 29
43. A brown bust with traces of soot. Tepsey III kurgan 2. State Hermitage. Coll. 2616 № 194 a.
44. A white mask with traces of reddish paint. Kurgan Arban II. State Hermitage. Coll. 2922 № 1
45. Dummy's mask. A white mask with traces of reddish paint. on forehead and cheeks. Tasheba kurgan 1. Abakan Museum
46. Bust without a support. A yellowish brown bust with traces of reddish paint. Belyi Yar III. Archaeological Museum of Khakass University. Coll. kurgan Belyi Yar III. № 47
47. Bust without a support. A yellowish brown bust with traces of reddish paint. Belyi Yar III. Archaeological Museum of Khakass University. Coll. kurgan Belyi Yar III. № 16
48. Right half of the red mask. Belyi Yar III. Archaeological Museum of Khakass University. Coll. kurgan Belyi Yar III. № 42

* * *

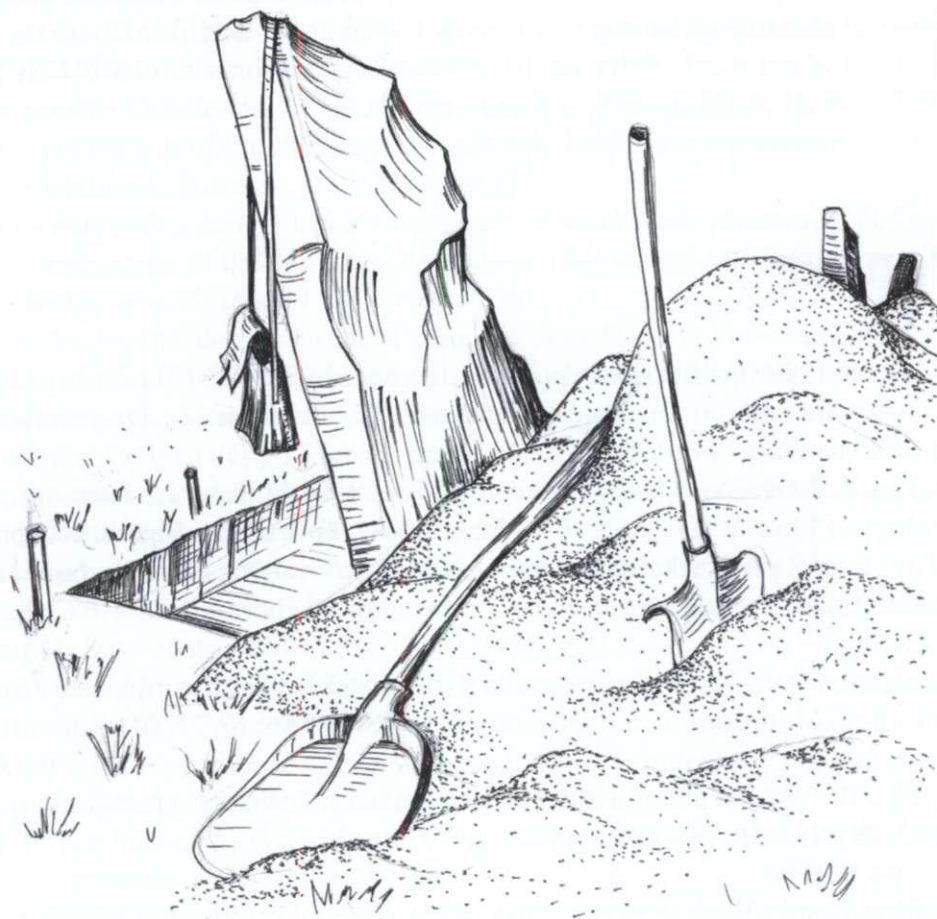
References

- Vadetskaya Elga B. 1999. *Tashtykskaia epokha v drevnei istorii Sibiri* (The Tashtyk Epoch in the Ancient History of Siberia). Institute of the Material Culture History, Russian Academy of Sciences: St. Petersburg.
- Vadetskaya, Elga B. 2004a. New facts concerning Tastyk burial masks. *Archaeology, Ethnology, Anthropology of Eurasia* 1(17): 51—64 (Novosibirsk). Vadetskaya, Elga B. 2004b. *Sibirskie pogrebal'nye maski: predvaritel'nye itogi i zadachi issledovaniya*. (Siberian burial masks: tentative results and prospects of studies). *Archaeological News* 11: 298—323 (St. Petersburg; Russian-English).
- Vadetskaya, Elga B. 2006. The Yenisei Mummies with Modeled Skulls and Masks from Siberia // *Skull Collection, Modification and Decoration*. Oxford, 2006: 67-75. (BAR International Series 1539).
- Vadetskaya, Elga B. 2007. Painting on tashtyk burial masks. *Archaeology, Ethnology, Anthropology of Eurasia* 1(29): 46—56 (Novosibirsk).
- Vadetskaya, Elga B. 2007.
- Vadetskaya, Elga B. and Viktor Protasov. 2003. The Yenisei mummies: archaeological sources and anatomical examination. *Archaeology, Ethnology, Anthropology of Eurasia* 4(16): 36—47 (Novosibirsk).
- Vadetskaya, Elga B. and Ludmila S. Gavrilenko. 2006. *Archaeology, Ethnology, Anthropology of Eurasia* 3(27): 55—66 (Novosibirsk).

FUNERAL MASKS FOR ALBUM

48 MASKS

Towards discovery
Pic.: Alexandr Zaika

АЛЬБОМ

48 МАСОК, ПУБЛИКУЕМЫХ ВПЕРВЫЕ

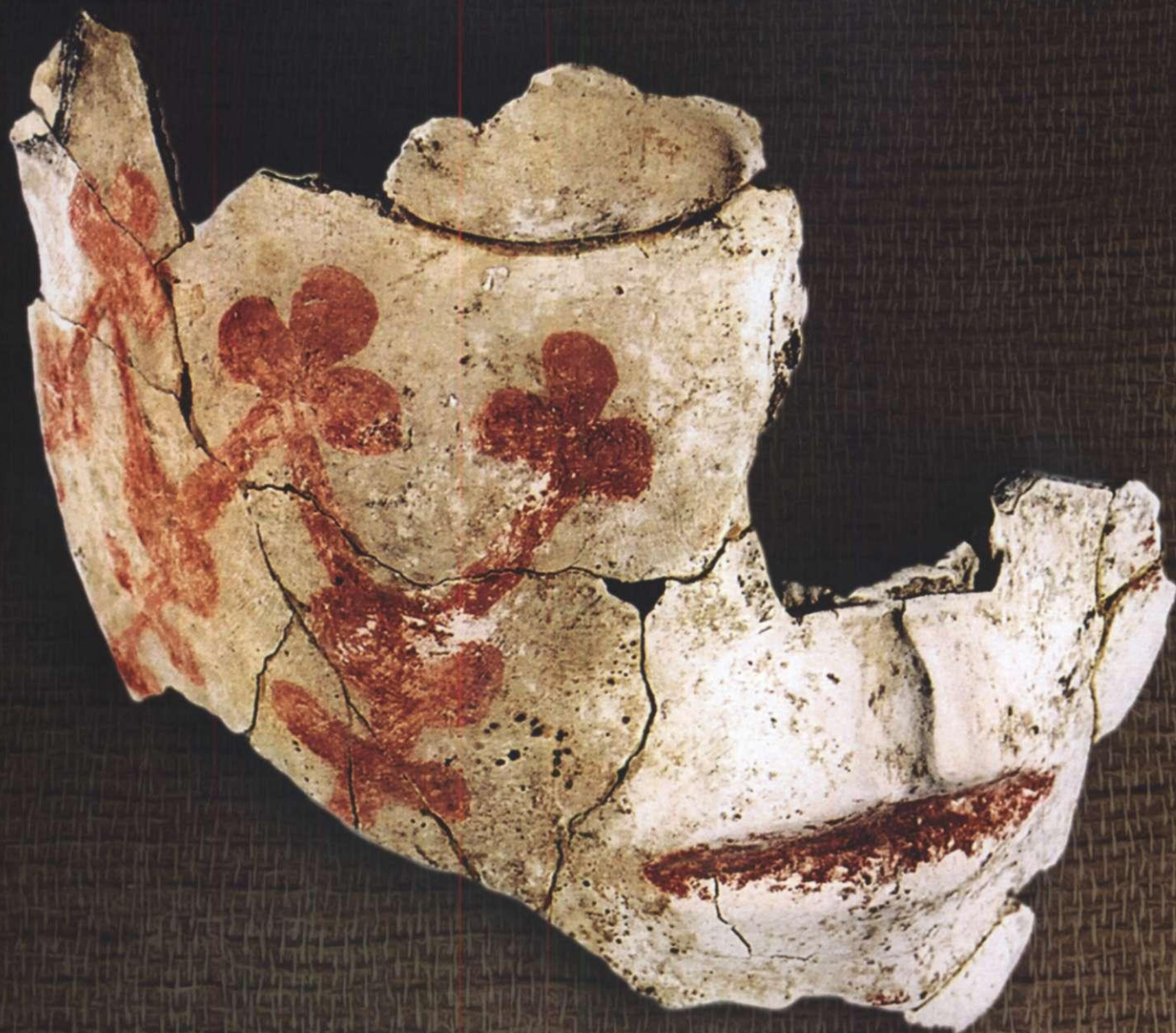
На пути к открытиям
Рис.: Александр Заика

1. Маска на черепе поверх глины. I—II вв. Могильник Каменка.
Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург.
Skull modeled in clay, covered with plaster mask. I—II A.D. The burial ground Kamenka.
State Hermitage. St. Petersburg.

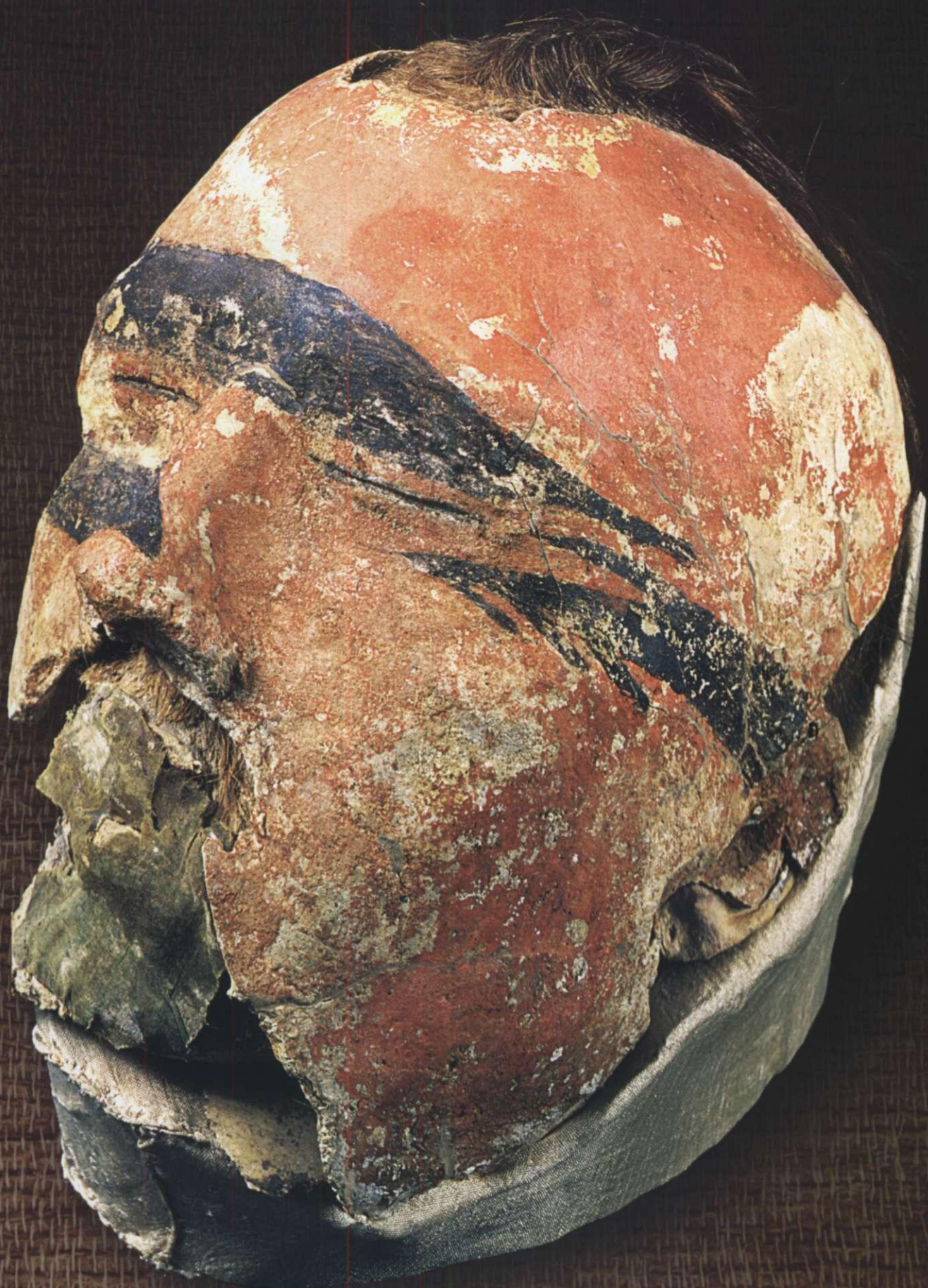
2. Маска на черепе поверх глины. II—III вв. Курган Новые Мочаги.
Институт истории материальной культуры СО РАН. Санкт-Петербург.
Skull modeled in clay, covered with plaster mask. II—III. A.D. The kurgan Novye Mochagi.
Institute of History of Material Culture Russian Academy of Sciences St. Petersburg.

3. Маска с черепа женщины поверх глины. II—III вв. Курган Новые Мочаги.
ИИМК РАН. Санкт-Петербург.
Mask of skull modeled in clay. II—III. A.D. The kurgan Novye Mochagi.
Institute of History of Material Culture Russian Academy of Sciences St. Petersburg.

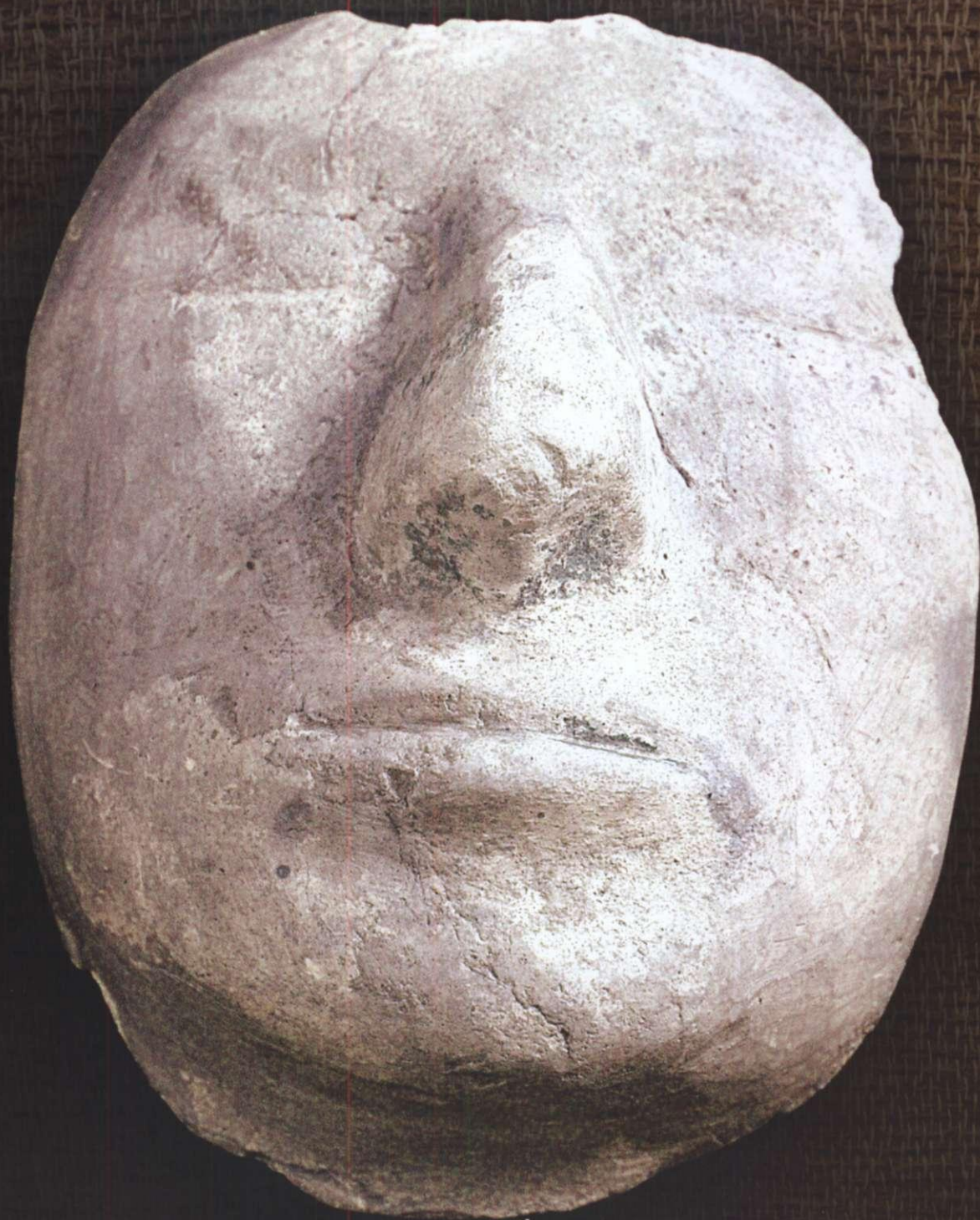
4. Маска подростка. III вв. Могильник Оглахты.
Государственный Исторический музей. Москва.
Adolescent's mask is red with black brown. III A.D. Oglakhty burial ground.
State Historic Museum. Moscow.

5. Маска на мужском черепе. III в. Могильник Оглахты.
Эрмитаж.
Male mask. III A.D. Oglakhty burial ground.
State Hermitage, St. Petersburg.

6. Маска на женском черепе. III вв. Могильник Оглахты.
Эрмитаж.
Female mask, III A.D. Oglakhty
State Hermitage. St. Petersburg.

7. Маска с черепа мужчины. IVв. Могила в г. Абакан.
Хакасский республиканский музей им. Л.Р. Кызласова. Абакан.
Male mask. IV A.D.
Abakan Museum. Abakan.

8. Маска с черепа женщины. III в. Могильник Терский.
Эрмитаж.
Female mask. III A.D. Terskiy.
State Hermitage, St. Petersburg.

9. Маска с черепа женщины. III в. д. Абакано-Перевоз.
Археолого-этнографический музей Института истории и права ХГУ им. Н.Ф. Катанова.
Абакан.
The mask on the skull of woman. III A.D. Abakano-Perevoz.
Archaeologo-Ethnology museum of Khakass University. Abakan.

10. Маска куклы. VI в. Тагарский остров.
Государственный Исторический музей. Москва.
Dummy's mask. VI A.D. Tagarskiy Island.
State Historic Museum, Moscow.

11. Маска куклы. VI в. Тагарский остров.
Минусинский краеведческий музей им. Н.М. Мартыанова. Минусинск.
Dummy's mask. VI. A.D. Tagarskiy Island.
Minusinsk Museum. Minusinsk.

12. Бюст. VI—VII вв. Курган под горой Барсучиха у д. Сарагаш.
Эрмитаж.
Bust. VI—VII A.D. Saragash.
State Hermitage.

13. Маска куклы. VI—VII вв. Сарагаш.
Эрмитаж.
Dummy's mask. VI—VII A.D. Saragash.
State Hermitage.

14. Голова бюста. VI—VII вв. Сарагаш.
Эрмитаж.
The head of bust. VI—VII A.D. Saragash.
State Hermitage.

15. Левая половина маски куклы. V—VI вв. Курган у с. Усть-Тесь.
Минусинский краеведческий музей. Минусинск.
Dummy's mask. V—VI. A.D. Ust-Tes.
Minusinsk Museum. Minusinsk.

16. Маска куклы. V—VI вв. с. Усть-Тесь.
Минусинский краеведческий музей. Минусинск.
Dumty's mask V—VI. A.D. Ust-Tes.
Minusinsk Museum. Minusinsk.

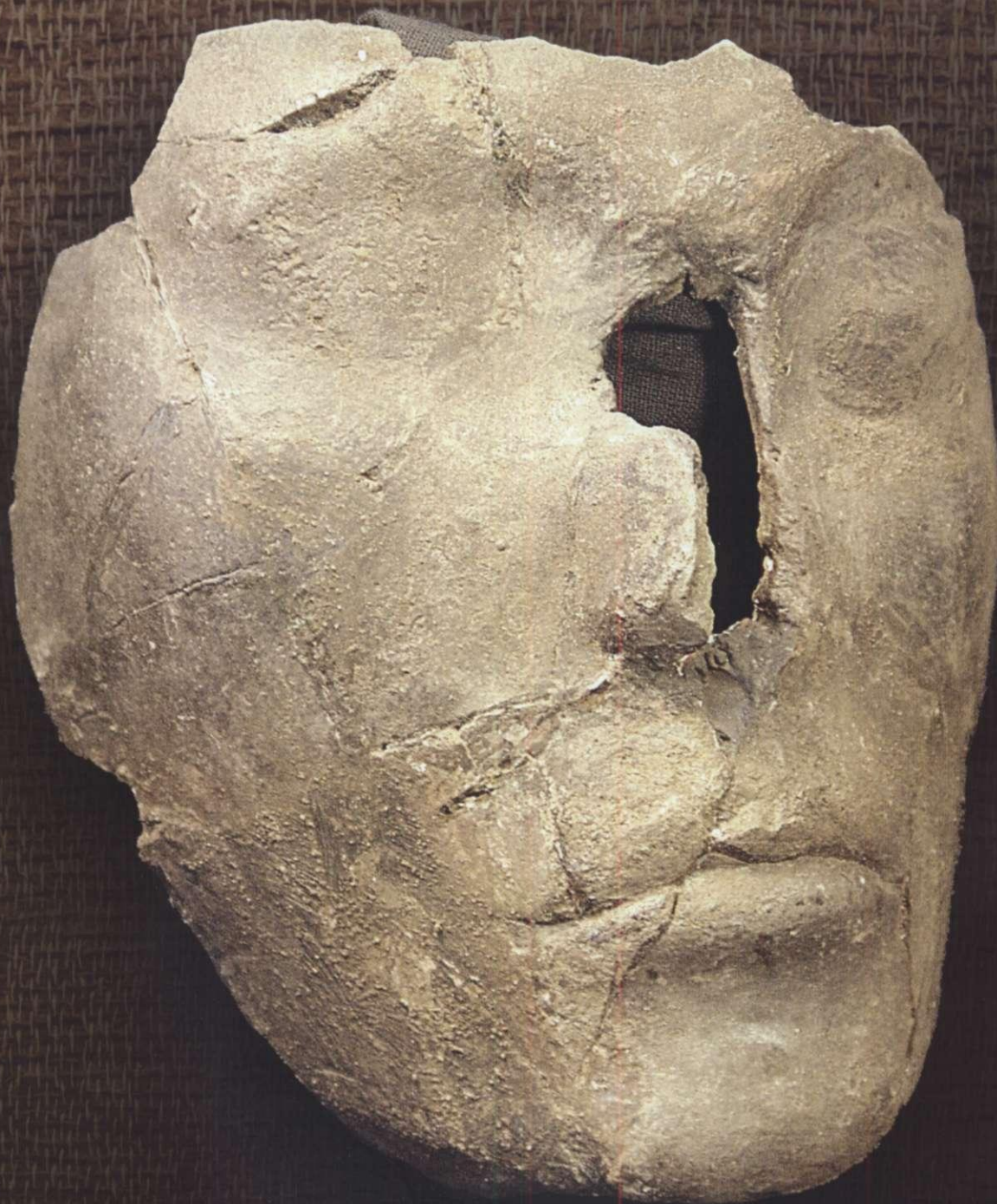
17. Левая половина маски куклы. V—VI вв. Курган с. Усть-Тесь.
Минусинский музей.
Dummy's mask V—VI. A.D. Ust-Tes.
Minusinsk Museum.

18. Правая часть маски куклы. V—VI вв. Курган с. Усть-Тесь.
Минусинский музей.
Dummy's mask V—VI. A.D. Ust-Tes.
Minusinsk Museum.

19. Маска куклы. V—VI вв. Курган 1 у с. Усть-Тесь.
Минусинский музей.
Dummy's mask. V—VI. A. D. Ust-Tes.
Minusinsk Museum.

20. Маска куклы V—VI вв. Курган 1 у с. Усть-Тесь.
Минусинский музей.
Dummy's mask. V—VI A.D. Ust-Tes.
Minusinsk Museum.

21. Маска куклы. V—VI вв. Курган с. Усть-Тесь.
Государственный Исторический музей. Москва.
Dummy's mask. V—VI A.D. barrow Ust-Tes.
State Historic Museum. Moscow.

22. Бюст VI вв. Курган у с. Кривинское.
Государственный Исторический музей. Москва.
Bust. VI. A.D. barrow Krivinskoe.
State Historic Museum. Moscow.

23. Маска от бюста. V—VI вв. Курган на горе Бычиха у с. Сыда.
Минусинский музей.
The head of bust. V—VI A.D. Barrow Syda.
Minusinsk Museum.

24. Тяжёлый и хрупкий бюст VI—VII вв. Уйбат курган 6.
Минусинский музей.
Bust VI—VII A.D. Uybat.
Minusinsk Museum.

25 а. Женская маска куклы и её правая сторона. VI в. Уйбат курган 5.
Государственный Исторический музей. Москва.
Two views of a woman's mask. VI. A.D. Uybat kurgan 5.
State Historic Museum. Moscow.

25 б. Та же маска после реконструкции росписи.
Mask with reconstruction of entire the painting.

26 а. Женская маска и её правая сторона. VI в. Уйбат курган 5.
Государственный Исторический музей. Москва.
Two views of a woman's mask. VI. A.D. Uybat kurgan 5.
State Historic Museum. Moscow.

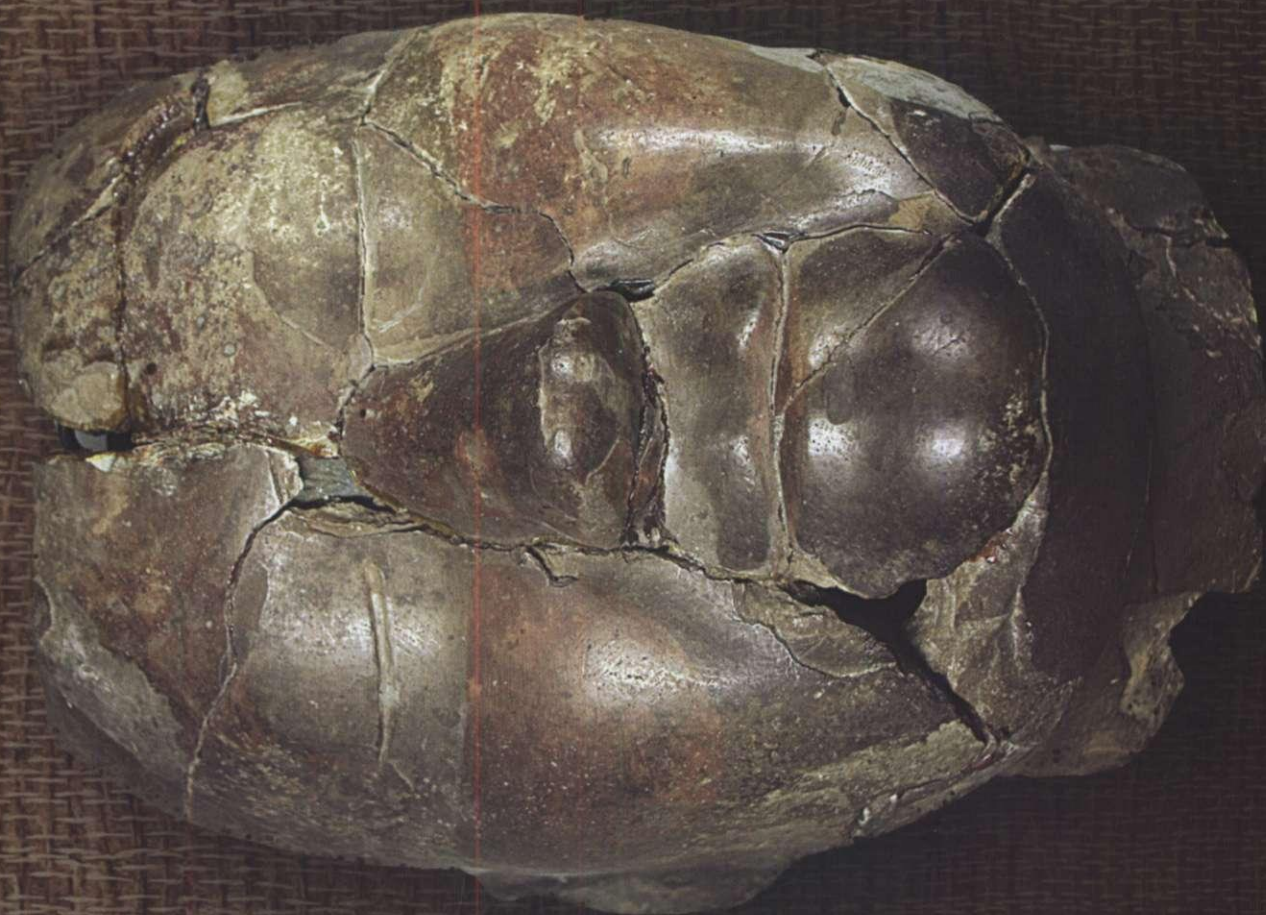

26 б. Та же маска после реконструкции росписи.
Mask with reconstruction of the painting.

27 а. Женская маска-бюст и её правая сторона. VI в. Уйбат курган 11.
Исторический музей.
*Two views of a woman's white mask with a design. VI. A.D. Uybat kurgan 11.
State Historic Museum.*

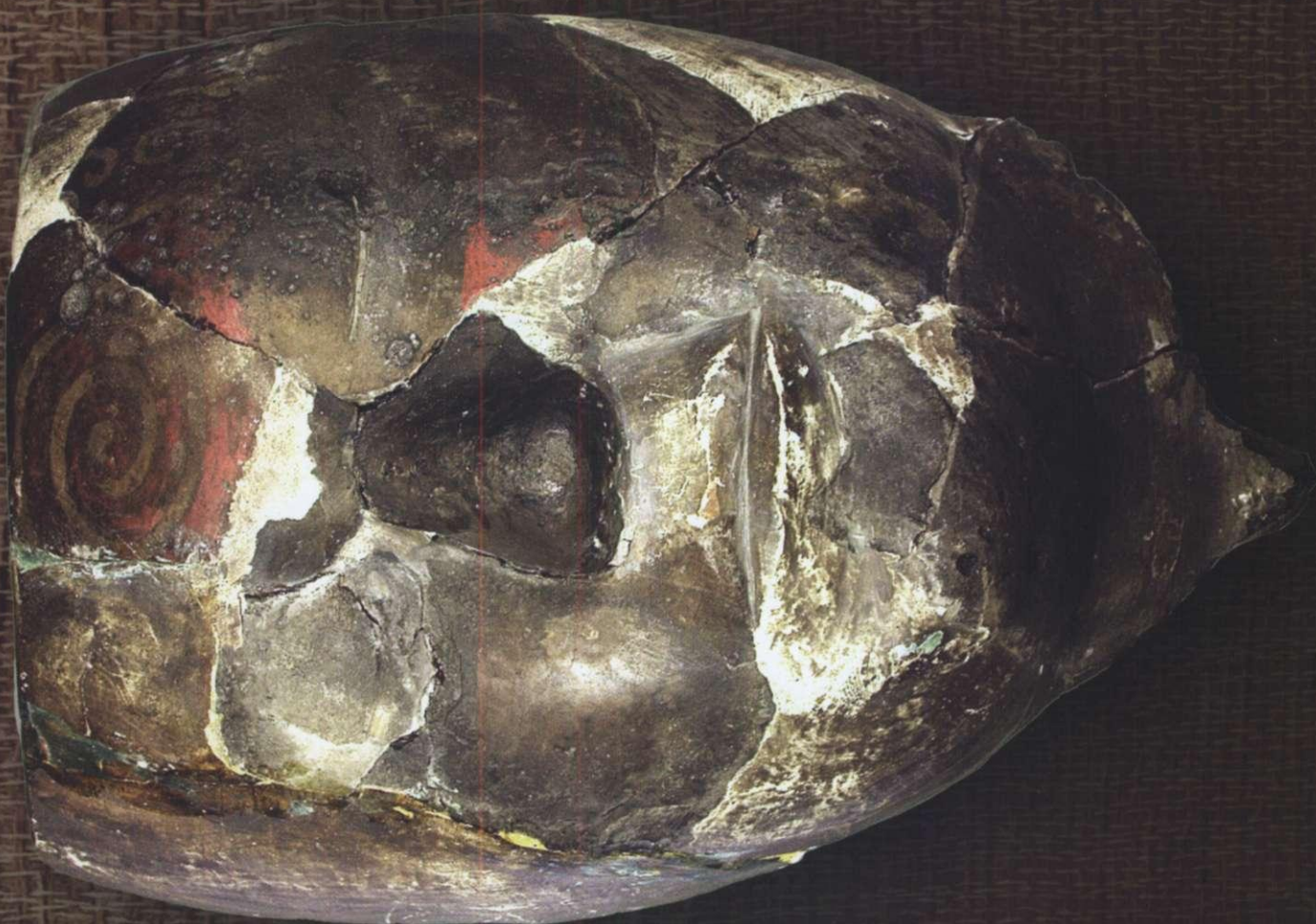

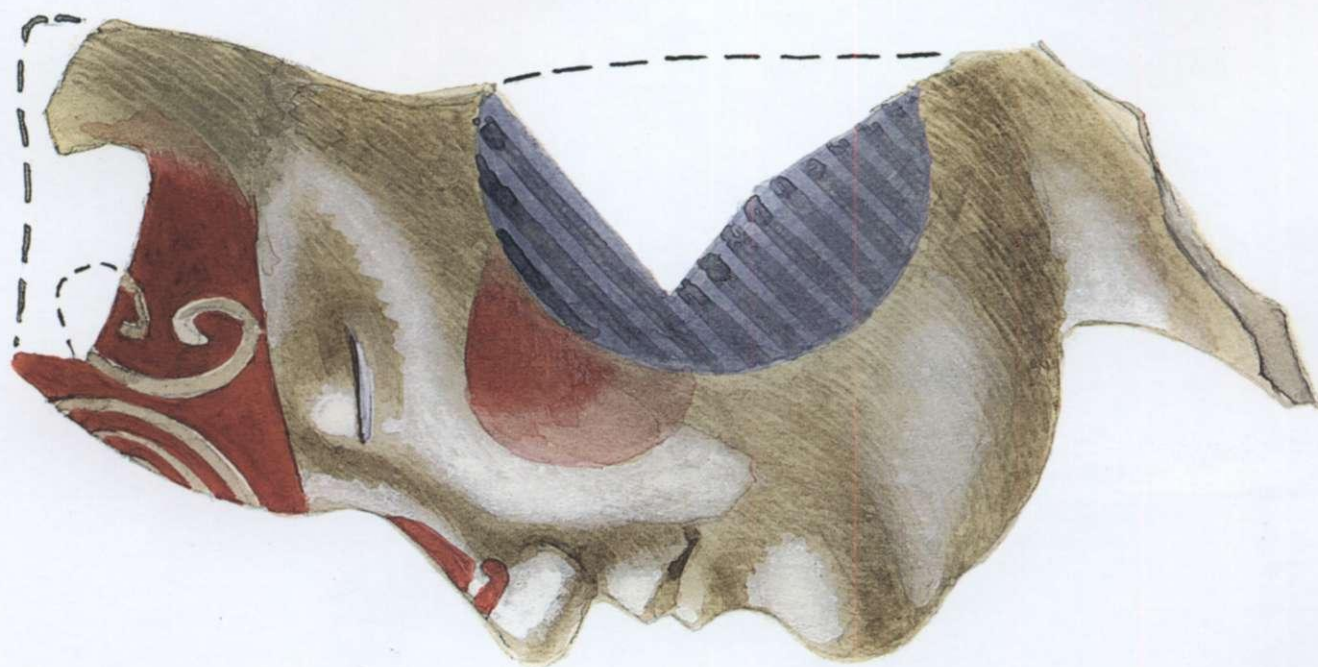

27 б. Та же маска после реконструкции росписи.
Two views of a woman's white mask with reconstruction of the painting.

28 а. Женская маска-бюст и её левая половина. VI в. Уйбат курган 11.
Государственный Исторический музей.
Two views of a woman's white mask with a design. VI. A.D. Uybat kurgan 11.
State Historic Museum.

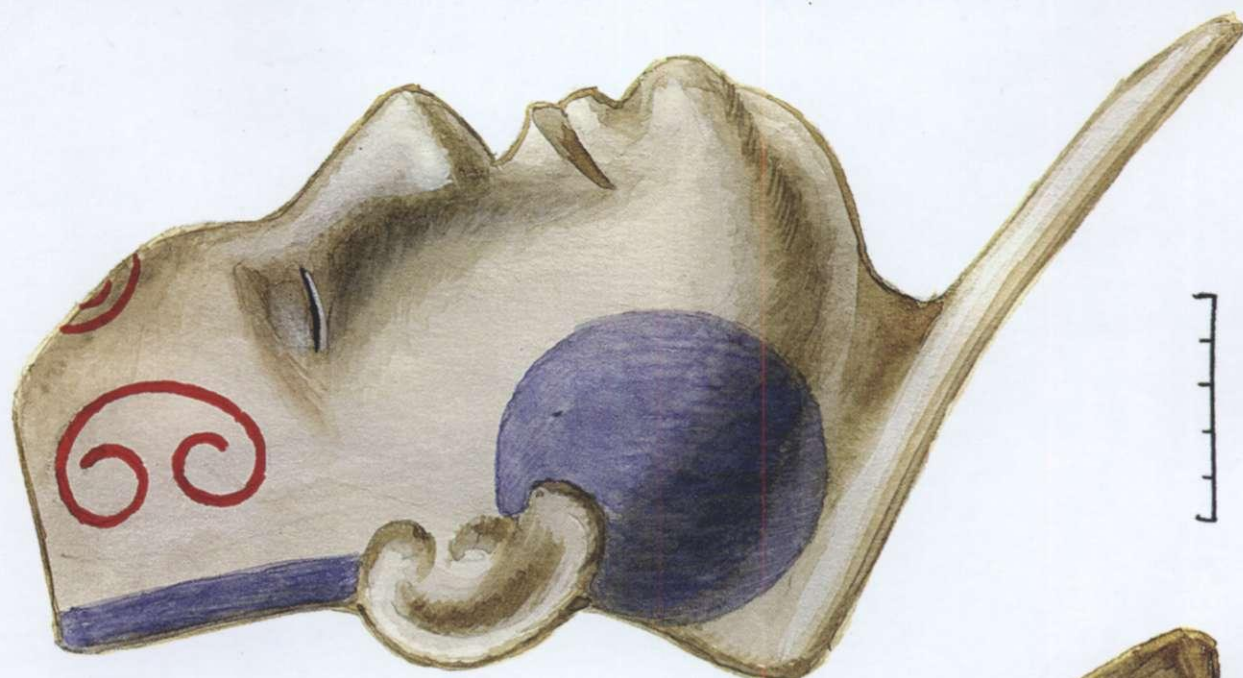

28 б. Та же маска после реконструкции росписи.
Two views of a woman's white mask with reconstruction of the painting.

29 а. Бюст и его правая половина. VI в. Уйбат курган 11.
Государственный Исторический музей.
Two views of a bust with a design. VI. A.D. Uybat kurgan 11.
State Historic Museum.

29 6. Тот же бюст после реконструкции росписи.
 Bust with reconstruction of the painting on forehead and representation
 of hair.
 State Historic Museum.

30 а. Бюст и его правая половина. VI в. Уйбат курган 11.
Государственный Исторический музей.
Two views of a bust with a design. VI. A.D. Uybat kurgan 11.
State Historic Museum.

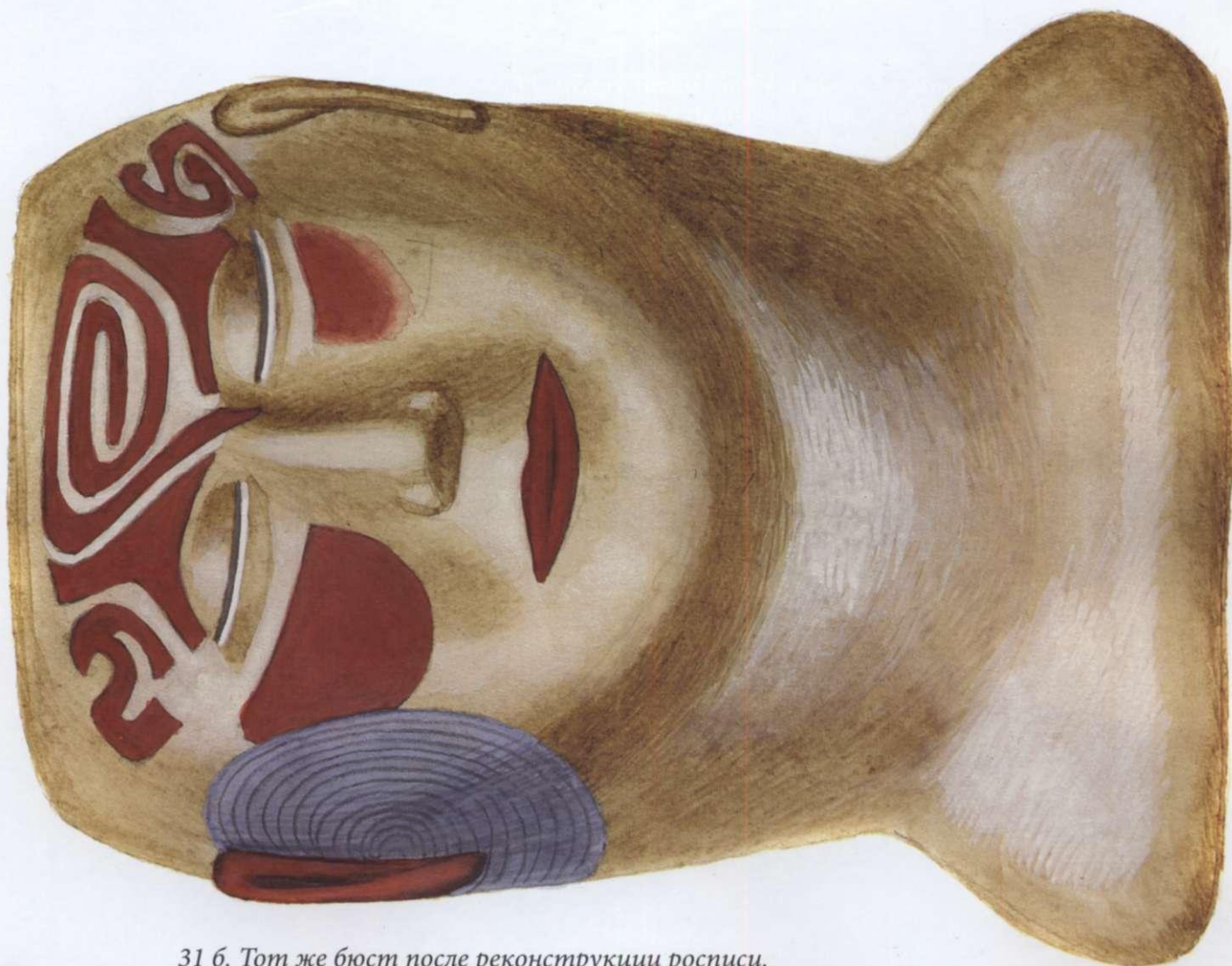
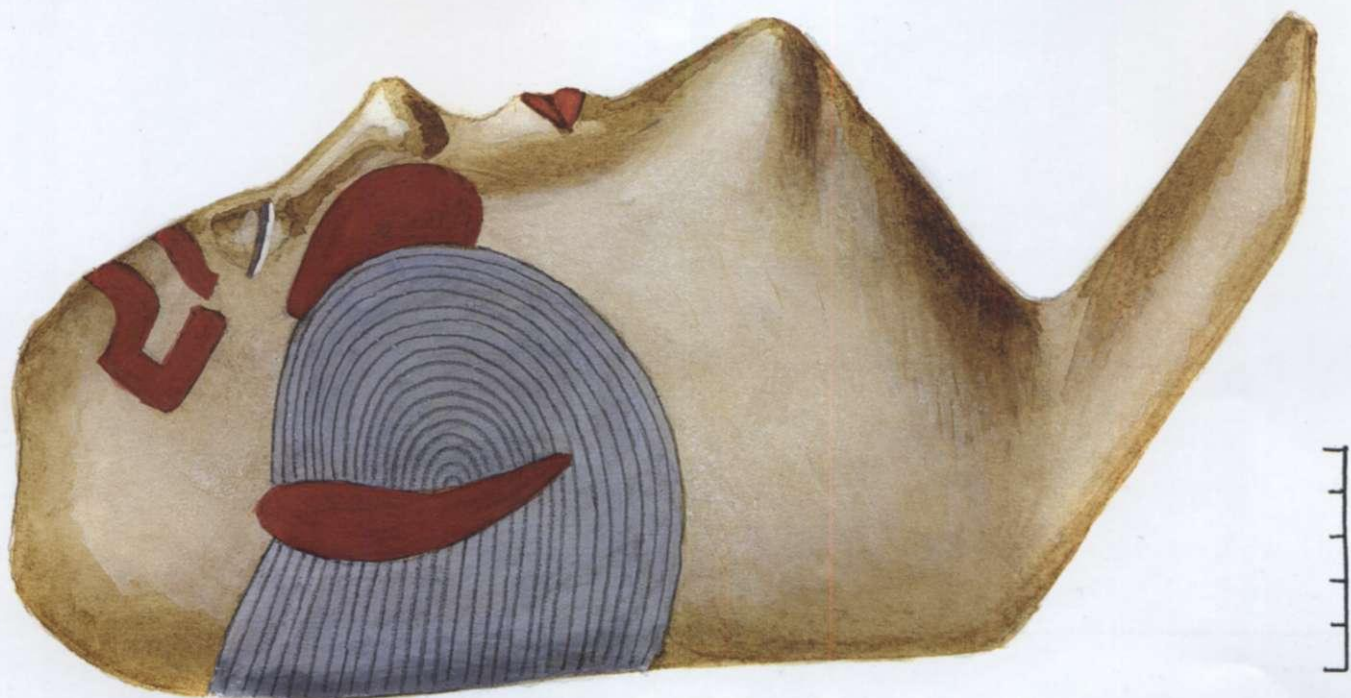

30 б. Тот же бюст после реконструкции росписи.
Bust with reconstruction of the painting on forehead, cheeks and
representation of hair.

31 а. Бюст и его правая половина. VI в. Уйбат курган 11.
Государственный Исторический музей.
Two views of a bust with a design. VI. A.D. Uybat kurgan 11.
State Historic Museum. Moscow.

31 б. Тот же бюст после реконструкции росписи.
 Bust with reconstruction of the painting on forehead, cheeks,
 and representation of hair.

32 а. Бюст и его левая половина. VI в. Уйбат курган 11.
Государственный Исторический музей.
Two views of a bust with a design. VI. A.D. Uybat kurgan 11.
State Historic Museum. Moscow.

32 б. Тот же бюст после реконструкции росписи.
Bust with reconstruction of the painting on forehead, cheeks, and
representation of hair.

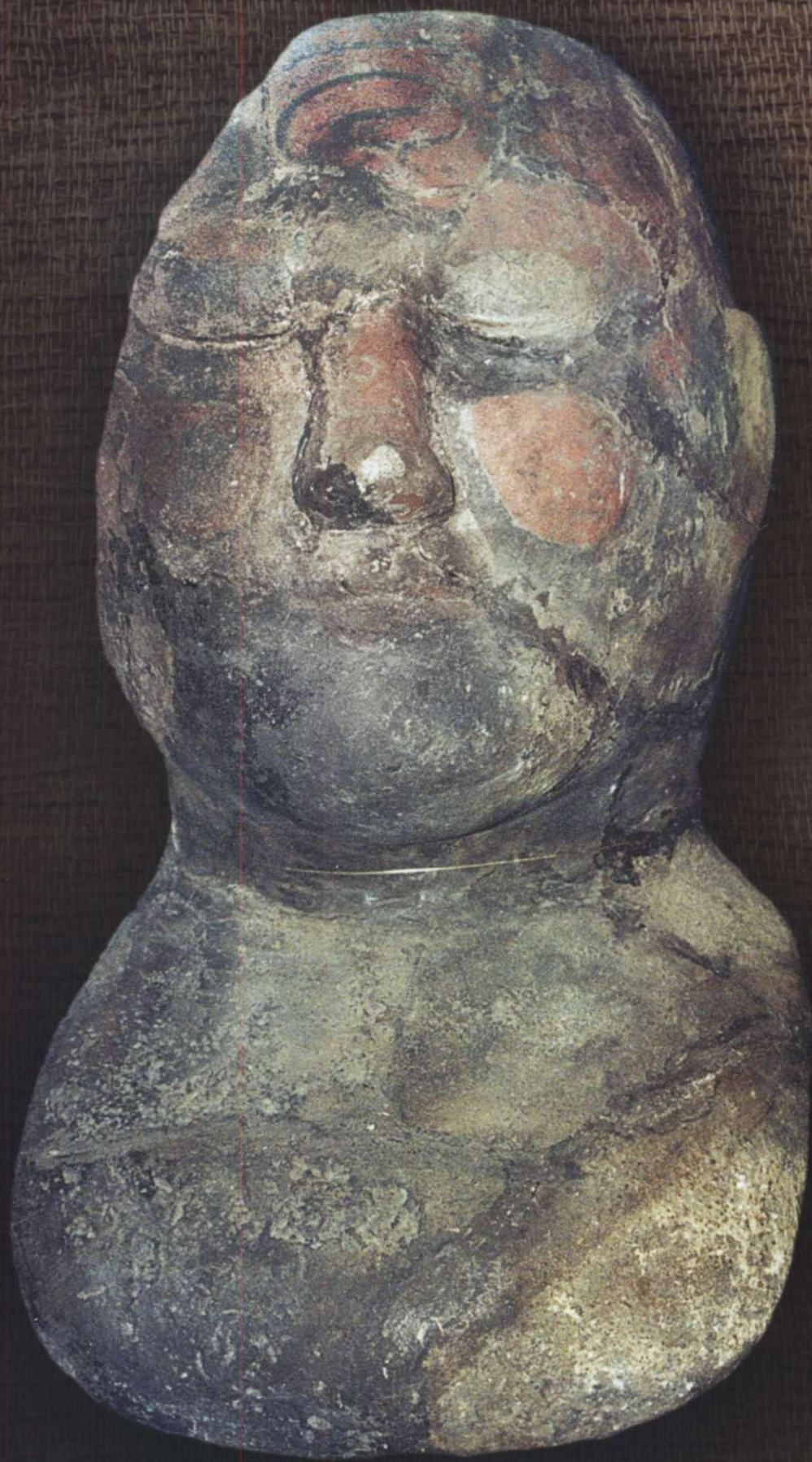

33 а. Маска-бюст и её левая половина. VI в. Уйбат курган 11.
Государственный Исторический музей.
Two views of a mask with a design. VI. A.D. Uybat kurgan 11.
State Historic Museum.

33 б. Та же маска после реконструкции росписи.
Mask with reconstruction of the painting on the cheeks and representation of hair.

34 а. Бюст. VI в. Уйбат курган 11. Государственный Исторический музей.
Bust with a design. VI. A.D. Uybat kurgan 11. State Historic Museum.

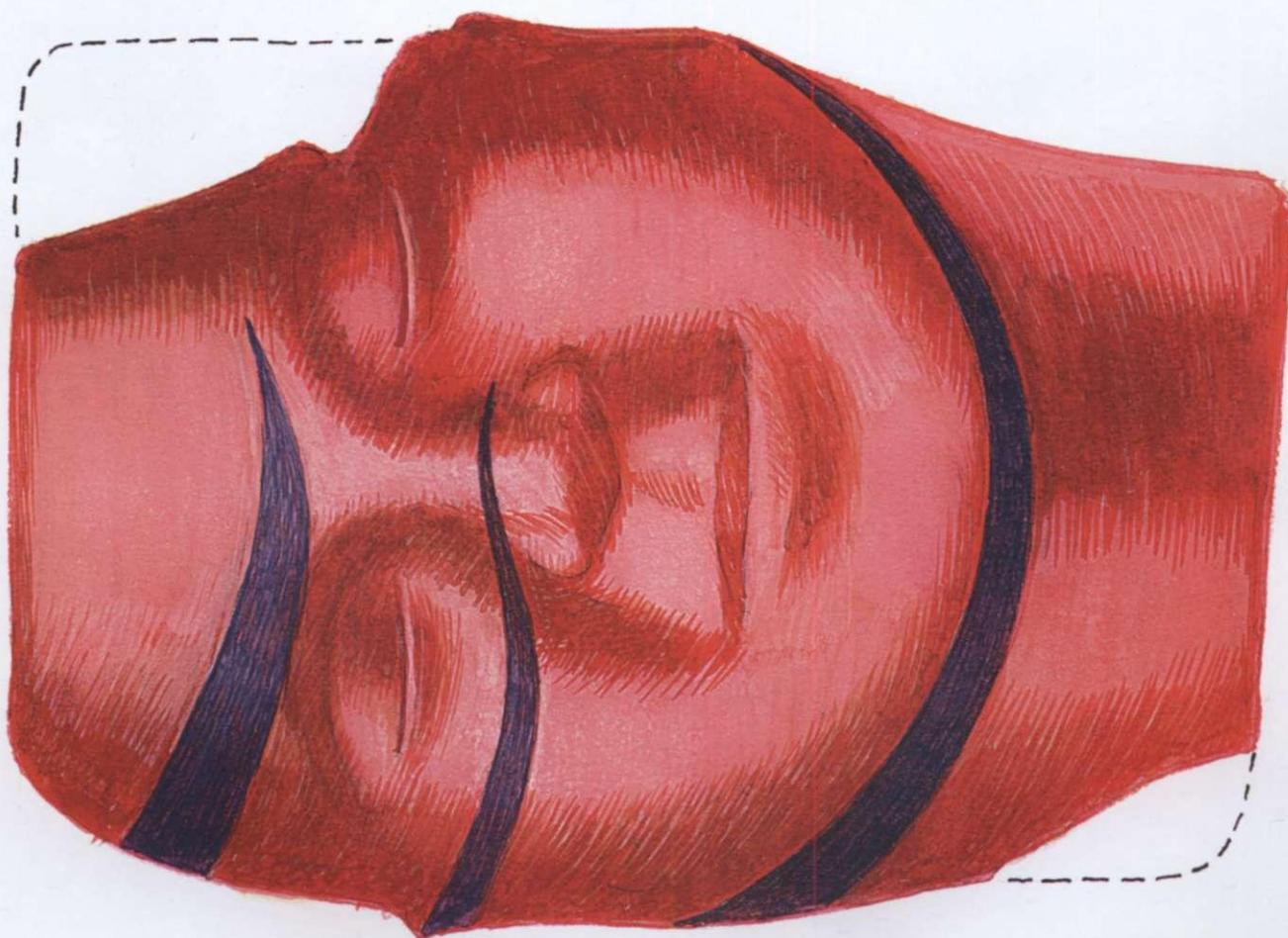
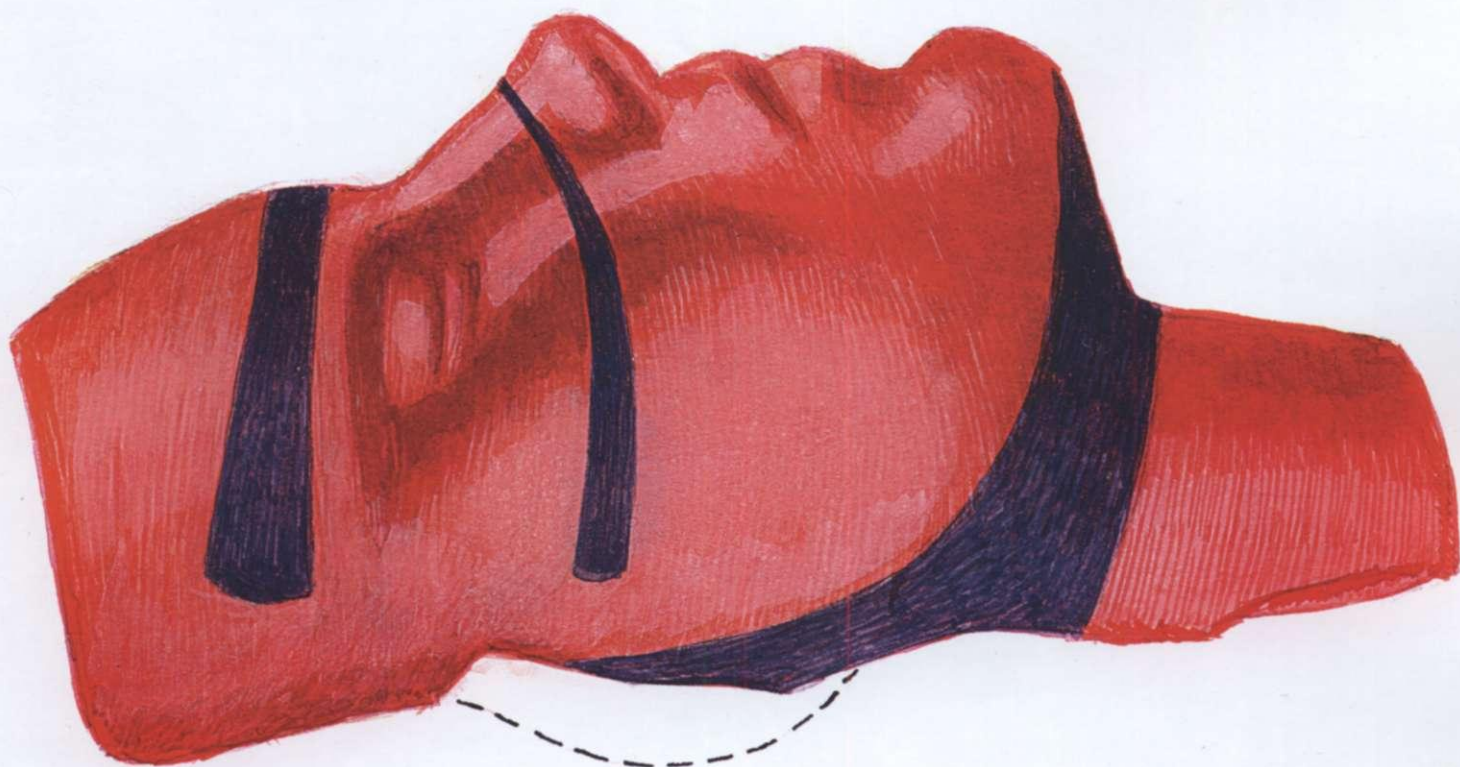

34 б. Тот же бюст после реконструкции росписи.
Bust with reconstructed painting on the forehead, nose and cheeks.

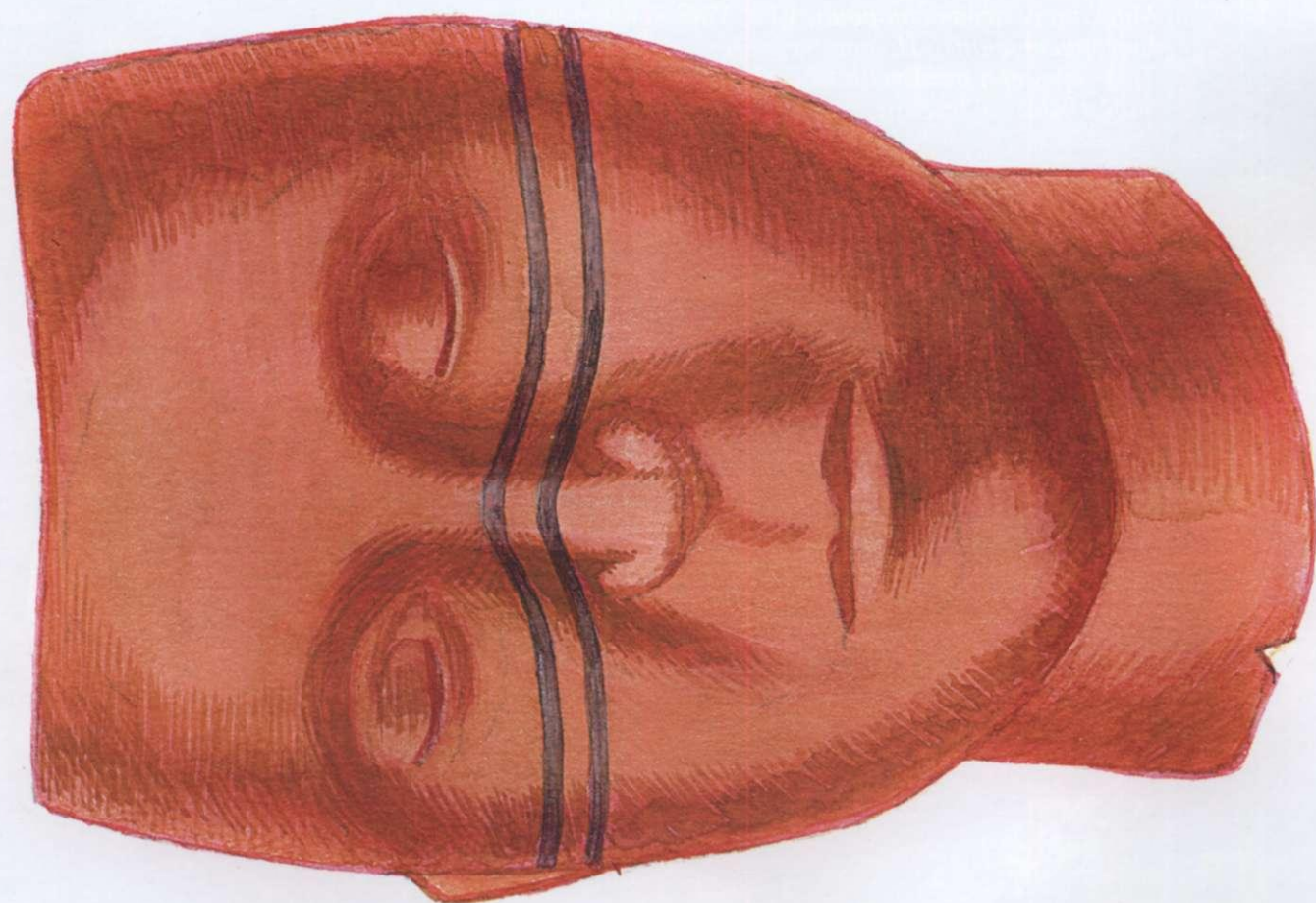
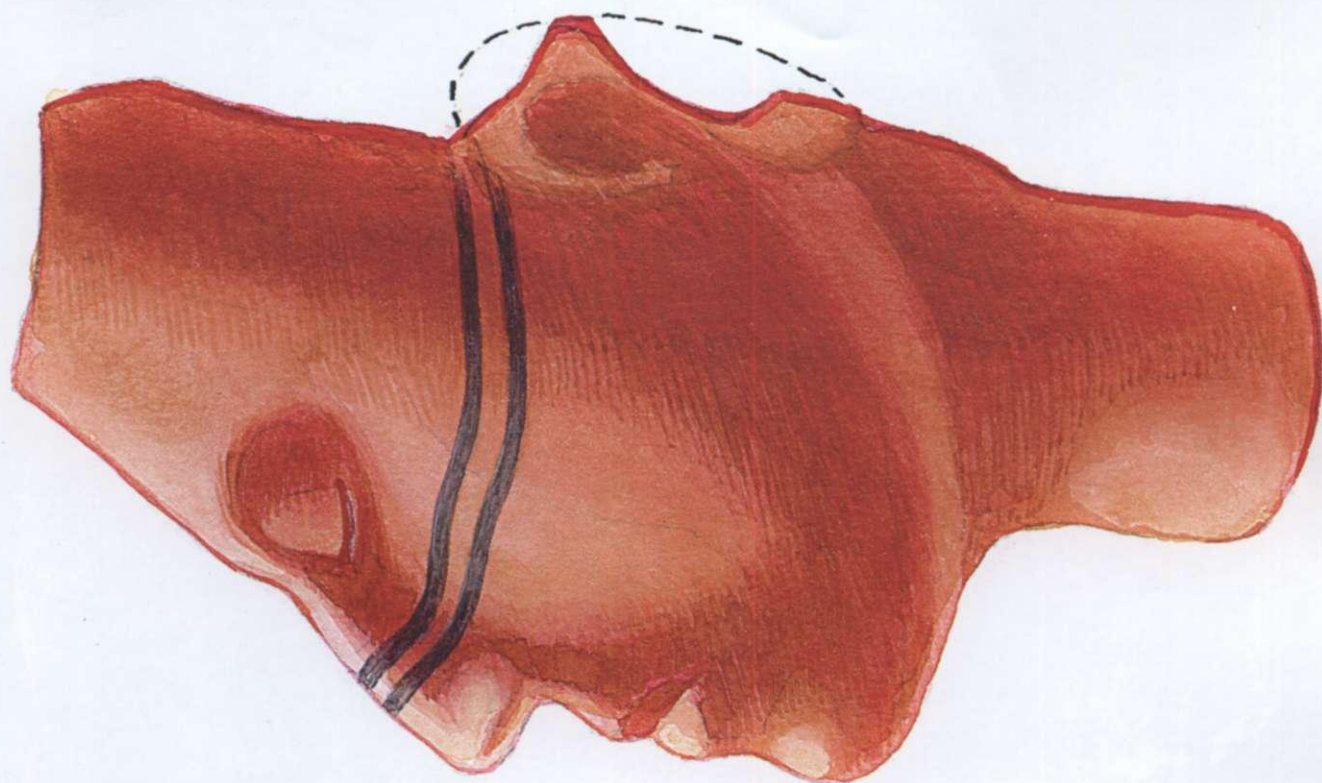
35 а. Маска-бюст и её правая сторона. VI в. Уйбат курган 11.
Государственный Исторический музей.
Two views of a bust with traces of reddish pain VI. A.D. Uybat kurgan 11.
State Historic Museum.

35 6. Та же маска после реконструкции росписи.
Reconstructed red bust with black stripes on the forehead,
under the eyes and from on ear to another.

36 а. Маска-бюст. VI в. Уйбат курган 11.
Государственный Исторический музей.
A yellowish brown bust with traces of soot. VI. A.D. Uybat kurgan 11.
State Historic Museum.

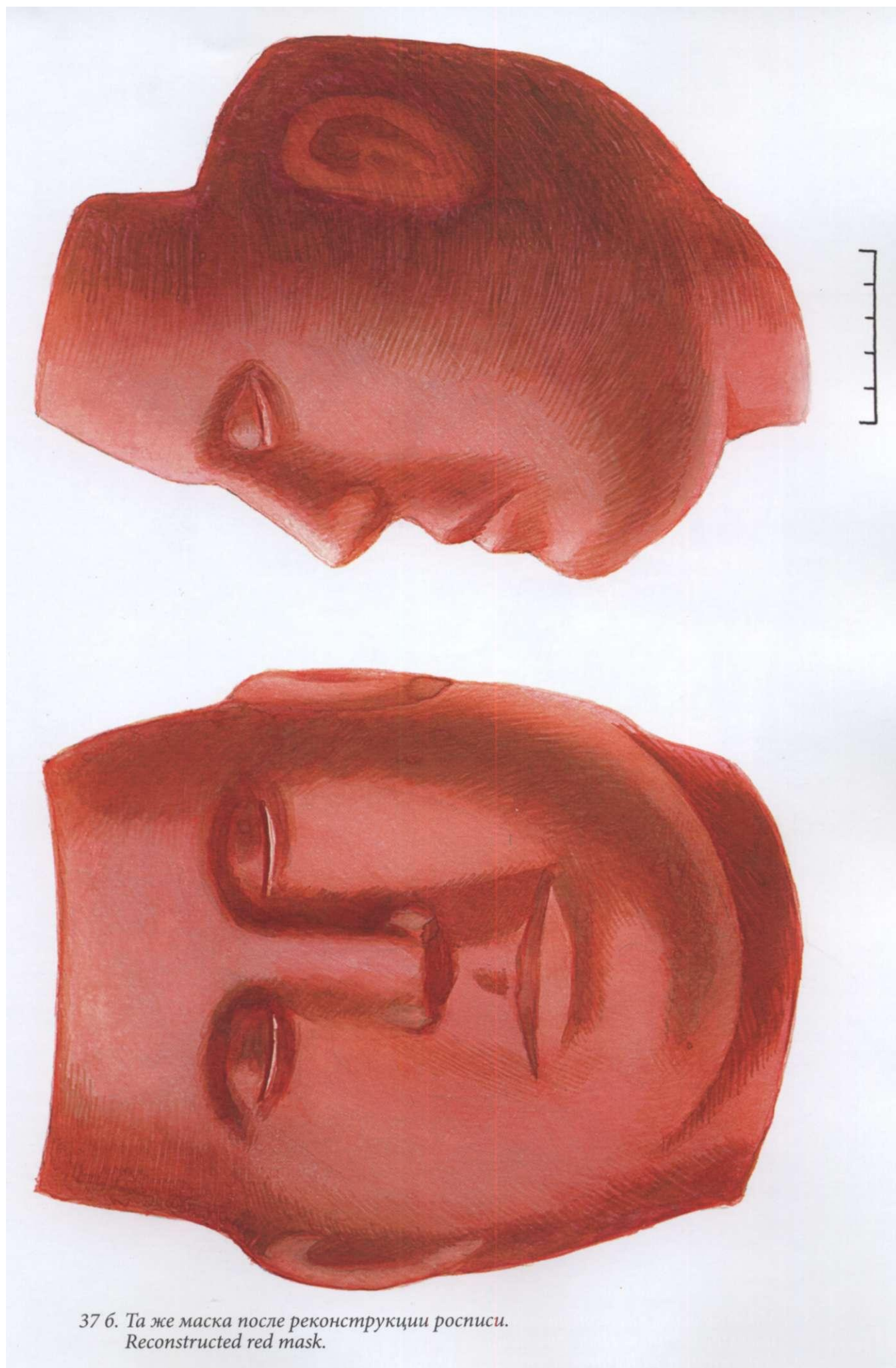

36 б. Та же маска после реконструкции росписи.
Reconstructed red bust with two black stripes under the eyes.

37 а. Маска и её левая сторона. VI в. Уйбат курган 11.
Государственный Исторический музей.
Two views of a mask with traces of reddish pain. VI. A.D. Uybat.
State Historic Museum.

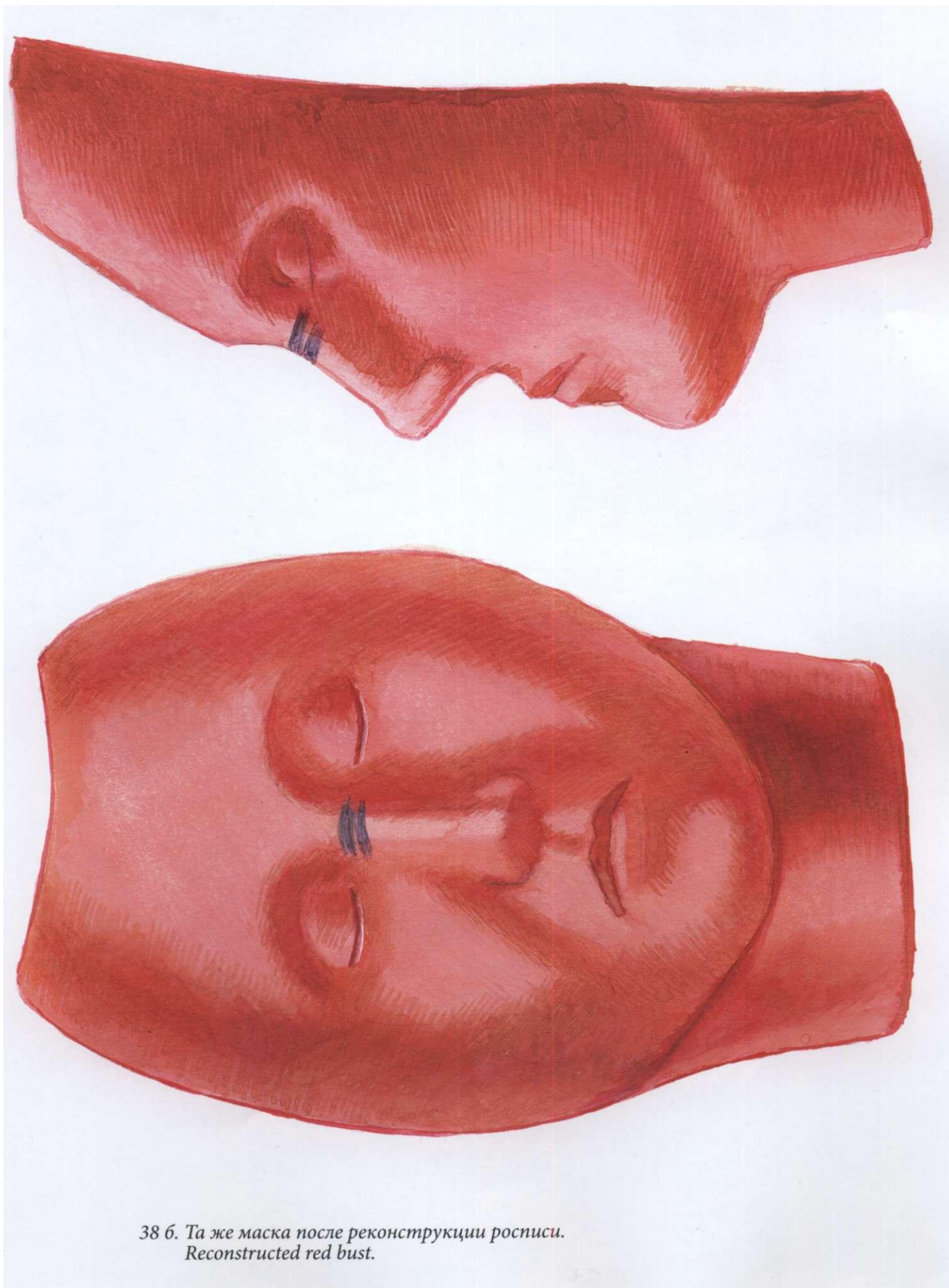

37 б. Та же маска после реконструкции росписи.
Reconstructed red mask.

38 а. Маска-бюст с высокой шеей. VI в. Уйбат курган 11.
Государственный Исторический музей.
A brown bust with traces of soot. VI. A.D. Uybat.
State Historic Museum.

38 б. Та же маска после реконструкции росписи.
Reconstructed red bust.

39. Левая половина маски куклы. VI в. Курган у д. Быстрая,
Минусинский краеведческий музей. Минусинск.
*Dummy's mask. Bistray.
Minusinsk Museum. Minusinsk.*

40. Маска-бюст. VI—VII вв. Курган на Сырском чаа тасе.
Хакасский республиканский музей. Абакан.
Mask-bust. VI—VII. A.D. Syry.
Abakan Museum.

41. Верхняя половина маски. VI—VII вв. Курган на Сырском чаа тасе.
Хакасский республиканский музей.
The part of mask. VI—VII. A.D. Syry.
Abakan Museum.

42. Левая половина маски-бюста VI—VII вв. Курган на Сырском чаа тасе.
Хакасский республиканский музей.
Left half of the bust VI—VII. A.D. Syry.
Abakan Museum.

43. Коричневый закопчённый бюст. VI—VII вв. Тенсей III.
Государственный Эрмитаж.
A brown bust with traces of soot. VI—VII. A.D. Tepsey.
State Hermitage.

44. Белая маска со следами красной росписи. VII в. Курган Арбан II.
Государственный Эрмитаж.
A white mask with traces of reddish paint. VII. A.D. Kurgan Arban II.
State Hermitage.

45. Маска куклы. V—VI в. Курган 1 Ташеба.
Хакасский республиканский музей. Абакан.
Dumty's mask. V—VI . A.D. Tasheba kurgan 1.
Abakan Museum.

46. Маска-бюст. VI в. курган Белый Яр III.
Археолого-этнографический музей Института истории и права ХГУ
им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан.
Mask-bust. VI. A.D. kurgan Belyi Yar III.
Archaeological Museum of Khakass University.

47. Маска-бюст. VI в. Курган Белый Яр III.
Археолого-этнографический музей Института истории и права ХГУ
им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан.
Mask-bust. VI. A.D. kurgan Belyi Yar III.
Archaeological Museum of Khakass University.

48. Правая половина красной маски. VI в. курган Белый Яр III.
Археолого-этнографический музей Института истории и права ХГУ
им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан.
Right half of the red mask. VI. A.D. kurgan Belyi Yar III.
Archaeological Museum of Khakass University.

Научно-популярное издание
ВАДЕЦКАЯ Эльга Борисовна

ДРЕВНИЕ МАСКИ ЕНИСЕЯ

Проект, литературная обработка, составление

Г. А. Смирнова

Компьютерный набор, цветокоррекция иллюстраций

А. Г. Максименков

Ответственный за перевод на англ. язык

Э. Б. Вадецкая

Компьютерный дизайн, вёрстка

С. А. Гайшинец, А. В. Нуждов

Технический редактор

Н. С. Смирнова

Корректор

А. С. Каримова

Разработка шрифта «буквицы» к главам

Ю. Абаев

Подписано в печать 30.09.09. Формат 60х90 1/8.

Бумага мелованная. Печать офсетная. Усл. п. л. 31,0. Тираж 1000 экз. Заказ 2899.

Издатель: Смирнова Г. А. (Свидетельство № 1266/01 от 10.12.04) E-mail: nisa-63@yandex.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета.

ООО «Версо», 660079, г. Красноярск, ул. А. Матросова, 30к. E-mail: versona@kras.ru

О ДРЕВНИХ МАСКАХ ЕНИСЕЙЦЕВ

...Застыли в гипсе лица людей,
давно ушедших в вечность. Но история
нам оставила свидетельства того,
какими они были живыми. Закрытые
глаза и сомкнутые губы - отражение
состояния глубокого покоя. И всё же
яркая магическая роспись их оживляет.

Что это за скульптуры древности?

Почему их называют масками?

Когда, как и зачем их изготавливали?

Каким образом удалось маскам
сохраниться до наших дней?

Что позволило археологам открыть
их миру? И какие нравственные
ценности эта древняя культура
донесла до нашего времени?...

Эти вопросы освещает
автор книги.